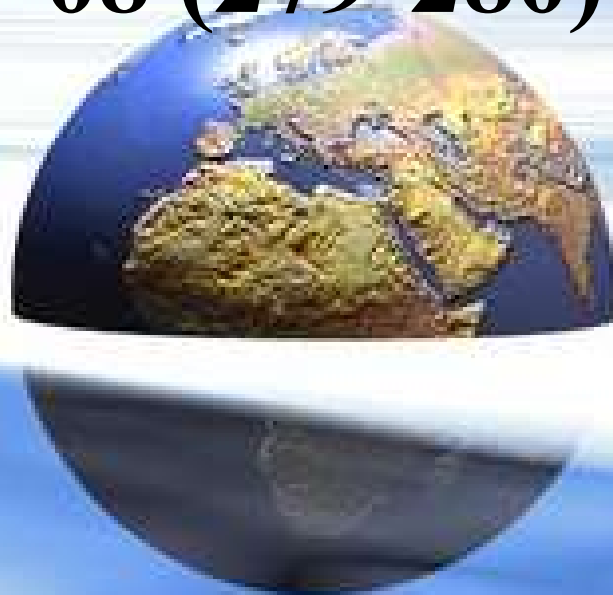

ISSN 2708-5929 (онлайн)
ISSN 2708-5910

МИР ЗАКОНА
№№ 07-08 (279-280)

THE WORLD
OF THE LAW
№№ 07-08 (279-280)

Алматы, 2025

ISSN 2708-5929 (онлайн)
ISSN 2708-5910

МИР ЗАКОНА
№ № 7-8 (279-280)

THE WORLD OF THE LAW

№ № 7-8 (279-280)

Алматы, 2025

МИР ЗАКОНА

Юридический научно-практический журнал
Издаётся с 01.06.1999 г.

Периодичность: 1 раз в 2 месяца

Свидетельство об учётной

регистрации СМИ

№ 544-Ж от 13.01.1999г.

ISSN 2708-5929 (онлайн)

ISSN 2708-5910

РИНЦ № 203-06/2021 от 22.06.2021

Главный и научный редактор:

кандидат юридических наук

Сулейманова Г. Ж.

Редакционная коллегия:

Ахпанов А. Н. — доктор юридических наук, профессор (г. Астана, РК)

Акимжанов Т. К. — доктор юридических наук, профессор (г. Алматы, РК)

Аманалиев У.О. — доктор юридических наук, профессор (г. Бишкек, КР)

Токубаев З. С. — доктор юридических наук, профессор (г. Караганда, РК)

Таранова Т. С. — доктор юридических наук, профессор (г. Минск, РБ)

Татарян В. Г. — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, РФ)

Биекенов Н. А. — доктор юридических наук, доцент (г. Астана, РК)

Смирнова И. Г. — доктор юридических наук, доцент (г. Иркутск, РФ)

Мищенко Е. В. — доктор юридических наук, доцент (г. Оренбург, РФ)

Бекишева С. Д. — доктор юридических наук, доцент (г. Астана, РК)

Людвикевич О.Н. — кандидат юридических наук, доцент (г. Барановичи, РБ)

Волков К. А. — кандидат юридических наук, доцент (г. Хабаровск, РФ)

Шебалин А. В. — кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, РФ)

Серикбаева К. А. — кандидат экономических наук, доцент (г. Алматы, РК)

Гузикова В. В. — кандидат филологических наук, доцент (г. Екатеринбург, РФ)

Максименко Е. И. — кандидат педагогических наук (г. Оренбург, РФ)

Сагиева Г. К. — кандидат юридических наук (г. Актөбе, РК)

Калинин А. А. — доктор философии (PhD) (г. Караганда, РК)

Сергевнин В. А. — доктор философии (PhD), профессор (Иллинойс, США)

Янг Д. А. — доктор юридических наук, доцент (Иллинойс, США)

Ответственные секретари:

Медиев Р. А. — доктор философии (PhD), ассоциированный профессор;

Байкунакова Г. А. —

магистр юридических наук.

МИР ЗАКОНА

Заңгерлік ғылыми-тәжірибелік журнал

1999ж.01.06 бастап шығарылуда

Шығу мерзімділігі: 2 айда 1 рет

БАҚ-тың есептік тіркеу туралы

куәлігі

1999ж.13.01. № 544-Ж

ISSN 2708-5929 (онлайн)

ISSN 2708-5910

РИНЦ 2021ж.22.06 № 203-06/2021

Бас және ғылыми редактор:

заң ғылымдарының кандидаты

Г. Ж. Сулейманова

Редакциялық алқа:

А. Н. Ахпанов — заң ғылымдарының докторы, профессор (КР, Астана қ.)

Т. К. Акимжанов — заң ғылымдарының докторы, профессор (КР, Алматы қ.)

У.О. Аманалиев — заң ғылымдарының докторы, профессор (КР, Бішкек қ.)

З. С. Токубаев — заң ғылымдарының докторы, профессор (КР, Қарағанды қ.)

Т. С. Таранова — заң ғылымдарының докторы, профессор (БР, Минск қ.)

В. Г. Татарян — заң ғылымдарының докторы, профессор (РФ, Мәскеу қ.)

Н. А. Биекенов — заң ғылымдарының докторы, доцент (КР, Астана қ.)

И. Г. Смирнова — заң ғылымдарының докторы, доцент (РФ, Иркутск қ.)

Е. В. Мищенко — заң ғылымдарының докторы, доцент (РФ, Орынбор қ.)

С. Д. Бекишева — заң ғылымдарының докторы, доцент (КР, Астана қ.)

О.Н. Людвикевич — заң ғылымдарының кандидаты, доцент (БР, Барановичи қ.)

К. А. Волков — заң ғылымдарының кандидаты, доцент (РФ, Хабаровск қ.)

А. В. Шебалин — заң ғылымдарының кандидаты, доцент (РФ, Санкт-Петербург қ.)

К. А. Серикбаева — экономика ғылымдарының кандидаты, доцент (КР, Алматы қ.)

В. В. Гузикова — филология ғылымдарының кандидаты, доцент (РФ, Екатеринбург қ.)

Е. И. Максименко — педагогика ғылымдарының кандидаты (РФ, Орынбор қ.)

Г. К. Сагиева — заң ғылымдарының кандидаты (КР, Ақтөбе қ.)

А. А. Калинин — философия докторы (PhD) (КР, Қарағанды қ.)

В. А. Сергевнин — философия докторы (PhD), профессор (АҚШ, Иллинойс)

Д. А. Янг — заң ғылымдарының докторы, доцент (АҚШ, Иллинойс)

Жауапты хатшылар: Р. А. Медиев — философия докторы (PhD),

қауымдастырылған профессор;

Г. А. Байкунакова — заң ғылымдарының магистрі.

THE WORLD OF THE LAW

The juridical scientific-practical journal

Published since 01.06.1999.

Periodicity: 1 time in 2 months

Certificate of accounting

registration of the media

№ 544-Ж of 13.01.1999

ISSN 2708-5929 (online)

ISSN 2708-5910

RSCI № 203-06/2021 of 22.06.2021

Chief and scientific Editor:

Candidate of Legal Science

Suleimanova G. Zh.

Editorial board:

Ahpanov A. N. — Doctor of law, professor (Astana, Kazakhstan)

Akimzhanov T.K. — Doctor of law, professor (Almaty, Kazakhstan)

Amanaliyev U.O. — Doctor of law, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Tokubaev Z. S. — Doctor of law, professor (Karaganda, Kazakhstan)

Taranova T. S. — Doctor of law, professor (Minsk, Belarus)

Tataryan V. G. — Doctor of law, professor (Moscow, Russia)

Biekenov N. A. — Doctor of law, associate professor (Astana, Kazakhstan)

Smirnova I. G. — Doctor of law, associate professor (Irkutsk, Russia)

Mishchenko E.V. — Doctor of law, associate professor (Orenburg, Russia)

Bekisheva S. D. — Doctor of law, associate professor (Astana, Kazakhstan)

Lyudvikovich O. N. — Candidate of legal sciences, associate professor (Baranovich, Belarus)

Volkov K.A. — Candidate of legal sciences, associate professor (Khabarovsk, Russia)

Shebalin A. V. — Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg, Russia)

Serikbayeva K. A. — Candidate of economic sciences, associate professor (Almaty, Kazakhstan)

Guzikova V. V. — Candidate of philological sciences, associate professor (Yekaterinburg, Russia)

Maksimenco E. I. — Candidate of pedagogical sciences (Orenburg, Russia)

Sagieva G. K. — Candidate of legal sciences (Aktobe, Kazakhstan)

Kalinin A. A. — Doctor of Philosophy (PhD) (Karaganda, Kazakhstan)

Sergevnnin V. A. — Doctor of Philosophy (PhD), professor (Illinois, USA)

Young D. A. — juris doctrine, assistant professor (Illinois, USA)

Executive Secretaris: Mediyev R. A. — Doctor of Philosophy (PhD),

associate professor;

Baykunakova G. A. — master of juridical sciences.

ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ҒЫЛЫМИ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША
ON THE MATERIALS OF SCIENTIFIC RESEARCH

IRSTI 10.87.51
UDC 341.461

Abubakirova Gulnur Muratbekkizi — graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Kyrgyz Republic, Bishkek);

Zhandykeyeva Gulnar Esenbekovna — senior lecturer of the Department of Legal Disciplines, Q-university, doctor (PhD) (Republic of Kazakhstan, Almaty)

**CONFISCATION AND RETURN OF ASSETS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC
OF CHINA: LEGAL MECHANISMS, EXPERIENCE, AND POSSIBILITIES
FOR ADAPTATION IN KAZAKHSTAN**

Annotation. This article examines the legal system of the People's Republic of China in the area of confiscation and return of illegally obtained assets. It analyzes the current provisions enshrined in the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure, as well as their application in the fight against corruption and economic crimes. Particular attention is paid to the «Quanfang» method, a new tool based on encouraging offenders to voluntarily cooperate with law enforcement agencies in order to speed up asset recovery procedures. This method combines elements of criminal procedure and international cooperation, demonstrating high effectiveness. The article highlights the advantages of this approach: reduced time and costs, simplified evidentiary procedures, and a reduced burden on the judiciary. At the same time, it notes some problematic aspects: the limited use of civil law instruments and the need to update evidentiary standards, which points to the need for further improvement of the legal framework of the People's Republic of China. The author focuses on the possibility of adapting China's successful practices in the legislation of the Republic of Kazakhstan, which will strengthen the national legal system and increase the level of trust in state institutions.

Keywords: quanfang, confiscation, return, assets, legislation, legal system, international cooperation, repatriation.

Әбубәкірова Гүлнұр Мұратбекқызы — Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті заң институтының қылмыстық құқық және криминология кафедрасының аспиранты (Қырғыз Республикасы, Бішкек қ.);

Жандыкеева Гүлнар Есенбекова — Q-university заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, (PhD) докторы (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

ҚЫТАЙ ХАЛЫҚ РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ АКТИВТЕРДІ ТӘРКІЛЕУ ЖӘНЕ ҚАЙТАРУ: ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ, ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДА БЕЙІМДЕУ МҮМКІНДІКТЕРІ

Түйін. Мақалада заңсыз алынған активтерді тәркілеу және қайтару саласындағы Қытай Халық Республикасының құқықтық жүйесі қарастырылады. Қылмыстық және қылмыстық іс жүргізу кодекстерінде бекітілген қолданыстағы нормалар, сондай-ақ оларды сыбайлас жемқорлыққа және экономикалық қылмыстарға қарсы күресте қолдану тәжірибесі талданады. Активтерді қайтару рәсімдерін жеделдету үшін құқық бұзушылардың құқықтық тәртіп органдарымен ерікті ынтымақтастығын ынталандыруға негізделген жаңа құрал — «Цюаньфан» әдісіне ерекше назар аударылды. Бұл әдіс қылмыстық процестің элементтерін және халықаралық өзара әрекеттесуді біріктіріп, жоғары тиімділікті көрсетеді. Мақалада тәсілдің артықшылықтары көрсетілген: мерзімдер мен шығындарды қысқарту, дәлелдеу рәсімдерін жеңілдету, сот органдарына жүктемені азайту. Сонымен қатар проблемалық тараптар да атап өтіледі: азаматтық-құқықтық құралдарды шектеулі пайдалану және дәлелдеу стандарттарын жаңарту қажеттілігі, бұл Қытай Халық Республикасының құқықтық базасын одан әрі жетілдіру қажеттілігін көрсетеді. Автор Қытайдың табысты тәжірибелерін Қазақстан Республикасының заңнамасына бейімдеу мүмкіндігіне назар аударады, бұл ұлттық құқықтық жүйені нығайтуға және мемлекеттік институттарға деген сенім деңгейін арттыруға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: цюаньфан, тәркілеу, қайтару, активтер, заңнама, құқықтық жүйе, халықаралық ынтымақтастық, репатриация.

Абубакирова Гулнур Муратбековна — аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Кыргызского Национального университета имени Ж. Баласагына (Кыргызская Республика, г. Бишкек);

Жандыкеева Гульнар Есенбековна — старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Q-university, доктор (PhD) (Республика Казахстан, г. Алматы)

КОНФИСКАЦИЯ И ВОЗВРАТ АКТИВОВ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ, ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматривается правовая система Китайской Народной Республики в сфере конфискации и возврата незаконно полученных активов. Анализируются действующие нормы, закрепленные в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах, а также практика их применения в борьбе с коррупцией и

экономическими преступлениями. Особое внимание уделено методу «Цюаньфан» — новому инструменту, основанному на стимулировании добровольного сотрудничества правонарушителей с органами правопорядка для ускорения процедур возврата активов. Этот метод сочетает в себе элементы уголовного процесса и международного взаимодействия, демонстрируя высокую результативность. В статье подчеркиваются преимущества подхода: сокращение сроков и расходов, упрощение доказательственных процедур, снижение нагрузки на судебные органы. Одновременно отмечаются и проблемные стороны: ограниченное использование гражданско-правовых инструментов и необходимость обновления стандартов доказывания, что указывает на потребность в дальнейшем совершенствовании правовой базы Китайской Народной Республики. Авторы акцентируют внимание на возможности адаптации успешных практик Китая в законодательстве Республики Казахстан, что позволит укрепить национальную правовую систему и повысить уровень доверия к государственным институтам.

Ключевые слова: цюаньфан, конфискация, возврат, активы, законодательство, правовая система, международное сотрудничество, репатриация.

Introduction. According to annual information on combating the illegal acquisition and transfer of assets, systemic measures were implemented in 2023¹, including the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan «On the Return of Illegally Acquired Assets to the State»² (hereinafter referred to as the Law on the Return of Assets). This regulatory act made it possible to solve a number of conceptual tasks:

1. The subjects of legal relations in the field of returning illegally transferred assets were identified.

2. Mechanisms for identifying, confirming the origin, and returning such assets were regulated.

3. Systemic measures were provided for to eliminate the factors and conditions conducive to the illegal withdrawal of assets.

The adoption of the LRK on the return of assets was a significant step in institutionalizing approaches to the return of illegally acquired assets and the prevention of related offenses. However, the mechanisms of the LRK on the return of assets are in the initial stages of implementation, which highlights the need for a systematic analysis of their effectiveness and further improvement.

Effective analysis and improvement of processes for returning illegally acquired assets are becoming increasingly relevant. The growing transnational nature of criminal assets requires not only deep international cooperation, but also the application of best practices to achieve optimal results. For example, as noted in the United Nations Convention against Corruption (hereinafter referred to as the UNCAC)³, «corruption is no longer a local problem, but a transnational phenomenon affecting all societies and economies, making international cooperation to prevent and combat it essential». Effective control of corruption and bringing perpetrators to justice require addressing key challenges in identifying offenders and recovering stolen assets from abroad. The above issues are relevant to all countries facing various forms of corruption.

In our opinion, research into the legal system of the People's Republic of China (hereinafter referred to as the PRC) in the field of confiscation and asset recovery mechanisms is relevant, since the problem of locating and recovering stolen assets remains one of the most pressing issues for the PRC. It is noted that between the mid-1990s and 2008, between 16,000 and 18,000 corrupt officials fled abroad, taking with them approximately 800 billion yuan⁴. This case attracted the attention of the international community and led to several successful cases of the return of suspects and stolen funds through cooperation between the PRC and foreign government agencies.

The low effectiveness of international anti-corruption mechanisms prompted the Chinese authorities to actively coordinate and negotiate with government agencies in other countries, which allowed them to establish trusting relationships and accumulate significant experience in the field of returning illegally acquired assets.

For example, in 2012, the new leadership of the Communist Party of China launched a decisive fight against corruption, marking a new stage in the country's anti-corruption practices. The main focus was on developing an effective strategy for tracking down corrupt officials who had fled abroad and returning illegally acquired assets⁵.

The turning point came in 2014, when the government introduced special measures to combat corruption, including international search and recovery of property. A special office was set up under the Anti-Corruption Coordination Group (hereinafter referred to as the Coordination Group) to coordinate actions. The Coordination Group combined the efforts of various agencies, established cooperation between internal structures, and organized targeted operations⁵.

As a result, by March 2017, thanks to the Fox Hunt and Skynet initiatives, China had achieved significant results in the fight against corruption. As part of the above-mentioned special measures, 2,873 fugitives, including 476 civil servants, were detained in 90 countries, and more than 8.99 billion yuan was recovered. These achievements clearly demonstrate the effectiveness of China's anti-corruption policy at the international level⁶.

Based on the above, it can be noted that the search for and return of illegally acquired assets in the PRC has reached a new level of effectiveness thanks to the development and implementation of legal mechanisms that comply with international standards and are based on national experience in combating the illegal transfer of assets.

This positive experience demonstrates the importance of scientific analysis of the PRC's legal mechanisms in the field of asset confiscation and recovery. The results of such research can be useful for improving the national legal system of the Republic of Kazakhstan, strengthening measures to combat the illegal transfer of assets, and reinforcing the principle of the rule of law.

Materials and methods. The study drew on materials from Chinese regulatory and legal acts, including the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure, as well as international legal documents governing the confiscation and return of assets.

The methodology focused on analyzing the application of the «Quanfang» method and studying mechanisms for integrating international experience into the PRC legal system.

Discussion. At the initial stage of implementing an effective policy for the return of illegally acquired assets to the PRC, difficulties associated with the PRC's limited experience in international cooperation on criminal matters became an important factor. Differences in the legal systems and practices of other states created additional obstacles. The recovery of illegally acquired assets from foreign jurisdictions is a much more complex task than other aspects of international judicial cooperation. To improve the effectiveness of this process, the Chinese government has developed a number of non-standard approaches that go beyond the traditional methods recognized by the international community.

In international practice, extradition is the most common tool for prosecuting criminals. The Chinese government actively uses this mechanism in cooperation with developing countries with which it has concluded relevant agreements. However, extradition from Western developed countries such as the US, Canada, and Australia is extremely rare. This makes such countries a preferred refuge for offenders. As a result, most of them avoid countries that have agreements with China, which significantly complicates the process of bringing them to justice.

In this regard, R.S. Balashov noted in his works that «countries around the world face legal restrictions when dealing with stolen assets-especially developing countries, which lack the resources necessary to match the skills and creativity of criminals»⁷.

To overcome the limitations associated with the insufficient number of extradition agreements, the PRC actively uses alternative methods: repatriation, prosecution abroad, and the «Quanfang» method, based on persuading criminals to voluntarily return to their homeland. These approaches have become key instruments of international prosecution in the PRC.

Repatriation is the process of returning lawbreakers to their country of origin or citizenship, initiated by the state⁸. In the PRC, this administrative act is not limited to the tasks of international judicial cooperation, but is aimed primarily at prosecuting offenders and restoring justice.

Unlike extradition, repatriation requires less evidence from the authorities, as it is based on domestic immigration laws. In international practice, it is often used as an alternative to extradition.

As Professor Juan Feng noted in his writings, «despite differences in legal grounds, repatriation is in fact equivalent to extradition in terms of its results, which makes it an important addition to extradition mechanisms»⁹.

However, it should be noted that repatriation is an informal mechanism of international judicial assistance, most often applied to refugees or illegal immigrants. If a person does not have legal resident status in a country, the process of repatriation may be initiated in accordance with the provisions of national immigration law. In this case, the state is obliged to take into account the possible risks of unfair treatment or violation of the rights of the person being returned.

In international practice, particular importance is attached to compliance with humanitarian standards, including the inadmissibility of the death penalty. Meanwhile, the PRC's priorities remain comprehensive judicial reform, improving mechanisms for

international legal cooperation, and forming a positive image of the national legal system that complies with international law standards.

In this regard, the new «Quanfang» method is an informal mechanism used in law enforcement practice in the PRC, aimed at the voluntary return of persons suspected or accused of committing offences to participate in investigative actions and court proceedings. This approach serves as an alternative mechanism used at the pre-trial investigation stage of a criminal case and is aimed at facilitating international cooperation in law enforcement. The Quanfang method is used in cases where extradition or repatriation is difficult, facilitating cooperation between the competent authorities of different states to achieve the objectives of criminal prosecution¹⁰.

A key condition for the successful application of the «Quanfang» method is the willingness of the state to take into account certain conditions for the return of the offender. These conditions may include limiting the scope of criminal prosecution or mitigating punishment. Compliance with these conditions is regulated by the provisions of the Supreme People's Procuratorate and the Supreme People's Court. The commitments made by the public security authorities and the prosecutor's office are legally binding, as they are drawn up in strict accordance with the applicable legal norms.

Thus, we note that, on the one hand, the «Quanfang» method guarantees the protection of the legitimate rights and interests of offenders who voluntarily return. On the other hand, it acts as a tool for limiting the powers of state security agencies and the prosecutor's office, which strengthens the legal basis and contributes to the fair application of the law.

In this regard, Chinese legal scholars note that in order to ensure legal regulation and increase the effectiveness of the application of the «Quanfang» method, it is necessary to regulate a new normative legal act or instructions on the procedure for the voluntary return of offenders who accept the proposed conditions of the state through an official legislative act. It is noted that this instruction will establish a clear legal framework and guarantee compliance with the principles of legality and fairness. Since offenders often do not have complete information, and by the time they learn about the possibility of voluntary surrender, the prescribed period may have expired. In accordance with the established procedure, persons who have not taken advantage of the «Quanfang» procedure within the established time limit are subject to criminal liability. However, this requirement may violate the principles of fairness in relation to those persons who were not notified in a timely manner of the existence and conditions of this mechanism.

Another distinctive feature of the Chinese legal system is confiscation without conviction. It should be noted that prior to the adoption of the UNCLC, many countries, especially those with common law legal systems, already had mechanisms in place for confiscating property without the need for a conviction¹¹.

Depending on the jurisdiction, two main models of confiscation without conviction have developed:

1. Criminal law model: the confiscation procedure is enshrined in criminal law, including provisions on combating money laundering or similar offences.

2. Civil law model: confiscation is carried out in accordance with the provisions of special legislation and is applied in civil proceedings. This model is used, for example, in certain jurisdictions where the emphasis is on the procedure for returning assets through civil courts.

Both models aim to ensure the recovery of illegally acquired property, even in the absence of criminal prosecution, and are actively used in international practice¹².

Chinese lawmakers have introduced a mechanism for confiscation without conviction, providing for it in Articles 280–283 of the Criminal Code of the People's Republic of China¹³. This procedure applies to serious crimes such as theft, bribery, or terrorist activities, as well as in cases where the suspect is in hiding and cannot be brought to trial for more than a year or if he or she has died. In such situations, illegally obtained income and other assets related to the crime are subject to confiscation in accordance with the procedure established by law.

At the same time, legal scholars in the PRC note that since the new Criminal Procedure Code of the PRC came into force in 2012, judicial practice in cases of confiscation of criminal assets initiated by the competent authorities has remained limited. The main problem is the lack of a unified approach to the legal interpretation of evidence requirements. As a result, courts apply the provisions of Article 53 of the Criminal Procedure Code of the PRC. This significantly complicates the confiscation process, as the principles of irrefutable evidence make it difficult to carry out the relevant procedures and limit their effectiveness¹⁴.

In the PRC, mechanisms for confiscating illegally acquired assets in civil proceedings are not applied. This is because such a measure is only possible if there is a defendant, a natural or legal person, operating abroad, or if the disputed assets are under the jurisdiction of a foreign state. At the same time, Chinese law enforcement agencies prefer criminal prosecution, which reflects their policy of prioritizing criminal proceedings. In our opinion, this approach limits the possibilities of initiating civil claims for the return of assets, creating significant obstacles to their successful implementation¹¹.

Results. The results of the study confirm that the PRC's legal system has achieved significant success in developing and implementing mechanisms for returning illegally acquired assets to the state. This effective progress has been made possible by comprehensive political reforms and the consistent strengthening of the principles of the rule of law, which have enabled the PRC to build an effective model focused on combating corruption and returning assets.

An analysis of the regulatory framework and its application has shown that one of the key elements of a successful model is the harmonious combination of domestic legislation and the consideration of international and foreign legal norms. The PRC actively uses the opportunities for international cooperation, including the provisions of the UN CCP, mutual legal assistance and extradition mechanisms. These instruments not only contribute to improving cooperation with foreign jurisdictions, but also shape a positive image of the PRC as a responsible member of the international legal community.

Particular attention is paid to striking a balance between effectively combating corruption and respecting human rights. Despite the political orientation of the model, the PRC emphasizes compliance with international standards, such as the principles of fair trial, presumption of innocence, and the right to defense. This policy minimizes potential risks and strengthens confidence in legal mechanisms both domestically and internationally.

At the same time, the study identified certain shortcomings in the current system. The predominant use of criminal proceedings in asset recovery limits the scope for applying civil law mechanisms, which may be more flexible and effective in certain situations. It also found a lack of clear standards of proof, which complicates the process of reviewing cases, especially in cross-border cases. In addition, limited opportunities for interaction with foreign jurisdictions, due to differences in legal systems and insufficient harmonization of norms, hinder the efficiency of asset recovery procedures.

Conclusion. In conclusion, it should be noted that the integration of certain elements of the PRC's experience in the field of asset confiscation and recovery into the national legislation of the Republic of Kazakhstan appears to be relevant. Such an approach will improve the legal mechanisms for returning illegally acquired assets to state ownership. The PRC's practice demonstrates that an effective combination of legal and political instruments helps to accelerate the process of asset repatriation and increases the effectiveness of legal procedures, while ensuring compliance with the principles of the rule of law.

The «Quanfang» method used in China, which aims to encourage voluntary cooperation between offenders and law enforcement agencies, deserves special attention. This approach significantly reduces the burden on the judicial system, simplifies the process of proving a case, and minimizes the time and material costs associated with the return of assets. The effectiveness of this model is ensured by clearly established standards of evidence, regulated procedures, and well-established mechanisms of international cooperation, which makes it promising for adaptation in other jurisdictions.

Thus, analyzing successful international experience, including practices in the PRC, appears to be an important step toward strengthening the legal system of the Republic of Kazakhstan and increasing trust in state institutions at both the national and international levels. In our opinion, integrating such approaches into national legislation will significantly improve the effectiveness of mechanisms for returning illegally acquired assets, ensure their transparency, and strengthen Kazakhstan's reputation as a reliable partner in the field of international legal cooperation.

References

-
1. Ежегодная информация по противодействию незаконному приобретению и выводу активов, а также принятым системным мерам (за 2023 год) // <https://www.gov.kz/memleket/entities/kva/press/news/details/743616?lang=ru> (accessed: 01.08.2025).

2. Закон Республики Казахстан от 12 июля 2023 года № 21-VIII ЗРК «О возврате государству незаконно приобретенных активов» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021> (accessed: 01.08.2025).
3. United Nations Convention against Corruption (UNCAC). UN, 2003. // <https://www.unodc.org/unodc/en/treaties/CAC/> (дата обращения: 01.08.2025).
4. The Epoch Times. Более десяти тысяч китайских коррупционеров вывезли из страны около 100 миллиардов долларов // https://www.epochtimes.ru/content/view/48845/4/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F# (accessed: 01.08.2025).
5. Чжан Вэй. Международное сотрудничество Китая в борьбе с коррупцией // Журнал международного права. — 2018. — Т. 12. — № 3. — Р. 45-67.
6. Lan Linzong. Getting Close to Central Pursuit Office: Showing Detailed Anti-Corruption Process of International Pursuing and Recovering // http://www.ccdi.gov.cn/special/ztzz/ztzzjxsztzz/201704/t20170425_97975.html (accessed: 05.08.2025).
7. Балашов Р. С. Роль неофициальных сетей в работе по возврату похищенных активов из-за рубежа // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. — 2021. — № 3 (21). — Р. 93-100.
8. Material from Wikipedia — the free encyclopedia // <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed: 01.08.2025).
9. Хуан Фэнг. Правила и практика международного судебного сотрудничества по уголовным делам. — Пекин: Издательство Пекинского университета, 2008. № 6(5). — Р. 41-42.
10. Чжан Лэй. Альтернативные меры экстрадиции и их применение в международном преследовании // Правовой обзор. — 2017. — № 2. — Р. 159-161.
11. Брун Ж.-П., Грей Л., Скотт К., Стивенсон К.М. Руководство по возврату активов: Практ. пос. — Вена: Всемирный банк, Управление ООН по наркотикам и преступности, 2011. Р. 11. (458 p.).
12. Ши Яньань. Толкование положений о конфискации незаконных доходов с точки зрения уголовной догматики // Наука о праве. — 2015. — № 11. — Р. 122-123.
13. Глава восьмая Особенной части Уголовного кодекса КНР // <http://www.661aw.cn/tiaoli/9.aspx> (accessed: 01.08.2025).
14. Чэнь Лэй. О некоторых вопросах, связанных с процедурой конфискации незаконных доходов в Китае // Исследования в области верховенства права. — 2015. — № 4. — Р. 99-102.

Spisok literatury / References

1. Ezhegodnaya informatsiya po protivodeystviyu nezakonnomu priobreteniyu i vyvodu aktivov, a takzhe prinyatym sistemnym meram (za 2023 god) // <https://www.gov.kz/memleket/entities/kva/press/news/details/743616?lang=ru> (accessed: 01.08.2025).

2. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 12 iyulya 2023 goda № 21-VIII ZRK «O vozvrate gosudarstvu nezakonno priobretennykh aktivov» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021> (accessed: 01.08.2025).
3. United Nations Convention against Corruption (UNCAC). UN, 2003. // <https://www.unodc.org/unodc/en/treaties/CAC/> (accessed: 01.08.2025).
4. The Epoch Times. Bolee desyati tysyach kitayskikh korruptsionerov vyvezli iz strany okolo 100 milliardov dollarov // https://www.epochtimes.ru/content/view/48845/4/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F# (accessed: 01.08.2025).
5. Zhang Wei. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Kitaya v borbe s korruptsiyey // Zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2018. — T. 12. — № 3. — P. 45-67.
6. Lan Linzong. Getting Close to Central Pursuit Office: Showing Detailed Anti-Corruption Process of International Pursuing and Recovering // http://www.ccdi.gov.cn/special/ztzz/ztzzjxsztzz/201704/t20170425_97975.html (accessed: 05.08.2025)
7. Balashov R. S. Rol neofitsialnykh setey v rabote po vozvratu pokhishchennykh aktivov iz-za rubezha // Quyk korgau organdary akademiya synyn Zharchy. — 2021. — № 3 (21). — P. 93-100.
8. Material from Wikipedia — the free encyclopedia // <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed: 01.08.2025)
9. Huang Feng. Pravila i praktika mezhdunarodnogo sudebnogo sotrudnichestva po ugolovnym delam. — Pekin: Izdatelstvo Pekinskogo universiteta, 2008. № 6(5). — P. 41-42.
10. Zhang Lei. Alternativnye mery ekstradicii i ikh primenenie v mezhdunarodnom presledovanii // Pravovoy obzor. — 2017. — № 2. — P. 159-161.
11. Brun Zh.-P., Grey L., Skott K., Stivenson K.M. Rukovodstvo po vozvratu aktivov: Prakti. Pos. — Vena: Vsemirnyy bank, Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti, 2011. P. 11. (458 p.).
12. Shi Yanan. Tolkovanie polozheniy o konfiskatsii nezakonnykh dokhodov s tochki zreniya ugolovnoy dogmatiki // Nauka o prave. — 2015. — № 11. — P. 122-123.
13. Glava vosmaya Osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa KNR // <http://www.661aw.cn/tiaoli/9.aspx> (accessed: 01.08.2025)
14. Chen Lei. O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s protseduroy konfiskatsii nezakonnykh dokhodov v Kitae // Issledovaniya v oblasti verkhovenstva prava. — 2015. — № 4. — P. 99-102.

Аймухамбетова Камиля Мурзабаевна — ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем уголовной политики и криминологии Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр права, советник юстиции (Республика Казахстан, г. Косшы)

РОЛЬ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты деятельности службы пробации Республики Казахстан в контексте предупреждения рецидивной преступности. На основе анализа норм Уголовно-исполнительного кодекса и действующих нормативных правовых актов выявлены ключевые элементы правового регулирования пробации, включая ее задачи, функции и механизмы реализации. Особое внимание уделено проблемам правовой неопределенности в части социально-правовых мер пробации, отсутствию их нормативной регламентации и влиянию данного фактора на эффективность ресоциализации подучетных лиц.

В статье анализируя деятельность ОВД по контролю за поведением лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы, автор обосновывает необходимость переноса данных функций к службе пробации, исходя из функциональной природы пробации, её целей и зарубежного опыта.

Ключевые слова: служба пробации, пробационный контроль, рецидивная преступность, социальная адаптация, осужденные, предупреждение, лица, освобожденные условно-досрочно, отбытие наказания.

Аймұхамбетова Камиля Мұрзабаевна — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қылмыстық саясат және криминология мәселелерін зерттеу орталығының жетекші ғылыми қызметкері, құқық магистрі, әділет кеңесшісі (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.).

ҚАЙТАЛАМА ҚЫЛМЫСТЫЛЫҚТЫҢ ІС-ӘРЕКЕТТЕРДІҢ АЛДЫН АЛУДАҒЫ ПРОБАЦИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ РӨЛІ

Түйін. Мақалада Қазақстан Республикасының пробация қызметінің қайталама қылмыстылықтың алдын алу контекстіндегі теориялық және практикалық аспектілері қарастырылады. Қылмыстық-атқару кодексінің нормалары мен қолданыстағы нормативтік құқықтық актілерді талдау негізінде пробацияны құқықтық реттеудің негізгі элементтері, оның міндеттері, функциялары және іске асыру тетіктері айқындалған. Пробацияның әлеуметтік-құқықтық шараларына қатысты құқықтық анықталмаудың, олардың нормативтік тұрғыда бекітілмеуінің және бұл

фактордың есепте тұрған тұлғаларды әлеуметтендіру тиімділігіне әсерінің өзекті мәселелеріне ерекше назар аударылған.

Мақалада бас бостандығынан айыру орындарынан шартты-мерзімінен бұрын босатылған адамдардың мінез-құлқын бақылау бойынша ішкі істер органдарының қызметін талдай отырып, автор пробацияның функционалдық табиғатын, оның мақсаттарын және шетелдік тәжірибені ескере отырып, аталған функцияларды пробация қызметіне беру қажеттілігін негіздейді.

Түйінді сөздер: пробация қызметі, пробациялық бақылау, қайталама қылмыстылық, сотталғандарды әлеуметтік, бейімдеу, алдын алу, адамдар, шартты түрде мерзімінен бұрын босатылған, жазаны өтеу.

Aymukhambetova Kamilya Murzabayevna — leading researcher of the Center for the study of criminal policy and criminology of the Interdepartmental research institute of the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, master of laws, justice counselor (Republic of Kazakhstan, Kosshy)

THE ROLE OF THE PROBATION INSTITUTION IN THE PREVENTION OF RECIDIVISM

Annotation. The article examines the theoretical and practical aspects of the probation service of the Republic of Kazakhstan in the context of preventing recidivism. Based on an analysis of the provisions of the Criminal Executive Code and current regulatory legal acts, the key elements of probation regulation are identified, including its objectives, functions, and mechanisms of implementation. Special attention is given to the issues of legal uncertainty regarding the socio-legal measures of probation, the lack of their normative regulation, and the impact of this factor on the effectiveness of the resocialization of individuals under supervision.

In analyzing the activities of law enforcement bodies responsible for monitoring the behavior of individuals conditionally released from places of deprivation of liberty, the author substantiates the need to transfer these functions to the probation service, taking into account the functional nature of probation, its goals, and international practice.

Keywords: probation service, probation supervision, recidivism, social adaptation, convicts, warning, persons, released on parole, serving their sentence.

Введение. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года в качестве одной из приоритетных направлений дальнейшего развития уголовного законодательства определяет предупреждение новых правонарушений со стороны осужденных¹. Важнейшим механизмом реализации данного направления является институт пробации, обеспечивающий сочетание правовых, социальных и воспитательных механизмов воздействия на осужденного.

В этой связи заслуживает внимания позиция Д. С. Чукмаитова, который справедливо отмечает, что меры пробации при их правильной реализации способны обеспечить долгосрочный профилактический эффект, поскольку представляют

собой дополнительную попытку убеждения правонарушителя в необходимости соблюдения закона и норм общественного поведения.

Служба пробации — это один из многих элементов системы профилактики правонарушений, способный реализовать воспитательную функцию права, которая проявляется в формировании у людей устойчивой гражданской позиции в отношении к нормам морали и права².

Одним из критериев эффективности института пробации и деятельности службы пробации является показатель рецидивной преступности, а именно количество лиц, вновь совершивших преступления после прохождения пробационной программы или по окончании испытательного срока.

Анализ преступности показывает, что удельный вес преступлений, совершенных лицами, в действиях которых признан рецидив либо опасный рецидив преступлений, за последние годы остается стабильно низким, находясь на уровне около 1 % от общего числа зарегистрированных уголовных правонарушений.

Так, по данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в 2024 году было зарегистрировано 102475 преступлений, из которых 1126 совершены рецидивистами, что составляет 1,10 %. В первом полугодии 2025 года удельный вес аналогичных преступлений составил 1,08 % (563 из 52 117 зарегистрированных преступлений)³.

Материалы и методы. Целью нашего исследования является определение эффективности института пробации в предупреждении рецидивной преступности и оценка деятельности служб пробации.

Обсуждения и результаты. Уголовно-исполнительный кодекс, введенный в действие с 1 января 2015 года (далее — УИК РК) в вопросах предупреждения рецидивной преступности и роли службы пробации, в значительной степени отличается от ранее действовавших нормативных правовых актов в данной сфере⁴.

Так, в УИК РК оказание помощи осужденным в социальной адаптации определено одной из основных четырех задач уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан (ч. 2 ст. 4 УИК РК), а также дополнены положения о службе пробации и осуществления пробационного контроля (раздел 6 УИК РК).

Среди государственных институтов ресоциализации осужденных значительная роль принадлежит учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы по обеспечению исполнения уголовных наказаний, а именно службе пробации, созданной в 2012 году⁵.

Законом Республики Казахстан от 15 февраля 2012 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации» УИК РК 1997 года был дополнен статьей 7-1 «Пробация в уголовно-исполнительной системе», в соответствии с которой предусматривалось осуществление пробационного контроля в отношении условно осужденных лиц⁶.

В целях развития института пробации 30 декабря 2016 года был принят Закон Республики Казахстан «О пробации», который придал казахстанской модели

пробации определенную систему, предусмотрел ее разновидности и заложил основные организационные положения⁷.

А ресоциализация осужденного определена одной из целей пробации, направленной на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений (п. 8 ст. 3 УИК РК).

В целях практической реализации задач в структуре уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы создана Служба пробации, осуществляющая исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества, а также по организации и функционированию пробации (п. 8 ст. 3 УИК РК).

Порядок организации работы службы пробации подробно урегулирован приказами Министра внутренних дел Республики Казахстан от 15 августа 2014 года № 511 «Об утверждении Правил организации деятельности службы пробации»⁸ и от 18 августа 2014 года № 517 «Об утверждении Правил взаимодействия служб пробации и подразделений полиции по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах служб пробации»⁹.

Данные нормативные правовые акты обеспечивают правовую основу функционирования службы пробации и оказания осужденным комплексной социально-правовой помощи в целях их ресоциализации и предупреждения рецидивной преступности, а также определяют порядок взаимодействия служб пробации с иными подразделениями органов внутренних дел по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах служб пробации, а также по профилактике правонарушений за подучетными лицами, состоящих на учетах служб пробации.

Таким образом, в Казахстане сформирована правовая база, регулирующая деятельность института пробации, обеспечивающая правовые основания для осуществления пробационного контроля в отношении подучетных лиц, включая лиц, признанных рецидивистами либо опасными рецидивистами.

Вместе с тем анализ структуры преступности, характеризующаяся изменением преступных схем и ростом ранее неизученных форм «латентного» рецидива, свидетельствуют о необходимости совершенствования механизма пробационного контроля в целях предупреждения рецидивной преступности.

Согласно ст. 19 УИК РК пробационный контроль осуществляется в отношении лиц: осужденных к наказанию в виде ограничения свободы; осужденных условно; освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы. В отношении несовершеннолетних лиц пробационный контроль осуществляется в случае осуждения их к наказанию в виде ограничения свободы или осужденных условно (ст. 20 УИК РК).

Согласно данным Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК в 2024 году, лицами, подучетными службы пробации совершено 1348 уголовных правонарушений, что свидетельствует о снижении на 12,2%, в сравнении с аналогичным периодом 2023 года (1536). При этом 174 (12,9%) преступлений совершены лицами, которым не отбывая часть лишения свободы заменена на ограничение

свободы, а 126 (17,7%) лицами, которым судом отказано в замене наказания на лишение свободы.¹⁰

Среди уголовно-наказуемых деяний, лицами, состоящими на учете служб пробации в большинстве совершаются: имущественные преступления (663), причинение вреда здоровью (71), убийства и покушения на убийство (16), изнасилования (11 из них 6 в отношении несовершеннолетних) и т.д.

В соответствии с п. 7 ст. 3 УИК РК пробация предполагает не только контроль, но и комплекс мер, направленных на социальную адаптацию и правовое воздействие, целью которых является исправление поведения и предотвращение новых преступлений.

Однако, в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует перечень данных мер, что, на наш взгляд, снижает свою эффективность из-за разрозненности и отсутствия единых стандартов взаимодействия между различными ведомствами.

Для решения данной проблемы необходимо законодательно закрепить комплекс социально-правовых мер, направленных на формирование внутренней мотивации к законопослушному поведению и снижению рецидива преступности.

Важнейшим элементом социально-правовых мер должна стать всесторонняя социальная поддержка, включающая помощь в трудоустройстве, обеспечение жильем, восстановлении документов, а также доступ к медицинской и психологической помощи.

Так, в Финляндии и Нидерландах успешно реализуются программы поддержки занятости, где службы пробации и муниципалитеты совместно обеспечивают профессиональную подготовку и наставничество. В Казахстане аналогичный подход мог бы быть установлен в качестве обязательной меры социально-правового характера с установлением уполномоченного органа и механизмов координации данной работы.

Не менее важна помощь в предоставлении временного жилья или социальных общежитий для лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Международный опыт демонстрирует, что отсутствие жилья является одним из ключевых факторов, способствующих возвращению к преступной деятельности.

В Канаде, например используется модель «transitional housing», а в Германии существует сеть социальных общежитий, управляемых некоммерческими организациями (социальные фонды, благотворительные объединения, религиозные и общественные организации и т.п.). Аналогичный подход следует применить в отечественной практике.

Необходимо на постоянной основе оказывать консультации по правовым вопросам лицам, состоящим на учете службы пробации, поскольку низкий уровень правовой грамотности часто приводит к конфликтам с законом. Во многих странах существуют юридические консультанты, помогающие осужденным решать правовые вопросы и предупреждать рецидивную преступность.

Как показывает анализ рецидивной преступности, одним из наиболее уязвимых категорий лиц, совершающих повторные преступления, являются лица, освобожденные условно-досрочно от отбывания наказания.

Согласно ч. 10 ст. 24 УИК РК контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания, осуществляется органами внутренних дел по месту их жительства.

Однако анализ полномочий, возлагаемых на органы внутренних дел, свидетельствуют об отсутствии функций по социальной работе, коррекции поведения, оценке рисков, составлению индивидуального плана сопровождения и ведению пробационных программ, которые являются ключевыми элементами probation.

Работа сотрудников полиции с лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы, сводится к формальной проверке соблюдения установленных ограничений, при этом не достигается главная цель — предупреждение рецидива. В то время как на службы probation возложены задачи по осуществлению индивидуальной коррекции поведения, реализации мер социально-правового характера и оказания помощи осужденным в период адаптации.

В отношении лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы, служба probation способна обеспечить комплексный подход: оценить уровень риска рецидива, определить факторы, требующие коррекции (алкоголь, семейные конфликты, безработица), составить индивидуальный план сопровождения, включающий трудоустройство, психологическую поддержку, обучение, коррекционные программы.

Это подтверждается и зарубежным опытом. Так, во многих зарубежных странах, с низким уровнем преступности со стороны лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы контроль осуществляется органами probation.

Так, в Великобритании Национальная служба probation (Her Majesty's Probation Service) полностью отвечает за контроль и сопровождение условно-досрочно освобожденных лиц, включая поведенческие программы («Thinking Skills», «Domestic Abuse Programme»), оценку рисков по модели OASys и работу с семьями¹¹.

В Германии служба probation (Bewährungshilfe) сопровождает всех условно освобожденных, разрабатывая индивидуальные планы, оказывая социальную помощь и осуществляя контроль через сочетание встреч, отчетов и электронного мониторинга.

В Нидерландах служба probation (Reclassering Nederland) осуществляет полномасштабное сопровождение условно-досрочно освобожденных лиц, включая трудоустройство, лечение зависимостей, интенсивные программы контроля.

В Канаде контроль за условно-досрочно освобожденными лицами осуществляют также пробационные службы, которые используют модель RNR (Risk-Need-Responsivity) для индивидуальной коррекции¹².

Осуществление контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы, службами пробации позволит обеспечить индивидуальную работу и применение необходимых для конкретного лица коррекционных программ.

Служба пробации способна с учетом возлагаемых на него функций определить степень риска, которые представляют отдельные граждане, находящиеся на их учете, более эффективно осуществлять контроль над ними и понимать их индивидуальные потребности, которые можно развивать с целью ресоциализации и предупреждения от совершения разного рода уголовных правонарушений.

Предупреждение рецидивной преступности можно рассматривать как положительный результат комплексной профилактической работы службы пробации. Практика индивидуальной работы с подучетными, систематический контроль за их поведением, вовлечение в программы ресоциализации, а также межведомственное взаимодействие с органами занятости, образования и здравоохранения способствуют снижению уровня рецидивной преступности.

С учетом изложенного, очевидно, что эффективная реализация возложенных на службы пробации функций требует внесения изменений в нормативные правовые акты, регулирующие порядок их осуществления.

В этой связи необходимо исключить ч. 10 ст. 24 УИК РК и внести изменения в ч. 11 данной нормы, предусматривающего закрепление за службой пробации контроль за лицами, освобожденными условно-досрочно от отбытия наказания.

«11. Лица, осужденные условно, осужденные к ограничению свободы, освобожденные условно-досрочно от отбывания наказания, находятся под пробационным контролем службы пробации.».

Заключение и выводы. Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что проблемы предупреждения рецидивной преступности и роли пробации в данной сфере являются очень многогранными. Изучать данные проблемы следует комплексно, разрабатывать нормативные правовые акты, восполняющие пробелы в законодательстве, и создавать эффективный механизм помощи осужденным в социальной адаптации. Данная работа в полной мере не разрешит все проблемные вопросы в исследуемой сфере, но, возможно, предложения и рекомендации окажут положительное содействие в процессе социальной адаптации осужденных, а также способствуют снижению рецидивной преступности.

Список литературы

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 20.08.2025).
2. Чукмаитов Д. С. Гуманизация уголовной политики в сфере исполнения наказания: Научное издание. — Костанай: ТОО «Костанайский Печатный двор», 2005. С. 63 (204 с.).

3. Интернет-портал Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>

4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК // <http://10.61.42.188/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 20.08.2025).

5. Закон Республики Казахстан от 15 февраля 2012 года № 556-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации» // <http://10.61.42.188/rus/docs/Z1200000556> (дата обращения: 20.08.2025).

6. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 208. Утратил силу // http://10.61.42.188/rus/docs/Z970000208_ (дата обращения: 20.08.2025).

7. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗРК «О пробации» // <http://10.61.42.188/rus/docs/Z1600000038> (дата обращения: 20.08.2025).

8. Правила организации деятельности службы пробации, утвержденные Приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 15 августа 2014 года № 511 // <http://10.61.42.188/rus/docs/V14C0009738> (дата обращения: 20.08.2025).

9. Правила взаимодействия служб пробации и подразделений полиции по контролю за поведением лиц, состоящих на учете служб пробации, утвержденные Приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 18 августа 2014 года № 517 // <http://10.61.42.188/rus/docs/V14C0009737> (дата обращения: 20.08.2025).

10. Сведения о количестве уголовных правонарушений, совершенных подучетными службы пробации за 2024 год, предоставленные Комитетом УИС МВД РК.

11. Службы пробации Великобритании и США: Учеб. пос. / Сост. Н. Н. Ивашко, К. А. Кунаш, В. Е. Луценко, А. Л. Морозова. — Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2013. С. 30 (49 с.).

12. Шатанкова Е. Н. Условное осуждение и пробация за рубежом: сравнительно-правовой анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. С. 100-105 (247 с.).

References

1. Kontseptsiya pravovoy politiki Respubliki Kazakhstan do 2030. utverzhennaya Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 oktyabrya 2021 goda // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (data obrashcheniya: 20.09.2025).

2. Chukmaitov D. S. Gumanizatsiya ugolovnoy politiki v sfere ispolneniya nakazaniya: nauchnoye izdaniye. — Kostanay: TOO «Kostanayskiy Pechatnyy dvor». 2005. S. 63 (204 s.).

3. Internet-portal Komiteta po pravovoy statistike i spetsialnym uchetaм Generalnoy Prokuratury Respubliki Kazakhstan // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>

4. Ugolovno-ispolnitelnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 5 iyulya 2014 goda № 234-V ZRK // <http://10.61.42.188/rus/docs/K1400000234> (data obrashcheniya: 20.09.2025).

5. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 15 fevralya 2012 goda № 556-IV «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotoryye zakonodatelnyye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam sluzhby probatsii» // <http://10.61.42.188/rus/docs/Z1200000556> (data obrashcheniya: 20.09.2025).

6. Ugolovno-ispolnitelnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 13 dekabrya 1997 goda № 208. Utratil silu // http://10.61.42.188/rus/docs/Z970000208_ (data obrashcheniya: 20.09.2025).

7. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 30 dekabrya 2016 goda № 38-VI ZRK «O probatsii» // <http://10.61.42.188/rus/docs/Z1600000038> (data obrashcheniya: 20.09.2025).

8. Pravila organizatsii deyatelnosti sluzhby probatsii. utverzhennyye Priказom Ministra vnutrennikh del Respubliki Kazakhstan ot 15 avgusta 2014 goda № 511 // <http://10.61.42.188/rus/docs/V14C0009738> (data obrashcheniya: 20.09.2025).

9. Pravila vzaimodeystviya sluzhb probatsii i podrazdeleniy politsii po kontrolyu za povedeniyem lits. sostoyashchikh na uchetakh sluzhb probatsii. utverzhennyye Priказom Ministra vnutrennikh del Respubliki Kazakhstan ot 18 avgusta 2014 goda № 517 // <http://10.61.42.188/rus/docs/V14C0009737> (data obrashcheniya: 20.09.2025).

10. Svedeniya o kolichestve ugolovnykh pravonarusheniy. sovershennykh poduchetnymi sluzhby probatsii za 2024 god. predostavlennyye Komitetom UIS MVD RK.

11. Sluzhby probatsii Velikobritanii i SShA: Ucheb. Pos. / Sost. N. N. Ivashko, K. A. Kunash, V. E. Lutsenko, A. L. Morozova. — Novokuznetsk: FKOU VPO Kuzbasskiy institut FSIN Rossii. 2013. S. 30 (49 s.).

12. Shatankova E. N. Uslovnnoye osuzhdeniye i probatsiya za rubezhom: sravnitel'-no-pravovoy analiz. Dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. S. 100-105 (247 s.).

Аширбеков Марат Еркенович — Главный научный сотрудник Центра исследования проблем в сфере защиты общественных интересов МНИИ Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, старший советник юстиции (Республика Казахстан, г. Косшы);

Диденко Ольга Александровна — консультант Центра исследования правовой политики (LPRC) (Республика Казахстан, г. Алматы)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПО КРИМИНАЛИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ ВЛИЯНИЕМ

Аннотация. В статье рассматривается международный опыт криминализации торговли влиянием как самостоятельного коррупционного преступления. Торговля влиянием, в отличие от традиционного взяточничества, представляет собой трёхстороннюю схему, где посредник использует своё реальное или мнимое влияние на должностное лицо для получения выгоды, что создаёт дополнительные трудности для квалификации и преследования по действующему законодательству. Цель исследования заключается в анализе международных стандартов и национальных практик по криминализации торговли влиянием, а также в выявлении оптимальных подходов для имплементации данной нормы в уголовное законодательство Казахстана.

Основные результаты показывают, что большинство государств — участников международных антикоррупционных конвенций — криминализовали торговлю влиянием в активной и пассивной формах. При этом выделяются различные модели регулирования: от прямого закрепления отдельного состава преступления (Австрия, Португалия, Канада, Украина, Молдова) до включения элементов торговли влиянием в общие нормы о взяточничестве (Сингапур, США, Швеция). Отсутствие специальной нормы в национальном законодательстве, как в Казахстане и ряде стран Центральной Азии, затрудняет привлечение к ответственности влиятельных посредников и не соответствует международным обязательствам.

В этом аспекте для Казахстана предлагается поэтапная имплементация: на первом этапе — расширение действующих норм о взяточничестве, на втором — введение самостоятельного состава преступления торговли влиянием, что позволит повысить эффективность правоприменения и соответствовать требованиям международных стандартов.

Ключевые слова: торговля влиянием, коррупция, криминализация, международные стандарты, Конвенция ООН против коррупции, GRECO, должностное лицо, взяточничество.

Әшірбеков Марат Еркінұлы — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясының ВФЗИ қоғамдық мүдделерді қорғау саласындағы проблемаларды зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, әділет аға кеңесшісі (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.);

Диденко Ольга Александровна — құқықтық саясатты зерттеу орталығының (LPRC) кеңесшісі (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.).

ЫҚПАЛ ЕТУ САУДАСЫН КРИМИНАЛИЗАЦИЯЛАУ БОЙЫНША ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ

Түйіні. Мақалада тәуелсіз сыбайлас жемқорлық қылмысы ретінде ықпал ету саудасын криминализациялаудың халықаралық тәжірибесі қарастырылады. Әсер ету саудасы, дәстүрлі паракорлықтан айырмашылығы, үш жақты схема болып табылады, онда делдал өзінің нақты немесе ойдан шығарылған әсерін пайда табу үшін шенеунікке пайдаланады, бұл қолданыстағы заңнамаға сәйкес біліктілік пен қудалауға қосымша қиындықтар туғызады. Зерттеудің мақсаты ықпал ету саудасын криминализациялау жөніндегі халықаралық стандарттар мен ұлттық тәжірибелерді талдау, сондай-ақ осы норманы Қазақстанның қылмыстық заңнамасына имплементациялау үшін оңтайлы тәсілдерді анықтау болып табылады.

Негізгі нәтижелер халықаралық сыбайлас жемқорлыққа қарсы конвенцияларға қатысушы мемлекеттердің көпшілігі ықпалды сауданы белсенді және пассивті түрде қылмыстық жауапкершілікке тартқанын көрсетеді. Сонымен бірге реттеудің әртүрлі модельдері ерекшеленеді: қылмыстың жеке құрамын тікелей бекітуден бастап (Австрия, Португалия, Канада, Украина, Молдова) паракорлық туралы жалпы нормаларға ықпал ету сауда элементтерін қосуға дейін (Сингапур, АҚШ, Швеция). Қазақстан мен Орталық Азияның бірқатар елдеріндегідей ұлттық заңнамада арнайы норманың болмауы ықпалды делдалдарды жауапкершілікке тартуды қиындатады және халықаралық міндеттемелерге сәйкес келмейді.

Қазақстан үшін кезең — кезеңмен имплементациялау ұсынылады: бірінші кезеңде — паракорлық туралы қолданыстағы нормаларды кеңейту, екінші кезеңде ықпал ету саудасы қылмысының дербес құрамын енгізу, бұл құқық қолданудың тиімділігін арттыруға және халықаралық стандарттардың талаптарына сәйкес келуге мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: ықпал ету саудасы, сыбайлас жемқорлық, криминализациялау, халықаралық стандарттар, БҰҰ Сыбайлас жемқорлыққа қарсы конвенциясы, GRECO, лауазымды тұлға, паракорлық.

Ashirbekov Marat Yerkenovich — chief researcher of the Center for the study of problems in the field of protection of public interests of the MNII Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, senior adviser to justice (Republic of Kazakhstan, Kosshy);

Didenko Olga Alexandrovna — consultant to the Center for legal policy research (LPRC) (Republic of Kazakhstan, Almaty)

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN CRIMINALIZING INFLUENCE PEDDLING

Annotation. The article examines the international experience of criminalizing influence peddling as an independent corruption crime. Influence peddling, unlike traditional bribery, is a three-way scheme where an intermediary uses his real or perceived influence on an official to gain benefits, which creates additional difficulties for qualification and prosecution under current legislation. The purpose of the study is to analyze international standards and national practices on the criminalization of influence peddling, as well as to identify optimal approaches for the implementation of this rule in the criminal legislation of Kazakhstan.

The main results show that the majority of States parties to international anticorruption conventions have criminalized influence peddling in active and passive forms. At the same time, various regulatory models are distinguished: from the direct consolidation of a separate corpus delicti (Austria, Portugal, Canada, Ukraine, Moldova) to the inclusion of influence peddling elements in the general rules on bribery (Singapore, USA, Sweden). The absence of a special norm in national legislation, as in Kazakhstan and a number of Central Asian countries, makes it difficult to bring influential intermediaries to justice and does not comply with international obligations.

A phased implementation is proposed for Kazakhstan: at the first stage, the expansion of existing norms on bribery, and at the second stage, the introduction of an independent crime of influence peddling, which will increase the effectiveness of law enforcement and meet the requirements of international standards.

Keywords: influence peddling, corruption, criminalization, international standards, UN Convention against Corruption, GRECO, official, bribery.

Введение. Торговля влиянием (англ. «influence peddling») — практика использования лицом своего влияния в органах государственной власти или связей с властями для получения необоснованных преимуществ или предоставления привилегий другому лицу, как правило, в обмен на вознаграждение¹.

Это одно из коррупционных преступлений, предусмотренных Конвенцией ООН против коррупции²:

- взятничество в частном секторе;
- хищение, неправомерное присвоение и иное нецелевое использование имущества должностным лицом;
- хищение в частном секторе;
- торговля влиянием;

- злоупотребление служебным положением;
- незаконное обогащение;
- воспрепятствование осуществлению правосудия.

Ключевое отличие от других коррупционных схем — это то, что торговля влиянием — это трехсторонняя схема: инициатор схемы (передает выгоду или преимущество) — влиятельный посредник (получает выгоду или преимущество) — должностное лицо (получает выгоду или преимущество).

Для сравнения: взяточничество — это двухсторонняя схема, которая предполагает только инициатора (передает выгоду или преимущество) и должностное лицо (получает выгоду или преимущество).

Посредник в торговле влиянием имеет определенное и достаточное влияние на должностное лицо и может склонить его к нужному для инициатора решению. И так он продает свое влияние на должностное лицо за деньги, услуги и т. д. Как и все остальные коррупционные преступления, торговля влиянием имеет пассивную и активную форму — когда сам посредник иницирует обмен своего влияния на некую выгоду или некое преимущество, материальное или нематериальное, или ему предлагают реализовать такую схему.

Отличие посредника с влиянием от любого другого посредника в коррупционной схеме очевидна — он имеет влияние на должностное лицо и может склонить его к принятию нужного решения для взяткодателя. Обычный посредник такого влияния не имеет и осуществляет только коммуникации между взяткодателем и должностным лицом для реализации их договоренности о взятке. Исходя из практики — это водители, секретари, подчиненные, которые получают и передают предмет взятки, деньги и т. д.

Посредники, имеющие влияние и оказывающие влияние на должностных лиц, не подпадают под действия статьи 368 «Посредничество во взяточничестве» УК РК. Из анализа судебной практики по коррупционным делам в Казахстане усматривается, что из-за отсутствия криминализации торговли влиянием действия влиятельных посредников сложно квалифицировать и их сложно привлечь к ответственности.

Например, в деле судьи Верховного суда Ж., им было обещано оказать влияние на членов комиссии по качеству правосудия для положительной аттестации судьи Т.³

Взятка предназначалась как для передачи одному из членов комиссии по качеству правосудия, так и самому Ж., который таким образом бы монетизировал своё влияние на другое должностное лицо. Ж. был осужден только потому, что был задержан при получении части «вознаграждения» и только за этот эпизод.

Почему важна криминализация торговли влиянием? Она закрывает нишу, не охваченную традиционными статьями о взяточничестве. В этих схемах коррупции посредник может и не быть должностным лицом, из-за чего прямое взяточничество не усматривается. Без специальной нормы такие ситуации труднее преследовать в уголовном порядке, привлекать к ответственности влиятельных посредников.

Отдельного внимания заслуживает связь системной коррупции с торговлей влиянием, так как такие коррупционные схемы проявляются чаще всего, когда речь идет о реализации крупных национальных проектов, проектов государственно-частного партнерства, субсидирования отдельных секторов экономики, проведения закупок в публичном и квазигосударственном секторах.

При изучении обвинительных приговоров по коррупционным делам видно, часто действия влиятельного посредника могут быть квалифицированы как посредничество, соучастие, мошенничество. Однако международные конвенции выделяют такие действия как отдельное коррупционное преступление и рекомендует государствам-участникам включить такое коррупционное преступление в состав уголовно-наказуемых деяний.

Другая проблема — это разные переводы с английского на русский оригинального названия *trading in influence* как злоупотребление влиянием в корыстных целях (UNCAC) или использование служебного положения в корыстных целях (Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности против коррупции). При этом обе конвенции имеют отдельные статьи о злоупотреблении должностными полномочиями (*abuse of functions*). Это приводит к тому, что необходимость криминализации торговли влиянием заменяется аргументами о том, что такие действия уже криминализованы с отсылкой на уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями.

Материалы и методы. Методы исследования включают сравнительно-правовой анализ положений Конвенции ООН против коррупции, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, мониторинговых отчетов GRECO и ОЭСР, а также изучение уголовных кодексов и судебной практики различных стран Европы, Азии, Америки и СНГ.

Обсуждение и результаты показывают, что большинство государств — участников международных антикоррупционных конвенций — криминализовали торговлю влиянием в активной и пассивной формах. При этом выделяются различные модели регулирования: от прямого закрепления отдельного состава преступления (Австрия, Португалия, Канада, Украина, Молдова) до включения элементов торговли влиянием в общие нормы о взяточничестве (Сингапур, США, Швеция). Отсутствие специальной нормы в национальном законодательстве, как в Казахстане и ряде стран Центральной Азии, затрудняет привлечение к ответственности влиятельных посредников и не соответствует международным обязательствам.

Международные обязательства по криминализации торговли влиянием.

Международные стандарты содержат обязательства для сторон криминализовать торговлю влиянием как самостоятельное преступление.

Конвенция ООН против коррупции (UNCAC).

Статья 18 Конвенции ООН против коррупции (UNCAC) содержит рекомендацию государствам установить уголовную ответственность за обещание, предложение или дачу неправомерного вознаграждения любому лицу (не только государственному служащему или лицу, приравненному к нему) с целью, чтобы это лицо

посредством своего влияния добились от органов или лиц, принимающих решения, неправомерной выгоды для инициатора, а равно за просьбу или принятие таким лицом вознаграждения за злоупотребление своим реальным или предполагаемым влиянием.

В отличие от статей о взятках, эта норма UNCAC носит необязательный характер («каждое государство рассматривает возможность...»), однако, как показывает практика, большинство стран мира, которые ратифицировали Конвенцию ООН против коррупции, криминализовали торговлю влиянием как самостоятельное коррупционное преступление в двух формах — активной и пассивной.

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

Между тем, в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, (ETS 173, 1999 г.)⁴ торговля влиянием уже прямо включена как обязательный состав: статья 12 требует криминализовать как активную, так и пассивную торговлю влиянием, то есть наказуемо и предложение/дача выгод посреднику за влияние на решение должностных лиц, и получение/выдвижение требований таких выгод самим посредником. Причём преступлением признаётся даже случай, когда влияние не было реально реализовано или не привело к результату.

GRECO (Группа государств Совета Европы против коррупции)⁵ осуществляет мониторинг выполнения Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. В отчетах по мониторингу GRECO подчеркивает необходимость внедрения статьи 12 ETS 173. Странам, не имеющим отдельной нормы, адресуются рекомендации о введении ответственности за торговлю влиянием.

Казахстан является членом GRECO с 2020 года, соответственно, требования по ратификации конвенций об ответственности за коррупцию возлагаются на нашу страну, включая меры по криминализации торговли влиянием⁶.

Антикоррупционная сеть ОЭСР для стран Восточной Европы и Центральной Азии.

Казахстан активно сотрудничает с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая создала такую сеть⁷, разработала и приняла Стамбульский план действий против коррупции. Для стран Восточной Европы и Центральной Азии выдвигаются рекомендации имплементировать ст. 18 UNCAC, чтобы устранить правовые пробелы в преследовании влиятельных посредников.

Например, мониторинговые группы в рамках визитов в страны Стамбульского плана действий против коррупции (Казахстан в их числе) отмечают, что отсутствие нормы о торговле влиянием затрудняет наказание случаев, когда не удалось доказать прямую «услугу за вознаграждение» (классическую взятку), но есть передача выгоды за неопределённое содействие через связи.

Таким образом, международные организации рассматривают торговлю влиянием как самостоятельную угрозу, подрывающую доверие к институтам, и рекомендуют её криминализацию наряду со взяточничеством.

Криминализация торговли влиянием в различных юрисдикциях. Европейский союз (27 стран).

Все государства ЕС являются участниками UNCAC и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, принятой в 1999 году, поэтому, за редким исключением, во всех 27 странах Европейского Союза торговля влиянием криминализована.

Во многих случаях в уголовных кодексах европейских стран эта норма введена под влиянием ст. 12 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и охватывает обе формы — активную (дача обещания или преимущества посреднику за воздействие на решение) и пассивную (получение посредником выгоды за использование влияния).

К примеру, в Австрии торговля влиянием криминализована с введением самостоятельного состава — статья 308 Уголовного кодекса (Criminal Code) Австрии («Prohibited intervention»). Которая устанавливает ответственность за торговлю влиянием. Охватываются оба вида (лицо, обещающее или дающее выгоду влиятельному посреднику, и сам посредник)⁸.

Также в уголовном кодексе (Criminal Code) Португалии имеется состав “*tráfico de influência*” (статья 335). Он охватывает как действие частного лица, предлагающего вознаграждение за влияние, так и действие того, кто требует или получает выгоду, обещая повлиять на публичный орган⁹.

Таким образом, подавляющее большинство стран Европейского Союза ввели самостоятельный состав преступления торговли влиянием, зачастую прямо именуемый так в уголовных кодексах. Охватываются обе формы — активная (подкуп влияющего лица) и пассивная (получение выгоды за использование влияния). Меры уголовного наказания — штраф (редко) и лишение свободы (от 1 года до 8-ми лет).

Только Нидерланды и частично Германия, Швеция, Дания охватывают случаи торговли влиянием общими положениями статей об уголовной ответственности за взяточничество. Такой подход тоже возможен, он не снижает эффективности общих мер и реформ по противодействию коррупции в государствах Европейского Союза.

Юго-Восточная Азия (Сингапур, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, Япония).

Ситуация в регионе Юго-Восточной Азии более разнородна: некоторые страны уголовными методами расследуют случаи торговли влиянием, другие полагаются на общие нормы о взятках.

К примеру, в Сингапуре торговля влиянием частично криминализована. В уголовном законодательстве Сингапура отдельного состава по торговле влиянием нет, однако вопросы незаконного использования влияния фактически охвачены положениями о взяточничестве. Закон о предупреждении коррупции (Prevention of Corruption Act) использует широкий подход¹⁰. Параграфы 5 и 6 относят любое получение или дачу «вознаграждения» с коррупционным умыслом к преступлениям. Специально указано, что *не требуется доказательства*, будто лицо, получившее вознаграждение, действительно обладало полномочиями повлиять на решение.

Таким образом, если посредник взял деньги «за влияние», он несёт ответственность как за коррупционную сделку, даже если влияния у него не было.

В уголовном законодательстве Южной Кореи статья 133 криминализует случаи предложения или получения выгоды *за воздействие на решение публичного должностного лица*¹¹. Это положение отсылает к статье 132 УК Южной Кореи (Criminal Code) (взяточничество) и фактически охватывает концепцию, аналогичную статье 18 Конвенции ООН против коррупции.

Таким образом, следует констатировать, что ситуация с криминализацией торговли влиянием в регионе Юго-Восточной Азии является неоднородной. Сингапур и Малайзия полагаются на широкие нормы о взятках, частично охватывающие торговлю влиянием (без термина *de jure*, но с учётом посредничества и презумпций о коррупционной природе выгоды). Япония и Республика Корея ввели специальные статьи, но подход Японии ограничен случаями с участием только должностных лиц, тогда как положения уголовного кодекса Южной Кореи более широкие и могут распространяться на любое лицо. Таиланд же пока остаётся без специальной нормы о криминализации торговли влиянием.

В странах, где помимо уголовного законодательства, действуют специальные законы о превенции коррупции (Сингапур, Малайзия), вопросы торговли влиянием и ответственности за неё регулируются несколькими законодательными актами. Это усиливают превентивную функцию и снижает риски использования влияния — реального или мнимого — на процессы принятия решений в личных целях.

Северная и Южная Америка (Канада, США и страны Латинской Америки).

В странах Америки на вопросы криминализации налицо влияние как Конвенции ООН против коррупции, так и Межамериканской конвенции против коррупции¹². Многие государства Латинской Америки ввели статьи об уголовной ответственности за торговлю влиянием ещё в 1990-2000 годах. В то же время США до сих пор не выделили торговлю влиянием отдельно, а Канада давно имеет собственный состав преступления по торговле влиянием.

Так, в США торговля влиянием как отдельное преступление не криминализовано на федеральном уровне. Деяния, схожие с торговлей влиянием, могут преследоваться по другим статьям — например, как мошенничество (*honest services fraud*) или как незаконное вознаграждение должностного лица (*illegal gratuity*). Кроме того, в Уголовном кодексе США есть статья, устанавливающая уголовную ответственность за неправомерное влияние на решения о найме частного лица со стороны члена Конгресса, должностного лица или сотрудника законодательной или исполнительной власти (*article 18*)¹³. Однако прямого состава, наказывающего посредника, обещающего использовать связи, нет. Это нарушает обязательства по ратифицированным конвенциям.

Канада полностью криминализовала торговлю влиянием. Уголовный кодекс Канады содержит статью 121(1) запрещающую любому лицу требовать или получать выгоду в обмен на обещание повлиять на решения правительства. Также статья 121(1) привлекает к ответственности лицо, предоставляющее такую выгоду¹⁴.

Максимальная мера ответственности — до 5 лет лишения свободы. Этот состав охватывает и публичных должностных лиц, и третьих лиц-посредников.

В Чили торговля влиянием криминализована ещё в 1999 г. Чили дополнила Уголовный кодекс (Criminal Code) специальной нормой статьей 240 bis, которая определяет торговлю влиянием как действие должностного лица, которое за выгоду использует своё влияние на другого должностного лица. Также статья 251 наказывает частное лицо, которое, ссылаясь на связи, требует плату за влияние¹⁵. Максимальная санкция за эти преступления — до 5 лет лишения свободы.

Практически во всех латиноамериканских странах торговля влиянием прямо признаётся преступлением — обычно под термином “*tráfico de influencias*” в уголовных кодексах, с охватом активных и пассивных действий. Санкции умеренные (как правило, до 5-6 лет). Это отражает и обязательства по Межамериканской конвенции против коррупции 1996 года, так и по Конвенции ООН против коррупции.

Исключением являются США, где по историческим причинам такой состав отсутствует, хотя смежные действия преследуются иными статьями (мошенничество, сговор и другими). Канада и большинство стран региона обеспечили уголовно-правовой запрет торговли влиянием ещё до ратификации Конвенции ООН против коррупции либо вскоре после его вступления. Таким образом, регион в целом продемонстрировал приверженность криминализации торговли влиянием, несмотря на отсутствие сильных мониторинговых механизмов, подобных GRECO.

Ближний Восток и Северная Африка.

Практика по криминализации торговли влиянием в этом регионе неоднородна, в отличие от европейского региона или стран Северной и Южной Америки. На это влияет отсутствие строгих обязательств по криминализации, большинство стран этого региона ратифицировали только Конвенцию ООН против коррупции, которая не имеет строгого обязательства от стран-участниц по криминализации торговли влиянием.

Арабская конвенция против коррупции¹⁶ содержит положения о криминализации торговли влиянием (ст. 4 Арабской конвенции), однако они не являются императивными нормами и оставляют вопрос криминализации торговли влиянием на усмотрение стран-участниц в контексте их национального уголовного законодательства.

Большинство стран региона криминализовали торговлю влиянием — либо через внесение соответствующих поправок в статьи по взяточничеству, либо путем введения отдельного состава. Турция и Марокко — яркие примеры выполнения международных обязательств: они ввели чёткие нормы о торговле влиянием в соответствии с требованием Конвенции ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности.

Арабские страны также преимущественно криминализовали торговлю влиянием, что также является показателем значительного прогресса в антикоррупционных реформах и в выполнении международных обязательств.

Восточная Европа: Украина, Беларусь, Молдова.

Неоднозначна ситуация с криминализацией торговли влиянием в постсоветских странах, которые интегрированы в европейское движение против коррупции (Украина и Молдова), а также в Беларуси, которая не имеет такой интеграции.

Очевидно, что Украина и Молдова следует своим международным, и в первую очередь, европейским обязательствам по приведению уголовного законодательства в соответствие с требованиями Конвенции ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Обе страны криминализовали торговлю влиянием как отдельное преступление в активной и пассивной формах.

Беларусь, как и страны Центральной Азии, остается страной, где торговля влиянием не криминализована и отдельные случаи торговли влиянием не охвачены существующими составами.

Кавказ: Грузия, Армения, Азербайджан.

Все три страны являются странами-участницами GRECO и криминализовали торговлю влиянием в полной или частичной форме. Это отвечает обязательствам стран как участниц Конвенции ООН против коррупции, GRECO и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Грузия и Азербайджан установили уголовную ответственность за активную и пассивную форму торговли влиянием, санкции предусматривают лишение свободы на значительные сроки.

Центральная Азия: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан.

В регионе Центральной Азии торговля влиянием не криминализована в должной мере во всех странах и этот регион отстает от большинства развитых и развивающихся стран мира по выполнению этого обязательства.

При этом, обязательства GRECO распространяются только на Казахстан.

В странах Центральной Азии доминирует старый подход к криминализации коррупционных преступлений. В основном, ответственность ограничена случаями получения и дачи взятки, злоупотребление должностными полномочиями. В некоторых юрисдикциях криминализовано посредничество во взяточничестве. Однако это далеко не тот подход, который должны выполнить страны как участницы Конвенции ООН против коррупции.

Страны региона Центральной Азии все еще ограничиваются частичным применением общих норм о взяточничестве. Полнота криминализации торговли влиянием в каждом случае коррелирует с объемом выполнения международных антикоррупционных обязательств и степенью реализации рекомендаций GRECO и Стамбульского плана действий против коррупции.

В целом, странам региона Центральной Азии предстоит работа по имплементации положений Конвенции ООН против коррупции в национальное уголовное законодательство, включая криминализацию торговли влиянием.

Проведенный анализ международной практики показывает, что криминализация торговли влиянием является одним из ключевых инструментов в борьбе с коррупцией, позволяя закрыть пробелы, которые возникают при традиционном

подходе к уголовной ответственности за взяточничество. Подавляющее большинство государств, особенно в рамках GRECO, пошли по пути выделения торговли влиянием в качестве самостоятельного состава преступления. Такой подход обеспечивает более широкий охват как активной, так и пассивной формы деяния, распространяется на лиц, не являющихся государственными служащими, и тем самым отвечает требованиям международных антикоррупционных конвенций.

В то же время в ряде стран торговля влиянием остаётся интегрированной в составы взяточничества или посредничества во взяточничестве. Эти варианты представляют собой компромиссные модели, которые позволяют формально учитывать международные обязательства, но не всегда обеспечивают достаточный уровень превенции и эффективности правоприменения.

Заключение. Криминализация торговли влиянием является важным элементом антикоррупционной политики, позволяющим восполнить пробелы, не охватываемые традиционными составами о взяточничестве. Для Казахстана, на наш взгляд, оптимальным представляется постепенный, поэтапный путь имплементации. На первом этапе целесообразно включить положения о торговле влиянием в составы преступлений, связанных с дачей и получением взятки, с распространением ответственности на широкий круг субъектов и сохранением санкций на уровне взяточничества.

Такой подход позволит выполнить часть обязательств по Конвенции ООН против коррупции, а также требований GRECO. На втором этапе, опираясь на накопленную судебную практику, возможен переход к полной криминализации торговли влиянием как отдельного преступления.

Таким образом, вопрос о криминализации торговли влиянием в Казахстане требует стратегического подхода: постепенное внедрение с учётом национальных особенностей и международных обязательств обеспечит эффективность правоприменения и повысит устойчивость антикоррупционной системы.

Список литературы

1. https://en.wikipedia.org/wiki/Influence_peddling
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
3. Приговор суда № 2 района Байконыр города Нур-Султан по делу № 7150-21-00-1/189 от 3 декабря 2021 года.
4. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. 1999 год. // <https://rm.coe.int/168007f58c>
5. GRECO Группа стран Совета Европы. Мониторинг реализации Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию // <https://www.coe.int/en/web/greco>
6. Информация о статусе Казахстана как страны-члена GRECO // <https://www.coe.int/en/web/greco/kazakhstan>

7. Стамбульский план действий против коррупции ОЭСР // https://www.oecd.org/ru/publications/2016/10/istanbul-anti-corruption-action-plan_43d31b56.html
8. Уголовный кодекс Австрии от 29 января 1974 г. // <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002296&FassungVom=2001-06-30>
9. Уголовный кодекс Португалии (утверждён законодательным декретом №4/2003 от 18.11.2003 г.) // https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/PORTUGAL_Criminal%20Code.pdf
10. Закон Сингапура «О предупреждении коррупции» (Prevention Corruption Act) от 17 июня 1960 г. // <https://sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960?ProvIds=P13-#pr11->
11. Уголовный кодекс Южной Кореи (Утвержден Законом № 293 от 18 сентября 1953 г. // <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1953/en/37944>
12. https://www.oas.org/en/sla/dil/inter_american_treaties_B-58_against_Corruption.asp
13. Article 18 Свод законов США § 227 — Неправомерное влияние на решения частного предприятия о найме со стороны члена Конгресса или должностного лица или сотрудника законодательной или исполнительной власти // <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/227>
14. Уголовный кодекс Канады по состоянию на 08.04.2025 г. // <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-22.html#h-117813>
15. Уголовный кодекс Чили (с изменениями, внесенными Законом № 21123 от 10.12.2018 г.) // https://cjad.nottingham.ac.uk/documents/implementations/pdf/Chile-Criminal_Code_amend_2020_ES.pdf
16. Арабская конвенция против коррупции от 2010 г. // <https://star.worldbank.org/sites/star/files/Arab-Convention-Against-Corruption.pdf>

References

1. https://en.wikipedia.org/wiki/Influence_peddling
2. Konventsiya Organizatsii Ob"yedinennykh Natsiy protiv korruptsii, Prinyata rezolyutsiyey 58/4 General'noy Assamblei ot 31 oktyabrya 2003 goda // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
3. Prigovor suda № 2 rayona Baykonyr goroda Nur-Sultan po delu № 7150-21-00-1/189 ot 3 dekabrya 2021 goda.
4. Konventsiya Soveta Yevropy ob ugovnoy otvetstvennosti za korruptsiyu. 1999 god. // <https://rm.coe.int/168007f58c>
5. GRECO Gruppa stran Soveta Yevropy. Monitoring realizatsii Konventsii Soveta Yevropy ob ugovnoy otvetstvennosti za korruptsiyu // <https://www.coe.int/en/web/greco>
6. Informatsiya o statuse Kazakhstana kak strany-chlena GRECO // <https://www.coe.int/en/web/greco/kazakhstan>

7. Stambul'skiy plan deystviy protiv korruptsii OESR // https://www.oecd.org/ru/publications/2016/10/istanbul-anti-corruption-action-plan_43d31b56.html
8. Ugolovnyy kodeks Avstrii ot 29 yanvarya 1974 g. // <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002296&FassungVom=2001-06-30>
9. Ugolovnyy kodeks Portugalii (utverzhdon zakonodatel'nym dekretom №4/2003 ot 18.11.2003 g.) // https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/PORTUGAL_Criminal%20Code.pdf
10. Zakon Singapura «O preduprezhdenii korruptsii» (Prevention Corruption Act) ot 17 iyunya 1960 g. // <https://sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960?ProvIds=P13-#pr11->
11. Ugolovnyy kodeks Yuzhnoy Korei (Utverzhdn Zakonom № 293 ot 18 sentyabrya 1953 g. // <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1953/en/37944>
12. https://www.oas.org/en/sla/dil/inter_american_treaties_B-58_against_Corruption.asp
13. Article 18 Svod zakonov SSHA § 227 — Nepravomernoye vliyaniye na resheniya chastnogo predpriyatiya o nayme so storony chlena Kongressa ili dolzhnostnogo litsa ili sotrudnika zakonodatel'noy ili ispolnitel'noy vlasti // <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/227>
14. Ugolovnyy kodeks Kanady po sostoyaniyu na 08.04.2025 g. // <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-22.html#h-117813>
15. Ugolovnyy kodeks Chili (s izmeneniyami, vnesennymi Zakonom № 21123 ot 10.12.2018 g.) // https://cjad.nottingham.ac.uk/documents/implementations/pdf/Chile-Criminal_Code_amend_2020_ES.pdf
16. Arabskaya konventsiya protiv korruptsii ot 2010 g. // <https://star.worldbank.org/sites/star/files/Arab-Convention-Against-Corruption.pdf>

МРНТИ 14.35.09

УДК 378.147:81'243

Букина Татьяна Григорьевна — заведующая кафедрой иностранных языков Уральского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ЮРИСПРУДЕНЦИИ» В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются сложности преподавания русского языка как иностранного в контексте юриспруденции. Подчеркиваются проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели и иностранные обучающиеся при освоении юридического языка, включая лексические трудности и грамматические

особенности, такие как система падежей. Культурные аспекты также играют важную роль, поскольку различные правовые нормы могут приводить к недопониманию. Статья акцентирует внимание на необходимости интеграции культурного контекста в учебный план. Автор указывает, что проблемным вопросом при изучении юридического языка является недостаточное количество специализированных учебных материалов. Кроме того, обсуждаются инновационные методики преподавания, такие как ролевые игры, кейс-методы и симуляции, а также внедрение современных технологий в образовательный процесс, для повышения вовлеченности иностранных обучающихся в образовательный процесс. В качестве вывода автор предлагает связывать изучение языка с реальными юридическими сценариями, что может повысить интерес и мотивацию к изучению русского языка для специальных целей.

Ключевые слова: юридический язык, кейс-метод, русский язык как иностранный, образовательный процесс, интерактивные методы, обучение, мотивация, термины.

Букина Татьяна Григорьевна — Ресей ІІМ Орал заң институтының шет тілдері кафедрасының меңгерушісі, филология ғылымдарының кандидаты, доценті (Ресей Федерациясы, Екатеринбург қ.)

ШЕТЕЛДІК АУДИТОРИЯДА «ҚҰҚЫҚТАНУДАҒЫ ОРЫС ТІЛІ» ПӘНІН ОҚЫТУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Түйін. Мақалада құқықтану контекстінде орыс тілін шет тілі ретінде оқытудың қиындықтары қарастырылады. Құқықтық тілді меңгеру кезінде оқытушылар мен шетелдік білім алушылардың алдында тұрған проблемаларға, соның ішінде лексикалық қиындықтар мен грамматикалық ерекшеліктерге, мысалы, істер жүйесіне баса назар аударылады. Мәдени аспектілер де маңызды рөл атқарады, өйткені әртүрлі құқықтық нормалар түсініспеушілікке әкелуі мүмкін. Мақала мәдени контекстті оқу жоспарына біріктіру қажеттілігіне назар аударады. Автор құқықтық тілді үйрену кезінде проблемалық мәселе мамандандырылған оқу материалдарының жеткіліксіз саны болып табылатынын атап көрсетеді. Сонымен қатар, шетелдік білім алушылардың білім беру процесіне қатысуын арттыру үшін рөлдік ойындар, кейс-әдістер және модельдеу, сондай-ақ білім беру процесіне заманауи технологияларды енгізу сияқты оқытудың инновациялық әдістемелері талқыланады. Қорытынды ретінде автор тіл үйренуді нақты құқықтық сценарийлермен байланыстыруды ұсынады, бұл арнайы мақсаттар үшін орыс тілін үйренуге қызығушылық пен мотивацияны арттыруы мүмкін.

Түйінді сөздер: құқықтық тіл, кейс-әдіс, орыс тілі шет тілі ретінде, білім беру процесі, интерактивті әдістер, оқыту, мотивация, терминдер.

Bukina Tatyana Grigoryevna — head of the department of foreign languages of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of philological sciences, associate professor ((Russian Federation, Ekaterinburg)

PROBLEMS OF TEACHING THE DISCIPLINE «RUSSIAN LANGUAGE IN LAW» TO AN INTERNATIONAL AUDIENCE

Annotation. This article examines the complexities of teaching Russian as a foreign language within the context of law. It highlights the challenges faced by educators and foreign learners in mastering legal language, including lexical difficulties and grammatical features such as the case system. Cultural aspects also play a significant role, as varying legal norms can lead to misunderstandings. The article emphasizes the necessity of integrating cultural context into the curriculum. The author points out that a problematic issue in studying legal language is the lack of specialized teaching materials. Additionally, innovative teaching methodologies are discussed, such as role-playing, case methods, and simulations, as well as the incorporation of modern technologies into the educational process to enhance engagement among foreign learners. In conclusion, the author suggests linking language study to real legal scenarios, which can increase interest and motivation for learning Russian for specific purposes.

Keywords: legal language, case method, russian as a foreign language, educational process, interactive methods, teaching, motivation, terms.

Введение. Преподавание русского языка как иностранного в контексте юриспруденции представляет собой сложную и многогранную задачу. Современная юридическая практика требует от специалистов не только знания языка, но и понимания специфики юридической лексики, стилей речи и культурных аспектов, связанных с правовой системой.

В данной работе будут рассмотрены основные проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели и иностранные обучающиеся образовательных организаций системы МВД при изучении дисциплины «Русский язык в юриспруденции».

Материалы и методы. При изучении юридического языка использовались специализированные учебные материалы и научная литература. В работе обсуждаются инновационные методики преподавания, такие как ролевые игры, кейс-методы и симуляции, а также внедрение современных технологий в образовательный процесс, для повышения вовлеченности иностранных обучающихся в образовательный процесс.

Обсуждение и результаты. Одной из главных проблем является сложность юридической лексики. Правовые термины часто имеют специфическое значение, которое может отличаться от общего употребления. Например, слова «обвинение», «доказательство» или «правонарушение» могут вызывать трудности у иностранцев, не знакомых с контекстом. Исследование, проведенное в 2020 году в МГУ, показало, что более 60 % иностранных студентов испытывают трудности с пониманием таких терминов.

Кроме того, многие термины имеют синонимы, паронимы и различные оттенки значений в зависимости от контекста. Например, сложности возникают при использовании паронимов «объектный-объективный». Преподавателю необходимо уделять внимание не только переводу слов, но и объяснению их значений в юридическом контексте. Это требует дополнительных усилий и времени на занятиях. Согласно исследованию 2019 года, студенты, испытывающие языковые трудности, тратят в среднем на 30 % больше времени на изучение юридических текстов. Это снижает их возможности для участия в дополнительных академических мероприятиях и ограничивает доступ к более глубокому изучению предмета. Более того, языковые барьеры снижают уверенность студентов в своих знаниях, что особенно заметно при подготовке к монологическому выступлению.

Следующей проблемой при изучении русского юридического языка иностранными обучающимися являются грамматические трудности. Русский язык обладает сложной грамматической структурой. Например, система падежей и согласование слов в предложении часто вызывает затруднения. В юридической практике важно не только правильно использовать термины, но и правильно формулировать предложения, чтобы избежать юридических ошибок. Для решения грамматических проблем можно порекомендовать работу с параллельными конструкциями. Например, при пересказе юридического текста давать задание заменить существительные с процессуальным значением на глагольные конструкции. Например: *Процесс создания правовых норм делится на два основных этапа. — Правовые нормы создаются в два этапа.*

Проблемным вопросом в изучении юридического языка являются культурные различия, которые могут влиять на восприятие правовых норм и практик. Например, в разных странах могут существовать различные подходы к правосудию и правопорядку, что может вызывать недопонимание у иностранных студентов. К примеру, термин *виндикационный иск*, который отсутствует в правовых системах некоторых стран, затрудняет его интерпретацию и понимание. Это подчеркивает необходимость разработки адаптированных учебных материалов и подходов для облегчения усвоения таких понятий. Как отмечает Н. Г. Павлова, в современных условиях «сравнение различных правовых культур, анализ путей сближения национальных законодательств приобретает все более важное значение»¹.

Преподаватели должны интегрировать культурные аспекты в учебный процесс, чтобы иностранные обучающиеся могли лучше понимать контекст и значение юридических терминов и концепций. Это может включать изучение правовых систем других стран и их сравнительный анализ. Важным аспектом такого обучения является «способность при контакте с другой культурой понимать иные обычаи, привычки, иные нормы социального поведения, осознавая при этом факт их чужеродности»².

Еще одной проблемой изучения юридического языка является недостаток специализированных учебных материалов. На сегодняшний день в России наблюдается значительный дефицит учебной литературы, направленной на обучение иностранцев юридической терминологии на русском языке. Согласно исследованию

Института русского языка им. А.С. Пушкина выявило, что лишь 15 % учебников по русскому языку для иностранцев содержат разделы, непосредственно посвящённые юридической тематике. Это свидетельствует о недостаточной адаптации существующих образовательных ресурсов к потребностям иностранных студентов, изучающих юриспруденцию.

Недостаток специализированных учебных материалов оказывает значительное влияние на процесс обучения иностранных обучающихся юридической терминологии на русском языке. Нехватка таких материалов увеличивает время, необходимое для освоения юридических понятий. А. Н. Шепелёв отмечает, что «в России исследования по проблемам юридического языка носят в своей основе теоретический и бессистемный характер и в большей мере посвящены языку нормативно-правовых актов»³. Это подчеркивает необходимость разработки более систематизированных и практических учебных материалов, которые способствовали бы лучшему пониманию юридической терминологии.

Выбор методических подходов к преподаванию также следует отнести к проблеме преподавания юридического языка. Традиционные методы обучения, такие как лекции и семинары, могут не всегда быть эффективными для иностранной аудитории. Необходимы новые подходы, которые будут учитывать особенности восприятия языка иностранцами. Коммуникативный подход в обучении языкам, возникший в 1970-х годах, основывается на принципе, что наиболее эффективное освоение языка происходит через его использование в реальных коммуникативных ситуациях. В преподавании юридического русского языка этот подход акцентирует внимание на практическом применении профессиональной лексики и грамматики в условиях, максимально приближенных к реальным. Интерактивные методы, такие как ролевые игры и симуляции судебных процессов, позволяют иностранным обучающимся не только изучать язык, но и развивать навыки, необходимые для их будущей профессиональной деятельности. Исследование, проведенное в 2020 году в Московском государственном университете, показало, что студенты, обучавшиеся по данной методике, демонстрировали значительно более высокие результаты в овладении навыками устной речи, что подтверждает эффективность этого подхода.

Практическое внедрение коммуникативного подхода в образовательный процесс юридического русского языка включает использование кейс-методов, деловых игр и симуляций, например, судебных заседаний. Эти методы не только помогают обучающимся освоить юридическую лексику и грамматику, но также развивают их аналитические способности, навыки аргументации и юридического анализа, что имеет особое значение для их профессионального становления. В этом контексте важно, чтобы «учебные задания и упражнения стимулировали студентов к развитию навыков межкультурной коммуникации, включая адаптацию речи и использование культурно-адекватных принципов в общении»⁴. Например, кейс-метод, учитывающий культурные различия и особенности правовых систем, позволяет обучающимся анализировать ситуации из различных правовых систем, что способствует лучшему пониманию универсальных и специфичных аспектов права.

К инновационным методам обучения относится внедрение современных технологий в образовательный процесс. Использование онлайн-курсов и интерактивных платформ, таких как Moodle, способствует повышению вовлеченности иностранных обучающихся в образовательный процесс, которые могут сталкиваться с трудностями адаптации к новому языковому и культурному окружению. Онлайн-ресурсы обеспечивают гибкость в обучении, позволяя обучающимся осваивать материал в удобное для них время и в удобном темпе.

Мотивация иностранных обучающихся — еще одна ключевая проблема. Иностранцы могут испытывать трудности с мотивацией, особенно если они не видят непосредственной связи между изучением языка и своей будущей профессиональной деятельностью. Преподаватели должны активно работать над созданием мотивационной среды, демонстрируя практическое значение изучаемого материала. Использование реальных юридических документов, присутствие на судебных заседаниях могут значительно повысить интерес обучающихся к изучению русского языка в контексте юриспруденции.

Заключение. Таким образом, в ходе проведенного исследования были выявлены ключевые проблемы, с которыми сталкиваются иностранные обучающиеся во время изучения дисциплины «Русский язык в юриспруденции». Среди них наиболее значимыми являются языковые барьеры, различия в правовых системах стран, недостаток специализированных учебных материалов, выбор методического подхода, а также проблема мотивации.

Эти факторы существенно затрудняют процесс обучения, препятствуя формированию необходимых навыков и знаний для профессиональной деятельности в юридической сфере. Анализ показал, что для преодоления данных трудностей требуется комплексный подход, учитывающий как индивидуальные потребности студентов, так и особенности правовой системы России. Для повышения мотивации к изучению русского юридического языка необходимо разработать специализированные учебные материалы, адаптированные под уровень подготовки и культурные особенности иностранных обучающихся и связывающие изучение языка с реальными юридическими сценариями,

Список литературы

1. Павлова Н. Г. К вопросу о соотношении понятий «правовая система» и «правовая культура» в сравнительном правоведении // Вестник РУДН, серия Юридические науки. — 2014. — № 4. С. 17 (С. 14-24.)
2. Силкович Л. Концептуальные основания разработки учебного пособия, ориентированного на подготовку будущего учителя иностранного языка к межкультурной коммуникации // *Linguodidactica*. — 2020. — Т. 24. С. 257 (С. 255- 264).
3. Шепелёв А. Н. Ясность и простота — требование к юридическому языку // ПРАВО: история и современность. — 2019. — № 1. С. 24 (С. 21-27).
4. Колесник О. Г. Формирование межкультурной компетенции у студентов-юристов в процессе обучения иностранному языку // Либерально-демократические ценности. — 2024. — Т. 8. — № 2. // <https://liberal-journal.ru/PDF/04KLLD224.pdf>

References

1. Pavlova N. G. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «pravovaya sistema» i «pravovaya kul'tura» v sravnitel'nom pravovedenii // Vestnik RUDN, seriya Yuri-dicheskiye nauki. — 2014. — № 4. S. 17 (S. 14-24.)
2. Silkovich L. Kontseptual'nyye osnovaniya razrabotki uchebnogo posobiya, ori-yen-tirovannogo na podgotovku budushchego uchitelya inostrannogo yazyka k mezhkul'-turnoy kommunikatsii // Linguodidactica. — 2020. — T. 24. S. 257 (S. 255-264).
3. Shepelov A. N. Yasnost' i prostota — trebovaniye k yuridicheskomu yazyku // PRAVO: istoriya i sovremennost'. — 2019. — № 1. S. 24 (S. 21-27).
4. Kolesnik O. G. Formirovaniye mezhkul'-turnoy kompetentsii u studentov-yuristov v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku // Liberal'no-demokraticheskkiye tsennosti. — 2024. — T. 8. — № 2. // <https://liberal-journal.ru/PDF/04KLLD224.pdf>

МРНТИ 10.71.01

УДК 34.07

Исмаилбаев Тимурлан Шамильевич — главный научный сотрудник Центра исследования проблем в сфере защиты общественных интересов Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, старший советник юстиции (Республика Казахстан, г. Косы);

Ермекова Зауреиш Джумаевна — ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем в сфере защиты общественных интересов Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, старший советник юстиции (Республика Казахстан, г. Косы)

БЕЗУПРЕЧНАЯ РЕПУТАЦИЯ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Аннотация. В Казахстане функционирует специально созданный аппарат, необходимый для государственного управления. Действующее законодательство в области государственной службы свидетельствует о необходимости дальнейшего его совершенствования. Авторы предлагают при поступлении на должность государственного служащего к кандидату рассмотреть требования института «безупречность репутации». Опыт зарубежных стран (Польша, КНР, Молдова) показывает о том, что институт безупречной репутации является важной составляющей сотрудника правоохранительных органов. В безупречность репутации для лица, занимающего государственную должность, должна входить и такая весьма важная составляющая, как взаимоотношения с детьми, их воспитание, поскольку, как из-

вестно, воспитание детей — обязанность родителей. При этом предлагается оценку собранным сведениям на кандидата и соответствие его требованию «безупречной репутации» возложить на приемные комиссии учебных заведений и руководителей правоохранительного органа, куда для прохождения службы будет направлен слушатель.

Ключевые слова: государственная служба, безупречная репутация, государственная должность, дефиниция, кандидат, добропорядочность, судимость, профессиональные качества, правоохранительные органы.

Исмаилбаев Тимурлан Шамильевич — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қоғамдық мүдделерді қорғау саласындағы проблемаларды зерттеу орталығы бас ғылыми қызметкері, аға әділет кеңесшісі (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.);

Ермекова Зәуреш Джумақызы — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қоғамдық мүдделерді қорғау саласындағы проблемаларды зерттеу орталығы жетекші ғылыми қызметкері, аға әділет кеңесшісі (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.)

МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТКЕРДІ БАҒАЛАУ КРИТЕРИЙІ РЕТІНДЕГІ МІНСІЗ БЕДЕЛ

Түйін. Қазақстанда мемлекеттік басқаруға қажетті арнайы құрылған аппарат жұмыс істейді. Мемлекеттік қызмет саласындағы қолданыстағы заңнама оны одан әрі жетілдіру қажеттігін көрсетеді. Авторлар мемлекеттік қызметші лауазымына үміткерге өтініш берген кезде институттың талаптарын қарастыруды ұсынады «мінсіз бедел». Шет елдердің (Польша, Қытай, Молдова) тәжірибесі мінсіз бедел институты құқық қорғау органы қызметкерінің маңызды құрамдас бөлігі екенін көрсетеді. Мемлекеттік лауазымды атқаратын адам үшін мінсіз беделге балалармен қарым-қатынас, оларды мадақтау сияқты өте маңызды құрамдас болуы керек, өйткені, біз білетіндей, балаларды тәрбиелеу ата-ананың міндеті. Бұл ретте кандидатқа жиналған ақпаратты бағалау және оның «мінсіз беделі» талабына сәйкестігін білім беру ұйымдарының қабылдау комиссияларына және құқық қорғау органының басшыларына тапсыру ұсынылады, онда студент қызмет етуге жіберіледі.

Түйінді сөздер: мемлекеттік қызмет, мінсіз бедел, мемлекеттік лауазым, анықтама, кандидат, адалдық, соттылық, кәсіби қасиеттер, құқық қорғау органдары.

Ismailbaev Timurlan Shamilevich — chief researcher at the Center for research on problems in the sphere of public interest protection of the Interdepartmental Scientific Research Institute of the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, senior adviser of justice (Republic of Kazakhstan, Kosshy);

Yermekova Zauresh Dzhumayevna — leading researcher at the Center for research on problems in the sphere of public interest protection of the Interdepartmental Scientific

IMPECCABLE REPUTATION AS A CRITERION FOR EVALUATING A STATE SERVANT

Annotation. Kazakhstan has a specially created apparatus necessary for public administration. Current legislation in the field of civil service indicates the need for its further improvement. The authors propose that when applying for the position of civil servant to a candidate, consider the requirements of the institute «impeccability of reputation». The experience of foreign countries (Poland, China, Moldova) shows that the institution of impeccable reputation is an important component of a law enforcement officer. The impeccability of reputation for a person holding a state position should also include such a very important component as relationships with children, their education, since, as you know, raising children is the responsibility of parents. At the same time, it is proposed to entrust the assessment of the collected information on the candidate and his compliance with the requirement «of impeccable reputation» to the admissions committees of educational institutions and heads of the law enforcement agency where the student will be sent to serve.

Keywords: an office under government, impeccable reputation, public office, definition, candidate, integrity, criminal record, professional qualities, law enforcement.

Введение. Государственным служащим принадлежит главная роль в осуществлении государственной власти, в обеспечении и укреплении законности и правопорядка, охране прав и интересов граждан.

Тем самым государственный служащий должен обладать высокими морально-нравственными качествами и добропорядочностью.

В этой связи возникает необходимость в тщательном пересмотре существующих ограничений при поступлении на государственную службу и ее прохождении с точки зрения объективности сегодняшних реалий.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частно-научные методы познания социально-правовых явлений (сравнительно-правовой, логико-системный, формально-логический и др.). Было изучено законодательство Республики Казахстан (далее — РК), регламентирующее вопросы в сфере государственной службы. По данному вопросу были рассмотрены работы ученых¹.

Обсуждение и результаты. Конституция РК, фиксируя право граждан РК «участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей», одновременно предусматривает и равный доступ своих граждан к государственной службе.

Право занимать государственную должность гражданином РК является одним из способов управления государством.

При этом под государственной должностью понимаются все должности, устанавливаемые в государстве.

Реализация конституционного права на участие в управлении государством обеспечены законами.

Гражданин РК при реализации своего права при поступлении на государственную службу (в том числе правоохранительную) руководствуется Законом РК «О государственной службе Республики Казахстан»².

При этом государственная служба может функционировать только при условии доверия со стороны общества. Обладание безупречной репутацией, на наш взгляд, является одной из составляющей государственного служащего.

«На государственной службе нерешенным остается вопрос безупречной репутации» — отмечал Президент Республики Казахстан 17 июля 2024 года в ходе утверждения Концепции развития государственной службы Республики Казахстан на 2024-2029 гг.

На наш взгляд, безупречная репутация государственного служащего — это его главный профессиональный капитал и залог эффективного выполнения своих функций на благо общества.

Е. Г. Гуличева отмечала, что установление безупречной репутации содержательно связано с отсутствием таких параметров, как нахождение в местах лишения свободы или наложение иного вида уголовного наказания; факт совершения уголовного преступления; судимость; некоторые виды административных правонарушений; некоторые виды заболеваний³. Т. В. Серкова отмечала, что понятие «безупречная репутация» носит оценочный характер⁴.

Безупречность репутации, с правовой точки зрения, означает отсутствие у кандидата на государственную службу нарушений уголовного, административного, трудового и другого законодательства во всех сферах и безукоризненность его поведения не только во время работы, но и в быту⁵.

Законодательство РК к судьям закрепляет требования о наличии безупречной репутации.

Так, в статье 29 Конституционного закона РК «О судебной системе и статусе судей РК» № 132 от 25 декабря 2000 года закреплено о том, что кандидаты в судьи должны обладать безупречной репутацией.

Аналогичное требование по обладанию безупречной репутацией закреплено к судьям Конституционного Суда в статье 5 Конституционного закона РК «О Конституционном Суде РК» № 153-VII от 5 ноября 2022 года.

Анализ законодательства зарубежных стран показал, что в Польше Законом «О государственной гражданской службе» от 21 ноября 2008 года определен круг лиц (чиновники и сотрудники гражданской службы), входящих в состав корпуса, а также обязанности, права и ответственность его членов.

Требования к кандидатам на государственную службу закреплены в статье 4 вышеуказанного Закона Польши «О государственной гражданской службе». При этом кандидаты не должны иметь судимость за умышленное преступление или

умышленное налоговое преступление, в т.ч. должны иметь безупречную репутацию.

В Китайской Народной Республики в Положении Правительства о государственных служащих закреплено одно из требований безупречной репутации к кандидатам государственных служащих о запрете совершения им в прошлом действий, образующих состав преступления⁶.

Интересен и опыт Национального института юстиции Молдовы (НИЮ) (далее — Институт).

Институт финансируется из государственного бюджета и является учреждением, осуществляющим подготовку и обучение специалистов в сфере правосудия.

Основные функции — начальное обучение кандидатов на должности судьи и прокурора, непрерывное обучение действующих судей и прокуроров, а также других специалистов в сфере юстиции⁷.

Изучение устава Института показало, что преподаватели Института отбираются на конкурсной основе из числа лучших судей, прокуроров, преподавателей и других специалистов. При этом одним из критериев для отбора преподавателей являются безупречная репутация в сфере деятельности и неподкупность.

Аналогичное требование «безупречной репутации» распространяется и на руководителя стажировки⁷.

При приеме на работу преподаватель или руководитель стажировки проходит анкетирование на «честность», «добропорядочность» и «деловую репутацию», которое проводится в соответствии с разработанным Положением о тренерах и Методикой его реализации⁸.

Рассмотренное законодательство стран свидетельствует об актуальности института безупречной репутации и необходимости его внедрения в государственную службу (в т.ч. правоохранительную службу).

Согласно пункта 6 статьи 1 Закона РК «О правоохранительной службе», правоохранительная служба — особый вид государственной службы на должностях правоохранительных органов.

В силу должностных обязанностей сотрудники правоохранительных органов обладают более обширными по сравнению с другими государственными органами полномочиями.

Так, сотрудники правоохранительных органов имеют право применять физическую силу, в т.ч. боевые приемы борьбы, а также специальные средства, в том числе наручники, резиновые палки, слезоточивые вещества и др., для отражения нападений на физических лиц, сотрудников и иных лиц, выполняющих служебный или общественный долг по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и противодействию коррупции, задержания правонарушителей.

Обладание такими полномочиями вызывает определенную необходимость к предъявлению обязательных требований к кандидатам на правоохранительную службу, в т.ч. по обладанию безупречной репутации. Репутация и моральный облик сотрудников правоохранительных органов должны быть безупречны.

Справедливо отмечал Е. А. Вызулин о том, что сотрудники органов внутренних дел должны обладать высокими морально-нравственными качествами⁹.

Также необходимо отметить, что ранее действовала Инструкция о порядке применения Положения о прохождении службы лицами рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Республики Казахстан Приказом МВД РК (которая была принята 1 января 2001 года), где в подпункте 1 пункта 3¹⁰ была предусмотрена проверка кандидата по «оперативным учетам», в ходе которой при получении сведений о судимости жены (мужа) кандидата, их близких родственников, а также других сведений отрицательного характера составлялось заключение, где обосновывалась возможность приема кандидата на службу с учетом общественной опасности совершенного преступления, степени родства, характера предстоящей службы, отрицательного влияния на кандидата, материальной и иной его зависимости от родственников, имеющих судимость.

По сути данные положения отражали проверку сотрудников органов внутренних дел на предмет «безупречной репутации». Однако данная Инструкция утратила силу в 2011 году.

При этом на сегодняшний день в специальных службах Республики к подбору кандидатов на службу относятся более тщательно. Кандидаты в специальные органы не могут быть зачислены, если их близкие родственники совершили тяжкие и особо тяжкие преступления, т.е. даже те, кто не имеют судимость (п. 11 ч. 2 ст. 7 Закона РК «О специальных государственных органах Республики Казахстан»).

При таких обстоятельствах предъявление требования «безупречности репутации» объяснимо.

В последнее время в средствах массовой информации периодически появляются сведения о том, что дети чиновников не смогли привить своим детям нравственную порядочность, позволяя им прикрываться своим именем или же занимаемой должностью.

Воспитание детей, согласно части 2 статьи 27 Конституции РК, является обязанностью родителей. В связи с чем сведения, составляющие взаимоотношения с детьми, их воспитание должны являться характеризующими данными, тем самым свидетельствовать о безупречной репутации лица, занимающего государственную должность.

Считаем, если ребенок лица, занимающего любую государственную должность, осуществляет действия, которые бросают тень на государственного служащего, то такой родитель в зависимости от тяжести совершенного правонарушения его ребенком должен как минимум быть привлечен к ответственности органом или должностным лицом, его назначившим, и как максимум не вправе осуществлять функции по управлению государством, т. е. должен быть освобожден от занимаемой должности.

По нашему мнению, отсутствие в нормах действующего законодательства четкого требования к кандидатам при поступлении в правоохранительные органы и действующим сотрудникам при прохождении службы может дискредитировать

кадровую политику и саму систему государственной власти, что впоследствии может вызвать негативную реакцию в обществе.

Фильтр «безупречная репутация» позволит на законодательном уровне осуществлять сбор информации на кандидата, с целью предупреждения проникновения на правоохранительную службу неблагонадежных лиц.

Серьезным подрывом репутации являются действия кандидата или лица, занимающего государственную должность, которые очерняют его честь и достоинство, т. е. в совершении умышленных административных правонарушений, посягающих на права личности, права несовершеннолетних, семейно-бытовые отношения, общественный порядок и нравственность, за совершение которых налагается административное взыскание, а также употребления алкогольных и наркотических средств.

В последнее время практически все деяния, которые вызывают отрицательную оценку общества (включая неадекватное поведение, размахивание служебными удостоверениями и т.д.), фиксируются современными средствами коммуникаций.

В связи с чем, предлагаемое В. А. Винокуровым понятие безупречной репутации представляет интерес. Так, под безупречной репутацией понимается отсутствие нарушений кандидатом любых правовых норм, а также соблюдение им принятых в обществе морально-нравственных норм⁵.

На наш взгляд, требования к безупречной репутации должны быть выполнены. Для этого требования данного института необходимо включить во все законодательные акты, регулирующие вопросы отбора кандидатов на государственную должность.

При этом безупречная репутация должна содержать в себе два элемента:

- профессиональные качества — высокий уровень знаний, т.е. способность выполнять поставленные задачи;
- моральные качества — высокие морально-нравственные качества и добропорядочность, т.е. приверженность правилам и ценностям, соблюдаемым обществом, а также этические нормы.

Заключение. По итогам анализа рассмотренных вопросов, связанных с требованиями к кандидатам на занятие должности государственного служащего и действующих работников, а также в целях недопущения зачисления на службу в правоохранительные органы, в т.ч. через программу первоначальной профессиональной подготовки, кандидатов, не соответствующих высоким критериям правоохранительной службы, предлагается: внести изменения в законодательные акты, регламентирующие требования к кандидатам на занятие должностей в государственной службе, а именно дополнения условия для занятия должностей в правоохранительные органы, обязанностью кандидата обладать безупречной репутацией.

Вместе с тем, в правовые акты, регулирующие вопросы отбора и прохождения службы в государственных органах РК, необходимо законодательно закрепить понятие «безупречная репутация», под которой понимается совокупность критериев,

включающих в себя высокий уровень знаний и профессиональную компетентность, а также высокие морально-нравственные качества и добропорядочность, отсутствие нарушений кандидатом любых правовых норм, а также соблюдение им принятых в обществе морально-нравственных норм.

При этом оценку собранным сведениям на кандидата и соответствие его требованию «безупречной репутации» возложить на приемные комиссии учебных заведений и руководителей правоохранительного органа, куда для прохождения службы будет направлен слушатель.

Список литературы

1. Amagoh F., Bhuiyan Sh. Public Sector Reform in the Republic of // Central Asia Business Journal. — 2010. — № 3. — P. 12-20.
2. О государственной службе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 416-V ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения: 01.03.2024).
3. Гуличева Е. Г. Актуальные проблемы реализации кадрового обеспечения деятельности судов // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: Мат-лы XXIII междунаро. науч.-практ. конф. — Morrisville, 2020. — С. 110-115.
4. Серкова Т. В. Понятие «безупречная репутация» как одно из требований к сенаторам в Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. — 2022. — № 22. — С. 59-65.
5. Винокуров В. А. Предложения по внесению изменений в Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Юридическая мысль. — 2015. — № 4 (90). — С. 78-86.
6. Мингазова З. Р. Опыт формирования деловой репутации государственных гражданских служащих в зарубежных странах // Вестник Башкирского государственного университета. — 2014. — № 2 (30). — С. 129-132.
7. О Национальном институте юстиции: Закон Республики Молдова от 8 июня 2006 г. № 152-XVI (с изм. и доп. по сост. на 31.07.2024 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30497816 (дата обращения: 23.06.2025).
8. Szewczyk H. Zatrudnienie w sluzbie cywilnej: Monografia. — Bydgoszcz Katowice, 2006. — 218 s.
9. Вызулин Е. А. Этические принципы и нормы деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. — 2015. — № 4. — С. 39-45.
10. Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о прохождении службы лицами рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Республики Казахстан: Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 1 января 2001 г. № 1 (Утратившей силу) // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V010001398_ (дата обращения: 01.03.2024).

References

1. Amagoh F., Bhuiyan Sh. Public Sector Reform in the Republic of Kazakhstan // Central Asia Business Journal. — 2010. — № 3. — P. 12-20.
2. O gosudarstvennoy sluzhbe Respubliki Kazakhstan: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 23 noyabrya 2015 g. № 416-V ZRK // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (data obrashcheniya: 01.03.2024).
3. Gulicheva E. G. Aktualnyie problemy realizatsii kadrovogo obespecheniya deyatel'nosti sudov // Fundamentalnyie i prikladnyie nauki segodnya: Mat-ly XXIII mejdunarod. nauch.-prakt. konf. — Morrisville, 2020. — S. 110-115.
4. Serkova T. V. Ponyatie «bezuprechnaya reputatsiya» kak odno iz trebovaniy k senatoram v Rossiyskoy Federatsii // Aktualnyie problemy teorii i istorii pravovoy sistemyi obschestva. — 2022. — № 22. — S. 59-65.
5. Vinokurov V. A. Predlozheniya po vneseniyu izmeneniy v Federalnyiy zakon «O poryadke formirovaniya Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii» // YUridicheskaya myisl. — 2015. — № 4 (90). — S. 78-86.
6. Mingazova Z. R. Opyit formirovaniya delovoy reputatsii gosudarstvennyih grajdanskikh slujaschih v zarubejnyih stranah // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2014. — № 2 (30). — S.129-132.
7. O Natsional'nom institute yustitsii: Zakon Respubliki Moldova ot 8 iyunya 2006 g. № 152-XVI (s izm. i dop. po sost. na 31.07.2024 g.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30497816 (data obrashcheniya: 23.06.2025).
8. Szewczyk H. Zatrudnienie w sluzbie cywilnej: Monografia. — Bydgoszcz Katowice, 2006. — 218 s.
9. Vyizulin E. A. Eticheskie printsipy i normy deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del // Vestnik po pedagogike i psichologii YUjnoy Sibiri. — 2015. — № 4. — S. 39-45.
10. Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke primeneniya Polozheniya o prokhozhdenii sluzhby litsami ryadovogo i nachal'stvuyushchego sostava organov vnutrennikh del Respubliki Kazakhstan: Prikaz Ministra vnutrennikh del Respubliki Kazakhstan ot 1 yanvarya 2001 g. № 1 (Utrativshey silu) // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V010001398_ (data obrashcheniya: 01.03.2024).

Кусаинова Асель Кадырбековна — старший научный сотрудник Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, советник юстиции (Республика Казахстан, г. Косшы);

Исмаилбаев Тимурлан Шамильевич — главный научный сотрудник Центра исследования проблем в сфере защиты общественных интересов Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики, старший советник юстиции (Республика Казахстан, г. Косшы)

ГРАЖДАНСКАЯ КОНФИСКАЦИЯ КАК ИНСТИТУТ ВОЗВРАТА АКТИВОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматривается институт гражданской конфискации в Республике Казахстан в качестве ключевого механизма возврата незаконно приобретенных активов вне рамок уголовного преследования. Раскрывается правовая природа конфискации, анализируются ее обязательные признаки и соотношение с близкими категориями, закрепленными в законодательстве. Особое внимание уделяется международным подходам к гражданской конфискации (in rem, non-conviction-based), а также их влиянию на формирование национальной модели регулирования. Несмотря на отсутствие в законодательстве Республики Казахстан унифицированного закрепления данного института, его элементы реализуются через гражданско-правовые механизмы, включая прекращение права собственности, необоснованное обогащение, иски о необъяснимом богатстве, признание недействительных сделок и другие. На основе проведенного анализа делаются выводы о том, что казахстанская модель гражданской конфискации, хотя и носит фрагментарный характер, в целом соответствует современным международным стандартам и требует дальнейшей кодификации.

Ключевые слова: гражданская конфискация, механизм, незаконно приобретенные активы, изъятие, необоснованное обогащение, Гражданский кодекс, необъяснимое богатство, сделка.

Құсайынова Әсел Қадырбекқызы — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының аға ғылыми қызметкері, әділет кеңесшісі (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.);

Исмаилбаев Тимурлан Шамильевич — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қоғамдық мүдделерді қорғау саласындағы проблемаларды зерттеу орталығы бас ғылыми қызметкері, аға әділет кеңесшісі (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.)

АЗАМАТТЫҚ ТӘРКІЛЕУ — ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ АКТИВТЕРДІ ҚАЙТАРУ ИНСТИТУТЫ РЕТІНДЕ

Түйін. Мақалада Қазақстан Республикасындағы азаматтық тәркілеу институты қылмыстық қудалау шеңберінен тыс заңсыз иемденілген активтерді қайтарудың негізгі тетігі ретінде қарастырылады. Тәркілеудің құқықтық сипаты ашылады, оның міндетті белгілері мен заңнамада бекітілген ұқсас санаттармен байланысы талданады. Азаматтық тәркілеудің халықаралық тәсілдеріне (rem-in rem, non-conviction-based), сондай-ақ олардың реттеудің ұлттық моделін қалыптастыру ықпалына ерекше назар аударылады. Қазақстан Республикасының заңнамасында осы институттың біріздендірілген бекітілуінің болмауына қарамастан, оның элементтері меншік құқығын тоқтатуды, негізсіз баюды, түсініксіз байлық туралы талаптарды, жарамсыз мәмілелерді тануды және басқаларды қоса алғанда, азаматтық-құқықтық тетіктер арқылы іске асырылады. Талдау негізінде азаматтық тәркілеудің қазақстандық моделі бөлшектенген болса да, жалпы алғанда қазіргі заманғы халықаралық стандарттарға сәйкес келеді және одан әрі кодификациялауды талап етеді деген қорытындылар жасалады.

Түйінді сөздер: азаматтық тәркілеу, механизм, заңсыз сатып алынған активтер, алып қою, негізсіз байыту, Азаматтық кодекс, түсініксіз байлық, мәміле.

Kusainova Asel Kadyrbekovna — senior researcher at the Interdepartmental scientific research institute of the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, advisor to justice (Republic of Kazakhstan, Kosshy);

Ismailbaev Timurlan Shamilevich — chief researcher at the Center for research on problems in the sphere of public interest protection of the Interdepartmental scientific research institute of the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, senior adviser of justice (Republic of Kazakhstan, Kosshy)

CIVIL FORFEITURE AS AN INSTITUTION FOR ASSET RECOVERY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Annotation. The article examines the institution of civil confiscation in the Republic of Kazakhstan as a key mechanism for the return of illegally acquired assets

outside the framework of criminal prosecution. The legal nature of confiscation is revealed, its mandatory features and relationship with similar categories enshrined in legislation are analyzed. Particular attention is paid to international approaches to civil confiscation (in rem, non-conviction-based), as well as their impact on the formation of a national regulatory model. Despite the absence of a unified enshrinement of this institution in the legislation of the Republic of Kazakhstan, its elements are implemented through civil legal mechanisms, including termination of property rights, unjust enrichment, claims for unexplained wealth, recognition of invalid transactions and others. Based on the analysis, it is concluded that the Kazakh model of civil confiscation, although fragmented, generally complies with modern international standards and requires further codification.

Keywords: civil confiscation, mechanism, illegally acquired assets, seizure, unjust enrichment, Civil Code, inexplicable wealth, deal.

Введение. Институт конфискации имущества занимает особое место в системе правовых средств, направленных на противодействие коррупции, экономическим преступлениям и незаконному обогащению.

В классическом понимании конфискация традиционно ассоциировалась с уголовно-правовой мерой, применяемой исключительно в рамках судебного приговора и в отношении конкретного лица. Однако современные тенденции развития права демонстрируют расширение содержания данного института и его трансформацию в сферу гражданско-правового регулирования.

Появление концепции гражданской конфискации обусловлено необходимостью эффективного возврата активов, добытых преступным путем, при отсутствии и/или невозможности уголовного преследования. В научной литературе данный институт характеризуется как мера, ориентированная не на личность правонарушителя, а на имущество как таковое (in rem), что позволяет преодолевать процессуальные барьеры и обеспечивать защиту интересов государства и общества. При этом отмечается, что гражданская конфискация представляет собой не уголовную санкцию, а самостоятельный правовой механизм, тесно связанный с институтами гражданского права — такими, как прекращение права собственности, признание сделок недействительными или взыскание необоснованного обогащения.

Возврат незаконно приобретенных активов в условиях глобализации и роста транснациональной коррупции становится одной из ключевых задач современной правовой политики. В Республике Казахстан все большую актуальность приобретает институт гражданской конфискации, позволяющий осуществлять изъятие имущества вне рамок уголовного преследования.

Материалы и методы. Данная публикация подготовлена с использованием сравнительно-правового метода и системного анализа. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении казахстанского законодательства с международными стандартами (Конвенции ООН против коррупции, рекомендации FATF). Системный анализ позволяет рассматривать гражданскую конфискацию как комплексный институт, интегрирующий различные правовые механизмы.

Обсуждение и результаты. В научной литературе конфискация (лат. *confiscatio* — отобрание в казну) традиционно понимается как принудительное, окончательное, безвозмездное изъятие имущества государством¹.

О. В. Курлаев указывает на три обязательных признака конфискации: принудительность, безвозмездность и переход имущества в собственность государства².

Наряду с термином «конфискация» законодательно используются такие смежные категории как «безвозмездное изъятие имущества» и «обращение имущества в государственную собственность»³.

Правовая природа гражданской конфискации заключается в том, что она направлена не на наказание лица, а на изъятие имущества, происхождение которого не подтверждено законными доходами. По своей сущности она ближе к мерам гражданско-правового воздействия, чем к уголовному наказанию, хотя ее последствия затрагивают фундаментальные права собственности.

Ключевым признаком гражданской конфискации является ее безличный характер (*in rem*). В отличие от уголовной конфискации (*in personam*), связанной непосредственно с виновным лицом, гражданская конфискация применяется к имуществу, вне зависимости от привлечения собственника к уголовной ответственности.

С точки зрения А. А. Нурбекова, гражданская конфискация используется в случаях, когда уголовное преследование обвиняемого происходит в другой стороне или вообще не происходит, либо если обвиняемый умер или скрывается, или если среди активов обвиняемого есть имущество третьих лиц⁴.

В международных стандартах гражданская конфискация определяется как судебное изъятие имущества, связанного с правонарушением, без необходимости обвинительного приговора, при этом внимание акцентируется не на личности правонарушителя, а на правовом статусе самого актива. Такой подход прямо допускается Конвенцией ООН против коррупции⁵ и Рекомендациями Star⁶.

Институт гражданской конфискации в Республике Казахстан получил самостоятельное нормативное закрепление в связи с принятием в 2023 году Закона «О возврате государству незаконно приобретённых активов»⁷.

Вместе с тем его теоретико-правовые основания во многом базируются на положениях Гражданского кодекса, который содержит целый комплекс норм, позволяющих квалифицировать гражданскую конфискацию как особую форму прекращения норм, позволяющих квалифицировать гражданскую конфискацию как особую форму прекращения права собственности.

Несмотря на то что конфискация давно признана межотраслевым институтом, единственным признаком по которому конфискация признана во всех отраслях, является безвозмездность. При этом соглашаемся с мнением О. А. Кузнецовой и В. В. Степанова о том, что родовым признаком конфискации является изъятие⁸.

Значение слова «изъятие» не предполагает наличия обязательного признака принудительности, по С. И. Ожегову, это всего лишь «исключение», «устранение»⁹.

В настоящее время современное законодательство Республики Казахстан не содержит единого систематизированного закрепления гражданской конфискации как самостоятельного правового института. Вместе с тем ее элементы уже проявляются в ряде гражданско-правовых механизмов, направленных на изъятие имущества, законность которого не подтверждена. К таким механизмам относятся: прекращение права собственности, институт необоснованного обогащения, иски о необъяснимом богатстве, оспаривание сделок, совершенных с целью обхода закона и другие.

Указанные инструменты образуют комплексную модель гражданской конфискации, позволяя государству обеспечивать возврат активов даже при отсутствии обвинительного приговора по уголовному делу.

Для более глубокого понимания института гражданской конфискации необходимо рассмотреть его конкретные правовые механизмы, закрепленные в гражданском законодательстве Казахстана. Каждый из них имеет самостоятельное значение и в совокупности образует систему правовых средств по изъятию имущества, приобретенного незаконным путем.

Прекращение права собственности в казахстанском праве регулируется нормами Гражданского кодекса (далее — ГК), в частности ст. 249 ГК РК, где прямо перечисляются основания, по которым собственник может быть лишен своего права, в том числе, конфискация.

Данный механизм имеет выраженный санкционный характер, так как применяется в отношении лица, нарушившего закон, и влечет безвозмездное изъятие имущества в пользу государства.

Статьей 254 ГК прямо закреплено понятие конфискации, под которой понимается санкция в виде безвозмездного изъятия у собственника имущества в судебном порядке за совершение административного либо уголовного правонарушения.

Профессор М. К. Сулейменов в комментарии к указанной статье отметил, что конфискация является безвозмездным изъятием государством имущества у собственника в качестве санкции за совершение преступления или иного правонарушения. Она допускается только в случаях, предусмотренных законодательными актами, и производится на основании приговора суда по уголовному делу, решения суда по гражданскому или административному правонарушению. В качестве меры гражданско-правовой ответственности конфискация может быть применена судом как санкция за правонарушение в соответствии с п. 4 и п. 5 ст. 157 ГК¹⁰.

По мнению О. Л. Алтенговой, конфискация является единственным основанием принудительного прекращения права собственности на земельный участок в форме безвозмездного изъятия, тогда как во всех остальных случаях прекращение возможно только посредством выкупа участка¹¹.

Несмотря на то, что ст. 254 ГК традиционно связывалась с уголовно-правовой практикой, в современном контексте она фактически формирует правовую базу для гражданской конфискации, поскольку предусматривает безвозмездное изъятие имущества без зависимости от уголовного приговора.

Подобный подход согласуется с выводами Т. М. Татубаева, который отмечает, что институт конфискации *in rem* в гражданском праве способен функционировать независимо вне зависимости от того, скончался ли коррумпированный чиновник, покинул ли он страну или получил иммунитет от судебного преследования¹².

Важнейшее значение для применения гражданской конфискации имеет институт *неосновательного обогащения*, закрепленный в главе 48 ГК (ст. ст. 955-966).

Согласно закону, лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований, приобрело или сберегло имущество за счет другого лица, обязано возвратить последнее¹³.

В судебной практике именно данные нормы стали фундаментом для предъявления исков Комитетом по возврату активов ГП РК. Так, необоснованное приобретение активов в обход законных процедур рассматривается как необоснованное обогащение, что влечет обязанность их возврата государству.

Как отмечает Т. Н. Павлова, институт неосновательного обогащения обладает универсальным компенсаторным потенциалом, позволяя восстанавливать нарушенный баланс имущественных отношений даже в отсутствие уголовного приговора¹⁴.

Современная антикоррупционная политика Казахстана предполагает развитие особого механизма возврата активов — исков о необъяснимом богатстве.

Речь идет о случаях, когда лицо владеет имуществом, стоимость которого существенно превышает его легальные доходы, и при этом не может доказать законность приобретения таких активов.

Этот механизм близок к концепции конфискации *in rem*, когда объектом является имущество, а не конкретное правонарушение. Иски о необъяснимом богатстве имеют двойную природу; с одной стороны, они направлены на защиту публичных интересов и предотвращение незаконного обогащения, с другой — закрепляют возможность возврата имущества государству без необходимости уголовного обвинения.

Еще одним инструментом гражданской конфискации выступают положения о недействительности сделок.

Согласно нормам ГК РК, ничтожные и оспоримые сделки могут быть признаны судом недействительными в случае их противоречия закону, нарушающего публичные интересы или прав третьих лиц (п. п. 5, 6, 7 ст. 157-1 ГК РК).

Так, в случае если сделка направлена на достижение преступной цели, противоправность которой установлена приговором (постановлением) суда, то при наличии умысла у обеих сторон все, полученное ими по сделке или предназначенное к получению, по решению или приговору суда подлежит конфискации. В случае исполнения такой сделки одной стороной у другой стороны подлежит конфискации все, полученное ею, и все, причитающееся с нее по сделке первой стороне. Если ни одна из сторон не приступила к исполнению, конфискации подлежит все, предусмотренное сделкой к исполнению.

В случае наличия умысла на достижение преступной цели, противоправность которой установлена приговором (постановлением) суда, лишь у одной из сторон

все, полученное ею по сделке, подлежит возвращению другой стороне, а полученное последней либо причитавшееся ей по сделке подлежит конфискации.

Отсюда следует, что сделки, совершенные с целью обхода закона, прикрывающие незаконное происхождение имущества либо совершенные под влиянием обмана и злоупотреблений, признаются ничтожными. В рамках гражданской конфискации данный механизм позволяет государству через суд изымать имущество, приобретенное посредством мнимых или притворных договоров.

В качестве сравнительного примера можно сослаться на правовое регулирование в США: согласно ст. 981 Главы 46 Части 1 Титула 18 Свода законов США конфискации в порядке *in rem* подлежит любое имущество, связанное со сделкой или попыткой совершения сделки с целью отмыwania денежных средств, в том числе путем осуществления незаконных операций по переводу денежных средств¹⁵.

Заключение. Таким образом, по нашему мнению, в законодательстве Республики Казахстан, несмотря на отсутствие отдельного закона о гражданской конфискации, фактически функционирует система правовых механизмов, выполняющих ее функции. Эти институты имеют различную правовую природу — от санкционной до регулятивной, — но в своей совокупности они обеспечивают эффективный возврат незаконно удерживаемого имущества государству. Такая модель демонстрирует уникальность казахстанского подхода, в котором гражданская конфискация реализуется через комплекс разнородных, но взаимосвязанных норм, формируя целостный механизм защиты публичных интересов и обеспечения верховенства права.

Список литературы

1. Малышев А. Н. Конфискация имущества в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 189 с.
2. Курлаев О. В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2013. — 23 с.
3. Маня В. Конфискация в уголовном и административном праве: некоторые вопросы законодательной техники // Молдовия. — 2014. — № 3(73).
4. Нурбеков А. А. Международный опыт возврата похищенных активов // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. — 2018. — № 3. — С. 65-69.
5. Конвенция Организаций Объединенных Наций против коррупции, утвержденная 31 октября 2003 года и ратифицированная Республикой Казахстан 4 мая 2008 года // <http://share.google/PplTXMagMqWHiMQG7>
6. Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: Пер. с англ. — М.: МУМЦФМ, 2012. — 191 с. // <https://share.google/prvlfq2dhKlpKmDIO>

7. Закон Республики Казахстан от 12 июля 2023 года «О возврате незаконно приобретенных активов» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021>
8. Кузнецова О. А., Степанов В. В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. — 2018. — № 2(254). — С. 27-37 // DOI 10.12737/art_2018_2_3.-edn ynjejg
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Л. И. Скворцова. — М., 2015. С. 375.
10. Сулейменов М. К. Комментарий к статье 254 «Конфискация» Гражданского кодекса Республики Казахстан // <https://zakonpravo.kz/kommentariy-k-state-254-konfiskatsiya-grazhdanskogo-kodeksa-respubliki-kazahstan>
11. Алтенгова О. Л. Гражданско-правовая конфискация как основание принудительного прекращения права собственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. Частное право. — 2016. — № 1. — С. 44-47.
12. Татубаев Т. М. Антикоррупционная политика Республики Казахстан: проблема возвращения незаконно нажитого имущества // Вестник БИСТ. — 2017. — № 2 (35). — С. 7-13.
13. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года №268-ХІІІ // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_
14. Павлова Т. Н. Гражданская конфискация как институт частного права // Журнал российского права. — 2021. — № 9.
15. Каюмова А. Ф. Практика применения в развитых зарубежных странах конфискации имущества в порядке in rem // Мат-лы II Всероссийск. науч.-практ. конф. с международным участием, посвященной Дню юриста (1 декабря 2017 г.) / Отв. ред. Е. П. Чорновол, И. Н. Бородина. — Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. — 435 с. // <http://dspace.kgsu.ru/xmlui>

References

1. Malyshev A. N. Konfiskatsiya imushchestva v ugodovnom prave: Dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2010. — 189 s.
2. Kurlayev O. V. Konfiskatsiya imushchestva kak mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ryazan', 2013. — 23 s.
3. Many V. Konfiskatsiya v ugodovnom i administrativnom prave: nekotoryye voprosy zakonodatel'noy tekhniki // Moldoviya. — 2014. — № 3(73).
4. Nurbekov A. A. Mezhdunarodnyy opyt vozvrata pokhishchennykh aktivov // Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noy prokurature Respubliki Kazakhstan. — 2018. — № 3. — S. 65-69.
5. Konventsia Organizatsiy Ob'yedinennykh Natsiy protiv korruptsii, utverzhennaya 31 oktyabrya 2003 goda i ratifitsirovannaya Respublikoy Kazakhstan 4 maya 2008 goda // <http://share.google/PplTXMagMqWHiMQG7>
6. Rekomendatsii FATF: Mezhdunarodnyye standarty po protivodeystviyu otmyvaniyu deneg, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya

oruzhiya massovogo unichtozheniya: Per. s angl. — M.: MUMTSFM, 2012. — 191 s. // <https://share.google/.prvlfq2dhKlpKmDlO>

7. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 12 iyulya 2023 goda «O vozvrate nezakonno priobretennykh aktivov» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021>

8. Kuznetsova O. A., Stepanov V. V. Mezhotraslevaya pravovaya priroda konfiskatsii imushchestva // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 2(254). — S. 27-37 // DOI 10.12737/art_2018_2_3.-edn ynjejg

9. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar russkogo ayzyka / Pod red. L. I. Skvorcova. — M., 2015. S. 375.

10. Sulejmenov M. K. Kommentariy k stat'ye 254 «Konfiskatsiya» Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Kazakhstan // <https://zakonpravo.kz/kommentariy-k-state-254-konfiskatsiya-grazhdanskogo-kodeksa-respubliki-kazakhstan>

11. Altengova O. L. Grazhdansko-pravovaya konfiskatsiya kak osnovaniye prinuditel'nogo prekrashcheniya prava sobstvennosti // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. Chastnoye pravo. — 2016. — № 1. — S. 44-47.

12. Tatubayev T. M. Antikorrupsionnaya politika Respubliki Kazakhstan: problema vozvrashcheniya nezakonno nazhitogo imushchestva // Vestnik BIST. — 2017. — № 2 (35). — S. 7-13.

13. Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan (Obshchaya chast') ot 27 dekabrya 1994 goda №268-XIII // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_

14. Pavlova T. N. Grazhdanskaya konfiskatsiya kak institut chastnogo prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 9

15. Kayumova A. F. Praktika primeneniya v razvitykh zarubezhnykh stranakh konfiskatsii imushchestva v poryadke in rem // Mat-ly II Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarozhnym uchastiyem, posvyashchennoy Dnyu yurista (1 dekabrya 2017 g.) / Otv. red. Ye. P. Chornovol, I. N. Borodina. — Kurgan: izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2018. — 435 s. // <http://dspace.kgsu.ru/xmlui>

Utegenova Gulshat Amandykovna — graduate student of the department of criminal law and criminology of the law Institute of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Kyrgyz Republic, Bishkek);

Seipilov Askar Mustakhimovich — forensic expert of the branch of the «RSOE Center for Forensic Examinations of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan» Institute of forensic examinations in Astana (Republic of Kazakhstan, Astana);

Mediyev Renat Amangeldyevich — leading researcher at the center for criminal procedure research, Interdepartmental scientifically-research institute of the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, doctor PhD, associate professor (Republic of Kazakhstan, Koshy)

ELECTRONIC MEDICAL RECORDS AS A TOOL FOR FORENSIC MEDICAL EXAMINATION OF BODILY INJURIES IN CASES OF DOMESTIC VIOLENCE

Annotation. With the digitalization of healthcare in Kazakhstan, electronic medical records are gradually becoming the primary tool for storing and transmitting medical data, including information about physical injuries caused by domestic violence. However, forensic medical examination practice shows that there are often discrepancies between the records in electronic records and the results of expert examinations, which raises doubts about their completeness and legal significance. Given the increase in the number of cases of domestic violence and public attention to the protection of victims, the question of the evidential value of electronic medical records is becoming particularly relevant. The purpose of the study is to assess the significance, reliability, and practical value of electronic medical records as a source of information in the forensic medical assessment of bodily injuries caused by domestic violence, as well as to identify the key barriers to their effective use in forensic practice in Kazakhstan. The work was carried out in the format of a retrospective analytical study. The material consisted of 1,462 forensic medical examinations conducted in Astana in 2022-2024 and during the first seven months of 2025. For each case, electronic medical records were analyzed: the completeness of the records, their consistency with the expert's conclusions, the presence of time stamps, and accompanying documentation were checked. Descriptive statistics and correlation analysis methods were used. Results. It was found that in 36,1 % of the examinations, there were discrepancies between the data in the electronic record and the expert's conclusion. In 40 % of cases, the documentation was incomplete, which complicated the correct classification of injuries. A positive correlation was established between the structure of the electronic record and the quality of expert conclusions. Electronic medical records have significant potential as a source of evidence for forensic medicine. However, the heterogeneity of information systems, the lack of uniform standards for maintenance, and the insufficient digital competence of medical workers

significantly reduce their practical value. To increase efficiency, it is necessary to unify the requirements for maintaining electronic records, taking into account the tasks of forensic medical examination, and to ensure the training of medical personnel in the field of legally significant documentation.

Keywords: electronic, informatization, standardization, documentation, medicine, trauma, violence, expertise, jurisprudence, evidence.

Өтегенова Гүлзат Амандыққызы — Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті заң институтының қылмыстық құқық және криминология кафедрасының аспиранты (Қырғыз Республикасы, Бішкек қ.);

Сейпилов Асқар Мұстахимұлы — ҚР Әділет министрлігінің «РМҚК Сот сараптамалары орталығы» филиалының Астана қаласы бойынша сот сараптамалары институтының жоғары біліктілік санатты сот-медициналық сарапшысы (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);

Медиев Ренат Амангельдіұлы — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының жетекші ғылыми қызметкері, PhD докторы, қауымдастырылған профессор (доцент) (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.)

ЭЛЕКТРОНДЫҚ МЕДИЦИНАЛЫҚ КАРТАЛАР ОТБАСЫЛЫҚ-ТҰРМЫСТЫҚ ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚ КЕЗІНДЕ ДЕНЕ ЖАРАҚАТЫН СОТ-МЕДИЦИНАЛЫҚ САРАПТАУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

Түйін. Қазақстанның денсаулық сақтау саласын цифрландыру жағдайында электрондық медициналық карталар отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық кезіндегі дене жарақаттары туралы мәліметтерді қоса алғанда, медициналық деректерді сақтау мен берудің негізгі құралына айналууда. Бұл ретте сот-медициналық сараптама практикасы мынаны көрсетеді: электрондық карталардағы жазбалар мен сараптамалық тексеру нәтижелері арасындағы сәйкессіздіктер жиі тіркеледі, бұл олардың толықтығы мен заңды маңыздылығына күмән тудырады. Тұрмыстық зорлық-зомбылық жағдайларының көбеюін және қоғамның зардап шеккендерді қорғауға назарын ескере отырып, электрондық медициналық карталардың дәлелді әлеуеті туралы мәселе ерекше өзекті болып отыр. Зерттеудің мақсаты отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтан туындаған дене жарақаттарын сот-медициналық бағалау кезіндегі мәліметтер көзі ретінде электрондық медициналық карталардың маңыздылығын, дұрыстығын және практикалық құндылығын бағалау, сондай-ақ оларды Қазақстанның сот-сараптамалық практикасында тиімді қолданудың негізгі кедергілерін анықтау болып табылады. Жұмыс ретроспективті аналитикалық зерттеу форматында орындалды. Материал 2022-2024 жылдары Астанада және 2025 жылдың 7 айында жүргізілген 1462 сот-медициналық сараптама болды. Әрбір жағдай үшін электрондық медициналық карталар талданды: жазбалардың толықтығы, олардың сарапшының қорытындыларына сәйкестігі, уақыт белгілері мен ілеспе құжаттаманың болуы тексерілді. Сипаттамалық статистика

және корреляциялық талдау әдістері қолданылды. Сараптамалардың 36,1 % электрондық картадағы деректер мен сарапшының қорытындысы арасында сәйкессіздіктер байқалғаны анықталды. 40 % жағдайда құжаттама толық болмады, бұл зақымданудың дұрыс біліктілігін қиындатты. Электрондық картаның құрылымдылығы мен сараптамалық қорытындылардың сапасы арасында оң корреляция анықталды. Электрондық денсаулық жазбалары сот медицинасы үшін дәлелді ақпарат көзі ретінде айтарлықтай әлеуетке ие. Алайда, ақпараттық жүйелердің гетерогенділігі, бірыңғай басқару стандарттарының болмауы және медицина қызметкерлерінің цифрлық құзыреттілігінің жеткіліксіздігі олардың практикалық құндылығын айтарлықтай төмендетеді. Тиімділікті арттыру үшін сот-медициналық сараптама-ның міндеттерін ескере отырып, электрондық карталарды жүргізуге қойылатын талаптарды біріздендіру және заңдық маңызы бар құжаттама саласында медициналық персоналды даярлауды қамтамасыз ету қажет.

Түйінді сөздер: электрондық, ақпараттандыру, стандарттау, құжаттама, медицина, жарақат, зорлық-зомбылық, сараптама, құқықтану, дәлелдемелер.

Утегенова Гульзат Амандыковна — аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Кыргызского Национального университета имени Ж. Баласагына (Кыргызская Республика, г. Бишкек);

Сейпилов Аскар Мустахимович — судебно-медицинский эксперт филиала «РГКП Центр судебных экспертиз МЮ РК» Институт судебных экспертиз по городу Астана (Республика Казахстан, г. Астана);

Медиев Ренат Амангельдыевич — ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор PhD, ассоциированный профессор (доцент) (Республика Казахстан, г. Косшы)

ЭЛЕКТРОННЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ КАРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ПРИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОМ НАСИЛИИ

Аннотация. В условиях цифровизации здравоохранения Казахстана электронные медицинские карты постепенно становятся основным инструментом хранения и передачи медицинских данных, включая сведения о телесных повреждениях при семейно-бытовом насилии. При этом практика судебно-медицинской экспертизы показывает: нередко фиксируются несоответствия между записями в электронных картах и результатами экспертного обследования, что вызывает сомнения в их полноте и юридической значимости. Учитывая рост числа случаев бытового насилия и внимание общества к защите пострадавших, вопрос о доказательном потенциале электронных медицинских карт приобретает особую актуальность. Целью исследования является оценка значимости, достоверности и практическая ценность электронных медицинских карт как источника сведений при судебно-медицинской оценке телесных повреждений, вызванных семейно-бытовым

насилием, а также выявление ключевых барьеров их эффективного применения в судебно-экспертной практике Казахстана. Работа выполнена в формате ретроспективного аналитического исследования. Материалом послужили 1462 судебно-медицинские экспертизы, проведенные в Астане в 2022-2024 годах и за 7 месяцев 2025 года. Для каждого случая анализировались электронные медицинские карты: проверялась полнота записей, их соответствие выводам эксперта, наличие временных меток и сопутствующей документации. Использовались методы описательной статистики и корреляционного анализа. В результате было выявлено, что в 36,1% экспертиз наблюдались расхождения между данными в электронной карте и заключением эксперта. В 40% случаев документация оказалась неполной, что усложняло правильную квалификацию повреждений. Установлена положительная корреляция между структурированностью электронной карты и качеством экспертных заключений. Электронные медицинские карты обладают значительным потенциалом как источник доказательной информации для судебной медицины. Однако разнородность информационных систем, отсутствие единых стандартов ведения и недостаточная цифровая компетентность медицинских работников заметно снижают их практическую ценность. Для повышения эффективности необходимо унифицировать требования к ведению электронных карт с учетом задач судебно-медицинской экспертизы и обеспечить подготовку медицинского персонала в сфере юридически значимой документации.

Ключевые слова: электронная, информатизация, стандартизация, документация, медицина, травма, насилие, экспертиза, юриспруденция, доказательства.

Introduction. With the rapid digitalization of healthcare, electronic medical records (hereinafter referred to as EMRs) are becoming an indispensable tool in clinical practice, administration, and expert assessment of medical information. In the post-Soviet space, including the Republic of Kazakhstan, the introduction of EMRs is one of the priorities of state policy in the field of digital healthcare, as outlined in Kazakhstan's Digital Transformation Concept¹.

One of the acute social and medical-legal problems facing modern Kazakh society remains domestic violence². According to data from the Forensic Examination Center of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan (hereinafter referred to as the FEC MJ of the Republic of Kazakhstan), 393 examinations related to domestic violence were conducted in Astana in 2022, 506 examinations in 2023, in 2024 – 373 examinations, and in the first 7 months of 2025 — 190 examinations (see Fig. 1).

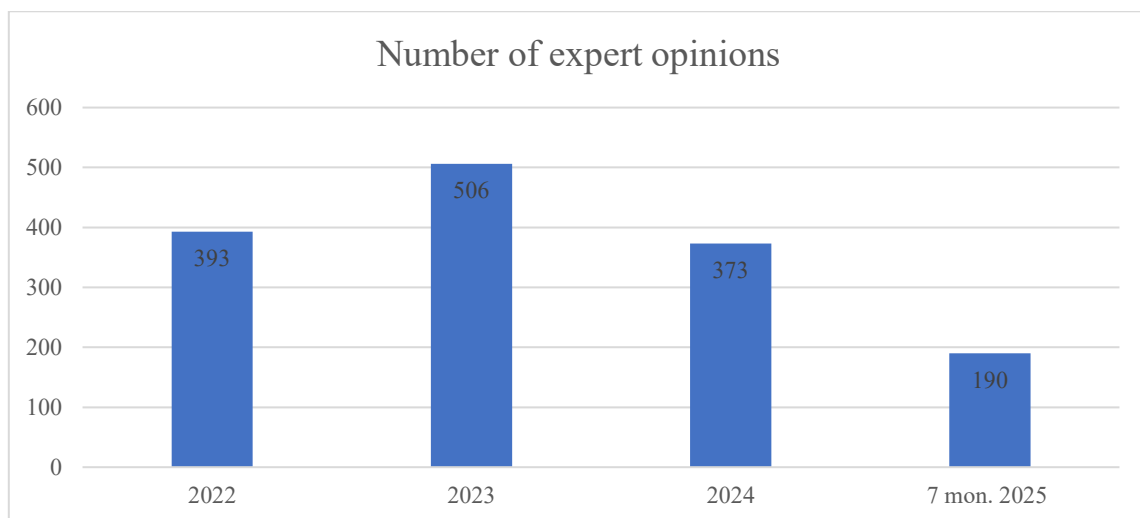

Fig. 1 — Number of expert examinations related to domestic violence conducted in Astana in 2022-2024 and the first seven months of 2025

The dynamics of expert examinations conducted in relation to domestic violence in Astana for the entire period under review amounted to 83.0% (see Fig. 2).

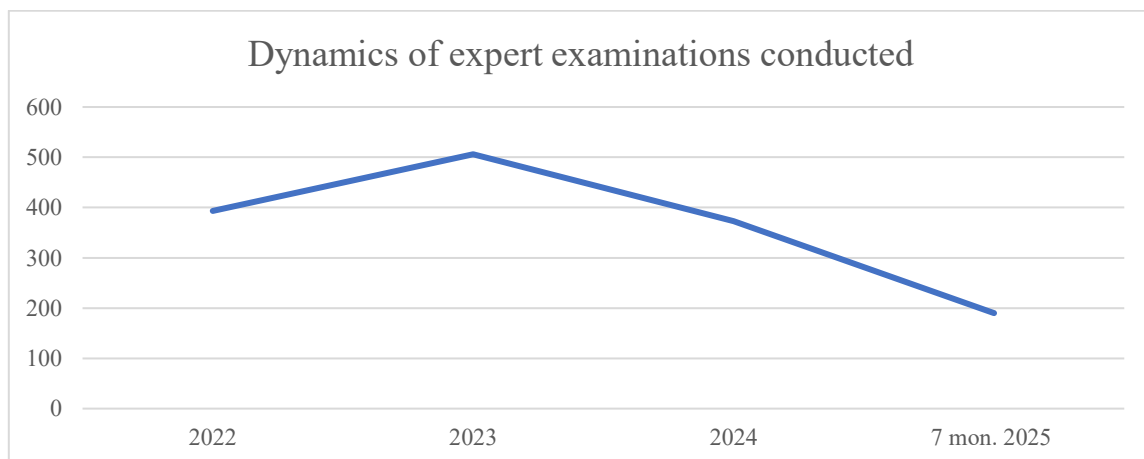

Fig. 2 — Dynamics of expert examinations related to domestic violence in Astana for 2022-2024 and 7 months of 2025

Between 2022 and July 2025, expert assessments related to domestic violence were conducted in the Almaty, Baikonur, Esil, Saryarka, and Nurinsky districts. In 2022, the number of examinations was as follows: Almaty — 113, Baikonur — 68, Esil — 83, Saryarka — 102, Nur — 27. In 2023, an increase was observed in most districts: Almaty — 138, Baikonur — 56, Esil — 75, Saryarka — 131, Nurinsky — 106. In 2024, the

numbers dropped in Almaty (102), Baikonur (20), Esil (47), and Saryarka (85) districts, but increased in Nurinsky — up to 119 examinations. For the first 7 months of 2025, the following were registered: Almaty — 54, Baikonur — 21, Esil — 31, Saryarka — 48, Nurinsky — 36 (see Fig. 3).

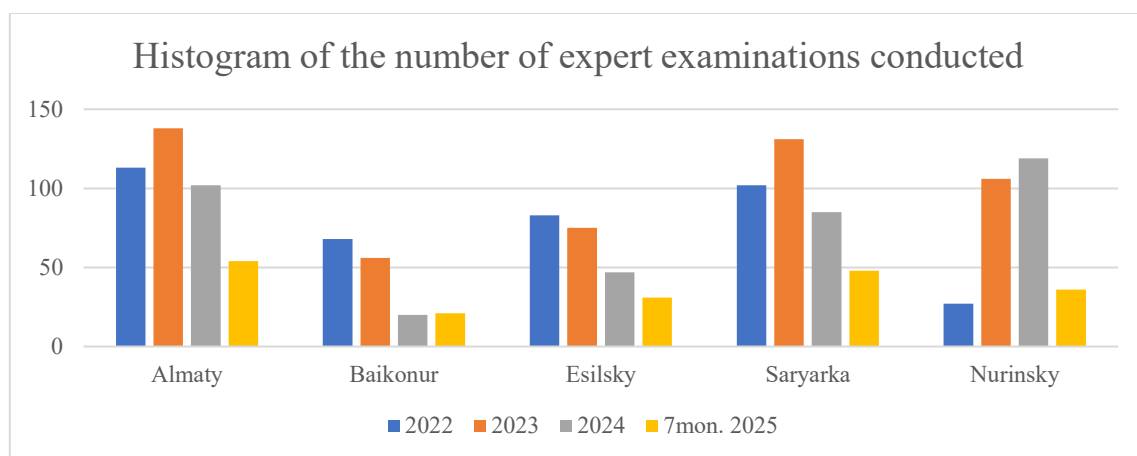

Fig. 3 — Histogram of the number of examinations conducted in relation to domestic violence in Astana by district for 2022–2024 and for the first seven months of 2025

An analysis of statistical data from the Central Statistical Agency of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan for the city of Astana reveals an alarming trend: in recent years, against the backdrop of an overall increase in cases of domestic violence, the proportion of child victims has risen significantly.

At the same time, it should be noted that most cases of domestic violence are accompanied by physical injuries of varying severity, requiring both medical care and subsequent forensic medical examination to establish the nature, mechanism, and severity of the injuries.

In this regard, the importance of timely and accurate medical documentation is increasing, especially in the context of process automation. EMCs containing structured data on diagnosis, treatment, and patient dynamics can serve as a key source of evidence in forensic medical examinations, including the assessment of bodily injuries caused by domestic violence.

Despite the high significance of EMC in expert practice, there are still no systematic studies in domestic scientific and expert literature devoted to their role and legal validity in the context of forensic medical assessment of bodily injuries. There are some publications on the legal validity of electronic documents in legal practice³, as well as on the reliability of primary medical documentation⁴, but they do not focus on the specifics of using EMDs in cases of domestic violence, where multiple, repeated injuries are often recorded, often with elements of concealment of the circumstances of the incident.

In addition, the issue of standardizing EMC records and their suitability for subsequent expert analysis remains unresolved. In the practical work of forensic medical experts, there are cases where incomplete or formally entered information in the EMC makes it difficult to conduct an objective examination and legal qualification of actions.

Thus, there is an obvious gap in the scientific development of criteria and methodological approaches to the use of EMC in forensic medical examination of bodily injuries resulting from domestic violence.

The purpose of this study is to analyze the role and significance of electronic medical records in the process of forensic medical assessment of bodily injuries resulting from domestic violence, taking into account Kazakhstani legal and medical practice. The study plans to identify existing problems in the use of electronic medical records in expert activities, assess their informativeness and legal validity, and propose ways to optimize their use in forensic medical examination.

Materials and methods. This study was conducted as a retrospective descriptive analysis covering 1,462 cases of forensic medical examination of bodily injuries caused by domestic violence, conducted in 2022-2024 and the first seven months of 2025 at the Forensic Medical Examination Center of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan in the city of Astana. The study included cases in which the victims received medical care on an outpatient or inpatient basis, with the mandatory presence of an EMC containing records of the diagnosis, nature of the injury, examination results, treatment methods, and dynamics of the condition.

Inclusion criteria: confirmed fact of domestic violence (based on case materials), presence of bodily injuries, and availability of a complete EMC. Cases with missing or technically inaccessible EMC, incomplete documentation, or where the examination data did not allow for an objective determination of the severity or mechanism of the injury were excluded.

As part of the study, a content analysis of the EMC records was conducted and compared with the conclusions of forensic medical examinations. The completeness, structure, chronology, and legal suitability of the data were evaluated. In addition, the correlation between the quality of the information in the EMC and the accuracy of the expert conclusions was analyzed. Statistical processing was performed using descriptive statistics and correlation analysis (Pearson's coefficient) to identify relationships between the quality of medical documentation and expert assessment. The study complied with the basic ethical principles enshrined in the World Medical Association's Declaration of Helsinki⁵, and all personal data was anonymized in accordance with the requirements of the Republic of Kazakhstan's legislation on the protection of personal data⁶.

Results. The study included 1,462 cases of forensic medical examination related to domestic violence, for which electronic medical records (EMRs) were available. Of these, 1,303 cases (89.1%) involved women and 79 (5.4%) involved children. The average age of the victims was 34.2 ± 9.5 years. In 1,340 cases (91.6%), the violence occurred at home, while in 122 cases (8.4%), it occurred in other circumstances classified as domestic based on the investigation materials.

1. Completeness and structure of the EMC

Based on the results of the content analysis of the EMC, the following was established:

- In 1,175 cases (80.4%), the EMC contained a complete description of the anatomical location and nature of the bodily injuries;
- In 769 cases (52.6%), there were photographs or attached diagrams;
- In 392 cases (26.8%), there were no time stamps for the examination (time of injury, time of treatment, time of examination);
- In 513 cases (35.1%), there were discrepancies between the description of injuries in the EMC and in the expert opinion.

Table 1

Structure and completeness of the EMC according to key criteria (n = 97)

Indicator	n	%
Full description of the location of injuries	1175	80,4 %
Availability of photographs/diagrams	769	52,6 %
Indication of time stamps	1070	73,2 %
Signature and identification of the physician	1402	95,9 %
Discrepancy with the expert's conclusion	513	35,1 %

2. The impact of EMC quality on expert conclusions

An analysis of expert conclusions revealed that in 1,025 cases (70.1%), the completeness and structure of the EMC directly contributed to a more accurate classification of bodily injuries according to their severity in accordance with Articles 107-109 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)⁷. In 437 cases (29.9%), where the EMC was incomplete, the experts pointed to the need for additional clinical data or noted the impossibility of making unambiguous conclusions without additional medical verification.

Correlation analysis showed a statistically significant relationship between the level of completeness of the EMC and the degree of clarity and validity of expert conclusions (Pearson's coefficient $r = 0.71$, $p < 0.01$).

3. Time characteristics

The average time from the moment of injury to seeking medical attention was 8.4 ± 4.2 hours. In 934 cases (63.9%), victims sought help within the first 6 hours, while in 528 cases (36.1%), they sought help later. Later treatment had a statistically significant effect on the completeness and reliability of the data recorded in the EMC, especially in cases of superficial bodily injuries, abrasions, or the initial stages of hematoma formation, the visual signs of which could partially disappear or change.

Discussion. The results of the study confirmed that EMFs play an important role in the forensic medical assessment of bodily injuries, especially in cases related to domestic violence. The availability of a fully completed EMC with structured data greatly facilitates the expert's task of classifying injuries according to their severity, as well as

establishing a causal link between the described clinical signs and the mechanism of injury. The positive correlation found between the completeness of the EMC and the certainty of the expert opinion ($r = 0.71$, $p < 0.01$) confirms the practical significance of standardizing digital medical documentation for the purposes of forensic medicine.

Based on the analysis, the following conclusions can be drawn:

1. The lack of uniform standards for maintaining electronic medical records, as well as the insufficient level of digital literacy among medical professionals, significantly reduce the legal significance of electronic medical documentation in court proceedings, in particular, in the conduct of forensic medical examinations of bodily injuries caused as a result of domestic violence.

2. In 40% of cases of forensic medical examinations in Astana, experts encountered incomplete or missing objective data in EMD, which directly affected the ability to classify bodily injuries according to their severity and complicated the process of establishing the mechanism of injury and the temporal characteristics of the incident.

3. A comparative analysis of the EMC and expert conclusions revealed discrepancies in 36.1% of cases, which may be due to a number of technical (shortcomings in medical information systems, lack of photographic documentation) and organizational factors (incorrect or formal data entry, high workload on doctors during emergency visits). These discrepancies reduce the evidential value of EMC as a source of information in expert practice.

The strength of our study lies in the use of real forensic material and the inclusion of a wide range of medical institutions where EMC were issued, which ensures the external validity of the conclusions. In addition, statistical processing made it possible to establish a reliable correlation between the quality of EMC and the accuracy of expert assessment.

It should also be noted that in practice, there are often cases when emergency hospital doctors limit themselves to entering a minimum amount of information into the EMC, especially in emergency situations or when the circumstances of the injury are unclear. Such incompleteness reduces the evidential value of the records and makes it difficult to use them in forensic medical examinations.

Based on the study, it can be concluded that EMRs are a significant source of information for forensic medical assessment of bodily injuries related to domestic violence, but their evidentiary value depends significantly on the completeness, structure, and timeliness of data entry. The lack of uniform standards for maintaining electronic medical records, as well as the insufficient level of digital training of medical workers, including in emergency hospitals, leads to significant gaps in documentation, which in 36.1 percent of cases is reflected in discrepancies between the records in the EMC and the data obtained during forensic medical examination. It was found that in 40 percent of the examinations conducted in Astana, experts encountered incomplete or missing objective information in medical records, which made it difficult to classify bodily injuries according to their severity and complicated the determination of the mechanism of injury. The results confirm the need to develop and implement national regulations on the standardization of forensic medical examinations, taking into account the needs of

forensic medical practice, as well as to improve the digital literacy of medical workers directly involved in providing primary and emergency medical care to victims of domestic violence.

Conclusion. Based on the study, it seems appropriate to:

1. Develop and implement, within the framework of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan, mandatory clinical minimum requirements for completing the EMC section related to violent trauma, including: precise anatomical localization, size, color, nature of injuries, mandatory photo documentation with a scale ruler, time stamps of injury and examination.

2. Make appropriate changes to the instructions and clinical protocols for doctors in emergency rooms and trauma centers.

3. Develop and implement training programs for medical workers, explaining the legal significance of each element of the EMC record for subsequent judicial investigation.

References

1. Постановление Правительства Республики Казахстан № 269 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы» от 28 марта 2023 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (дата обращения: 01.08.2025).

2. Отчет Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан судебно-медицинских экспертиз, связанная с семейно-бытовым насилием. — Астана, 2025.

3. Полякова Т. А., Зимин И. В. Актуальные проблемы правового обеспечения юридической значимости электронных документов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pravovogo-obespecheniya-yuridicheskoy-znachimosti-elektronnyh-dokumentov> (дата обращения: 02.08.2025).

4. Шмаров Л. А. Актуальные вопросы экспертных ошибок и оценки качества выполнения судебно-медицинских экспертиз по материалам публикаций в журнале «Судебно-медицинская экспертиза» за период с 1958 по 2015 г. // Судебно-медицинская экспертиза. — 2017. — № 1. — С. 51-55. DOI: 10.17116/sudmed201760151-55.

5. Хельсинкская декларация Всемирной Медицинской Ассоциации // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31638326&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 02.08.2025)

6. Закон Республики Казахстан № 94-V «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (дата обращения: 02.08.2025).

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан № 226-V ЗРК от 3 июля 2014 года. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226/k226_.htm (дата обращения: 02.08.2025)

Spisok literaturey / References

1. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan № 269 «Ob utverzhdenii Kontseptsii tsifrovoy transformatsii, razvitiya otrasli informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy i kiberbezopasnosti na 2023-2029 gody» ot 28 marta 2023 goda // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (data obrashcheniya: 01.08.2025)
2. Otchet Tsentra sudebnoy ekspertizy Ministerstva yustitsii Respubliki Kazakhstan sudebno-medsitsinskikh ekspertiz, svyazannaya s semeyno-bytovym nasiliem. — Astana, 2025.
3. Polyakova T. A., Zimin I. V. Aktualnye problemy pravovogo obespecheniya yuridicheskoy znachimosti elektronnykh dokumentov // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2012. — № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pravovogo-obespecheniya-yuridicheskoy-znachimosti-elektronnyh-dokumentov> (data obrashcheniya: 02.08.2025).
4. Shmarov L. A. Aktualnye voprosy ekspertnykh oshibok i otsenki kachestva vypolneniya sudebno-medsitsinskikh ekspertiz po materialam publikatsiy v zhurnale «Sudebno-medsitsinskaya ekspertiza» za period s 1958 po 2015 g. // Sudebno-medsitsinskaya ekspertiza. — 2017. — № 1. — S. 51-55. DOI: 10.17116/sudmed201760151-55.
5. Khelsinskaya deklaratsiya Vsemirnoy Meditsinskoy Assotsiatsii // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31638326&pos=6;-108#pos=6;-108 (data obrashcheniya: 02.08.2025)
6. Zakon Respubliki Kazakhstan N 94-V «O personalnykh dannykh i ikh zashchite» ot 21 maya 2013 goda // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (data obrashcheniya: 02.08.2025)
7. Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan № 226-V ZRK ot 3 iyulya 2014 goda // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226/k226_.htm (data obrashcheniya: 02.08.2025)

Шереметьев Максим Иванович — заместитель директора межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, старший советник юстиции (Республика Казахстан, г. Косшы);

Ермекова Зауреш Джумаевна — ведущий научный сотрудник межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, старший советник юстиции (Республика Казахстан, г. Косшы)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛИ ВЛИЯНИЕМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье авторы рассматривают проблемный вопрос криминализации торговли влиянием в законодательство Республики Казахстан. Статья 18 Конвенции ООН против коррупции отмечает о необходимости криминализации торговли влиянием в отечественное законодательство. Ввиду того, что Казахстан ратифицировал данный документ, этот вопрос актуален. Необходимо отметить, что во многих странах данный состав преступления законодательно закреплён. При этом форма их закрепления различна. Несмотря на то, что международные стандарты рекомендуют внедрение рассматриваемого преступления в законодательство, однако прошедшие отчеты нескольких раундов мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией свидетельствуют об обязанности. Вместе с тем Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы отмечает, что, для достижения существенного прогресса в противодействии коррупции и обеспечения неотвратимости ответственности, Казахстану предстоит присоединиться к новым международным правовым инструментам, в том числе к Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, которые носят императивный характер. Соответственно авторы предлагают рассмотреть возможность криминализации торговли влиянием в отечественное законодательство.

Ключевые слова: Конвенция, коррупция, торговля влиянием, рекомендации, криминализация, уголовное деяние, законодательные меры, уголовная ответственность.

Шереметьев Максим Иванович — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының директордың орынбасары, аға әділет кеңесшісі (Қазақстан Республикасы Қосшы қ.);

Ермекова Зәуреш Джумақызы — Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының жетекші ғылыми қызметкері, аға әділет кеңесшісі (Қазақстан Республикасы Қосшы қ.)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЫҚПАЛМЕН САУДАҒА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫҢ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ

Түйін. Мақалада авторлар Қазақстан Республикасының заңнамасына ықпал ететін сауданы криминализациялаудың проблемалық мәселесін қарастырады. БҰҰ Сыбайлас жемқорлыққа қарсы Конвенциясының 18-бабы отандық заңнамаға ықпал ету арқылы сауданы криминализациялау қажеттігін атап өтеді. Қазақстан бұл құжатты ратификациялағандықтан, бұл мәселе өзекті. Айта кету керек, көптеген елдерде бұл қылмыс құрамы заңмен бекітілген. Бұл жағдайда оларды бекіту формасы әртүрлі. Халықаралық стандарттар қарастырылып отырған қылмысты заңнамаға енгізуді ұсынатынына қарамастан, Стамбулдың Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл жоспарының мониторингінің бірнеше кезеңінің өткен есептері міндет туралы куәландырады. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының 2022-2026 жылдарға арналған сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатының тұжырымдамасы сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылда елеулі прогреске қол жеткізу және жауапкершіліктің бұлтартпастығын қамтамасыз ету үшін Қазақстан жаңа халықаралық құқықтық құралдарға, оның ішінде Кеңес Конвенциясына, сыбайлас жемқорлық үшін қылмыстық жауапкершілік туралы Еуропа Кеңесінің конвенциясына және шетелдік лауазымды тұлғаларға пара беруге қарсы күрес жөніндегі Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымдары конвенциясына қосылуы тиіс екенін атап өтті. халықаралық коммерциялық мәмілелерді жүзеге асыру кезінде императивті сипаттағы адамдар. Тиісінше, авторлар ішкі заңнамаға әсер ететін сауданы криминализациялау мүмкіндігін қарастыруды ұсынады.

Түйінді сөздер: Конвенция, сыбайлас жемқорлық, ықпал ету саудасы, ұсынымдар, криминализация, қылмыстық іс-әрекет, заңнамалық шаралар, қылмыстық жауапкершілік.

Sheremetyev Maxim Ivanovich — deputy director of the Interdepartmental scientifically-research institute of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, senior adviser to justice (Republic of Kazakhstan, Kosshy);

Yermekova Zauresh Dzhumayevna — leading researcher at the Interdepartmental scientifically-research institute of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, senior adviser to justice (Republic of Kazakhstan, Kosshy)

THE CURRENT STATE OF COUNTERING INFLUENCE PEDDLING IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Annotation. In the article, the authors consider the problematic issue of criminalizing influence peddling in the legislation of the Republic of Kazakhstan. Article 18 of the UN Convention against Corruption notes the need to criminalize influence peddling in domestic legislation. Due to the fact that Kazakhstan has ratified this document, this issue is relevant. It should be noted that in many countries this crime is legally fixed. At the same time, the form of their fixation is different. Despite the fact that international standards recommend the introduction of the crime in question into legislation, however, the past reports of several rounds of monitoring of the Istanbul Anti-Corruption Action Plan indicate a duty. At the same time, the Concept of the Anti-Corruption Policy of the Republic of Kazakhstan for 2022-2026 notes that, in order to achieve significant progress in combating corruption and ensuring the inevitability of responsibility, Kazakhstan will have to join new international legal instruments, including the Council of Europe Convention on Criminal Liability for Corruption and the Organization for Economic Cooperation and Development Convention on Combating Bribery of Foreign Officials. persons involved in international commercial transactions that are mandatory. Accordingly, the authors propose to consider the possibility of criminalizing influence peddling in domestic legislation.

Keywords: Convention, corruption, influence peddling, recommendations, criminalization, criminal act, legislative measures, criminal liability.

Введение. За годы независимости Казахстан провел значительные реформы в сфере противодействия коррупции.

Но, несмотря на это, ряд рекомендаций международного сообщества, по различным причинам, остаются не выполненными Казахстаном до настоящего времени.

В контексте настоящей научной работы речь пойдет о криминализации торговли влиянием, в той трактовке, которая закреплена в двух международных актах — Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» от 27 января 1999 года.

Материалы и методы. В статье на основании нормативно-правовых актов ратифицированных и принятых Республикой Казахстан рассмотрены проблемные

вопросы криминализации торговли влиянием, применяя методы синтеза, анализа, сравнения.

Обсуждение и результаты. К Конвенции ООН против коррупции Казахстан присоединился в 2008 году¹.

Статья 18 указанной конвенции, как и ст. 12 Конвенции Совета Европы называется в русском официальном переводе «Злоупотребление влиянием в корыстных целях», хотя дословный перевод «Trading in influence» именно «торговля влиянием», как мы и будем в дальнейшем именовать это явление для целей настоящей научной работы. В различных мониторинговых миссиях также используется понятие «торговля (злоупотребление) влиянием», что также будет тождественно принятому нами в контексте этой работы термину «торговля влиянием».

Согласно статье 18 Конвенции, «Каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу или любому другому лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества, с тем чтобы это публичное должностное лицо или такое другое лицо злоупотребило своим действительным или предполагаемым влиянием с целью получения от администрации или публичного органа Государства-участника какого-либо неправомерного преимущества для первоначального инициатора таких действий или любого другого лица;

б) вымогательство или принятие публичным должностным лицом или любым другим лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или для другого лица, с тем чтобы это публичное должностное лицо или такое другое лицо злоупотребило своим действительным или предполагаемым влиянием с целью получения от администрации или публичного органа Государства-участника какого-либо неправомерного преимущества.

То есть, из буквального толкования нормы, сам факт присоединения Казахстана к указанной конвенции не обязывает страну императивно криминализировать нормы ст. 18 в свое законодательство, поскольку применена конструкция «рассматривает возможность принятия таких законодательных мер...».

Это важно для понимания дальнейших действий властей.

Следующим международным документом, как указано выше, является Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

Ее статья 12 гласит «Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений в соответствии с ее внутренним правом обещание, предложение или предоставление, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества любому лицу, которое утверждает или подтверждает, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие решения каким-либо лицом, упомянутым в статьях 2, 4-6 и 9-11, за вознаграждение, независимо от того, предоставляется ли такое преимущество ему самому или кому-либо еще, а также

просьбы, принятия или согласия с предложением или обещанием предоставить такое преимущество за вознаграждение, независимо от того, оказано ли такое влияние и был ли получен в результате предположительно оказанного влияния желаемый результат».

Как видим, положения ст. 12 этой Конвенции носят императивный характер. Государство, которое присоединится к конвенции, обязано принять такие меры, которые могут потребоваться для имплементации этой нормы.

Данная конвенция Казахстаном не ратифицирована.

Однако, действующая Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 гг. отмечает, что для достижения существенного прогресса в противодействии коррупции и обеспечения неотвратимости ответственности Казахстану предстоит присоединиться к новым международным правовым инструментам — Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок.

Таким образом, на сегодняшний день вектор государственной политики в противодействии коррупции направлен, в том числе и на криминализацию в будущем положений о торговле влиянием.

А пока этого не произошло, рассмотрим, как развивались в современной истории отношения страны с различными международными миссиями по мониторингу состояния борьбы с коррупцией.

Ключевая мониторинговая миссия в рассматриваемом вопросе — Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией (СПД). Об этой программе экспертной оценки подробно изложено в методике оценивания каждого раунда мониторинга. В настоящее время в ней участвует 10 стран (Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Украина, Узбекистан и Таджикистан). Казахстан присоединился к данной инициативе в 2004 году. Первые рекомендации были предоставлены стране в 2005 году и первый окончательный отчет о выполнении этих рекомендаций принят 28 сентября 2007 года.

Последний, 5 раунд мониторинга для Казахстана завершился 17 сентября 2024 года.

Первый раунд мониторинга (отчет о мониторинге утвержден на седьмой встрече Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией 28 сентября 2007 г., в штаб-квартире ОЭСР в Париже) не содержит каких-либо рекомендаций стране по криминализации торговли влиянием.

Второй раунд мониторинга (Отчет был утвержден на пленарном заседании Стамбульского плана действий 29 сентября 2011 г. в штаб-квартире ОЭСР в Париже).

В нем впервые содержится рекомендация для Казахстана о необходимости криминализации торговли влиянием. Она звучит следующим образом: «Привести положения об уголовной ответственности за коррупционные правонарушения в соответствие с международными стандартами, а именно: — установить уголовную

ответственность за: обещание/предложение взятки, принятие обещания/предложения взятки, а также за просьбу взятки как оконченные составы коррупционных преступлений в публичном и частном секторах; дачу взятки и коммерческий подкуп в пользу третьих лиц; торговлю (злоупотребление) влиянием».

Также в отчете мониторинговой группой анализируются и не принимаются доводы Казахстана, содержащиеся в ответах на опросник 2 раунда, о том, что у нас в стране торговля влиянием криминализована в отдельных статьях уголовного кодекса (злоупотребление полномочиями, превышение власти и должностных полномочий, посредничество во взяточничестве)

В частности, отмечается, что «Злоупотребление/торговля влиянием остается не криминализированным в полном объеме, несмотря на утверждение обратного в ответах Казахстана на вопросник второго раунда. Статья 307 УК «Злоупотребление должностными полномочиями» и ст. 308 «Превышение власти или должностных полномочий» не охватывают всех элементов состава преступления «Злоупотребление влиянием в корыстных целях», предусмотренного ст. 18 Конвенции ООН против коррупции. В частности, действия «любых других лиц», не относящихся к категории «лиц, выполняющих государственные функции, или приравненных к ним лиц» вообще не криминализованы. Нельзя считать ответственностью за злоупотребление влиянием и предусмотренное статьей 313 УК «посредничество во взяточничестве», под которым понимается действие лица, которое, действуя по поручению взяткодателя или взякополучателя, непосредственно передает предмет взятки (п. 5 Нормативного постановления Верховного Суда РК №9). Тогда как преступление злоупотребления влиянием должно предусматривать ответственность за обещание/предложение/передачу незаконного преимущества лицу, которое утверждает, что может оказать незаконное влияние на служебное лицо, а также просьбу/получение/принятие предложения или обещания такого преимущества за такое влияние — независимо от того, было ли в действительности оказано такое влияние или привело ли оказанное влияние к нужному результату».

Третий раунд мониторинга (Отчет о мониторинге утвержден на пленарном заседании Стамбульского плана действий 10 октября 2014 г. в штаб-квартире ОЭСР в Париже).

Отчет содержит анализ прогресса, достигнутого Республикой Казахстан в проведении антикоррупционных реформ и исполнении рекомендаций, полученных во время второго раунда мониторинга в рамках Стамбульского плана действий в сентябре 2011 года.

В части торговли влиянием в отчете указано, что «Органы власти Казахстана указывают, что статья 18 (Злоупотребление влиянием в корыстных целях) Конвенции ООН против коррупции не подлежит обязательной криминализации правонарушения. В соответствии с требованиями данной статьи государства должны рассмотреть возможность признания злоупотребления влиянием в качестве уголовно наказуемого деяния. Данный вопрос был рассмотрен в рамках подготовки нового проекта УК РК.

Согласно Конвенции ООН против коррупции, установление уголовной ответственности за данное деяние действительно является факультативным. Однако мониторинг Стамбульского плана действий не является мониторингом исполнения исключительно положений, включенных в Конвенцию ООН, тем более только ее обязательных положений. Мониторинг СПД основывается на широком перечне стандартов. И Конвенция ООН является только одним из них. Так, например, злоупотребление («торговля») влиянием является обязательным для стран-участниц согласно Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 12). В целом, как отмечается в Итоговом докладе СПД за 2009-2013 гг. (стр. 77), «поскольку механизм мониторинга в рамках Стамбульского плана действий формально не ограничен рамками каких-либо конвенций и охватывает широкие международные стандарты в сфере борьбы с коррупцией, то при его проведении злоупотребление влиянием рассматривалось как стандарт, который должен быть реализован всеми странами Стамбульского плана действий». Поэтому Казахстану была дана эта рекомендация, с которой он согласился, проголосовав за утверждение отчета о втором раунде мониторинга. В ответах на вопросник Казахстан также ссылается на такие составы преступлений, как «Злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 307 УК) и «Превышение власти или должностных полномочий» (ст. 308). Однако еще в Отчете о втором раунде мониторинга СПД было отмечено, что эти составы не охватывают всех элементов состава преступления «Злоупотребление влиянием в корыстных целях», предусмотренного ст. 18 Конвенции ООН против коррупции.

Новый Уголовный кодекс РК также не содержит рекомендованного состава преступления «злоупотребления влиянием».

Кроме того, в отчете также указано, что «Согласно положениям Конвенции ООН против коррупции об установлении уголовной ответственности за отдельные деяния (статьи 15-16, 18-19, 21) предметом преступлений взяточничества и торговли влиянием является не «имущество», а «неправомерное преимущество». Термин «неправомерное преимущество» в Конвенции ООН не определяется, однако в Руководстве для законодательных органов по осуществлению КООНПК (параграф 196) указывается, «уголовное наказание должно распространяться на те случаи, когда ни подарки, ни другие материальные предметы не предлагаются.

Таким образом, неправомерное преимущество может представлять собой нечто материальное или нематериальное и иметь денежное или неденежное выражение». Таким образом, понятие «преимущество» должно включать выгоды нематериального характера (т.е. выгоды, которые не представляют собой физический объект и ценность которых не подлежит точному измерению) и/или неденежного характера (т.е. не относящиеся к деньгам или не состоящие из них).

Как отмечается в Пояснительном докладе к Конвенции Совета Европы по уголовной ответственности за коррупцию, важным аспектом при признании преимущества неправомерным является то, что правонарушитель (или любое другое лицо, например, его родственник) оказывается в лучшем положении, чем до совершения преступления, а также то, что он не имеет права на данную выгоду.

Примеры преимуществ нематериального характера включают: сексуальные отношения; разрешение вопроса ускоренными темпами или другие формы преференций; лучшие карьерные возможности, включая повышение по службе и горизонтальный перевод на лучшую позицию внутри организации; символические или почетные преимущества, например, получение титула или отличий; позитивное освещение в СМИ; получение именной стипендии или гранта на обучение; предоставление неоплачиваемой стажировки; сдача экзаменов в школе или прохождение других процедур отбора; т.д.

Практика некоторых стран СПД позволяет распространить понятие преимущества на любую выгоду, к которой может быть приложена рыночная ценность, что, таким образом, позволяет включать в это понятие некоторые нематериальные выгоды. Однако подобный подход не в полной мере удовлетворяет требования международных стандартов, поскольку для некоторых типов выгод не существует законного рынка (например, для проституции), а ценность других с трудом поддается рыночной оценке (например, почетные звания).

Как указывалось в Отчете о втором раунде мониторинга Казахстана, предмет взяточничества в Казахстане по-прежнему ограничен выгодами материального характера. Более того, примечание 5 к ст. 307 УК, которое устанавливает перечень коррупционных преступлений, ограничивает эти преступления только случаями «получения лицами, их совершившими, имущественных благ и преимуществ». Такой же подход закреплён и в Нормативном постановлении № 9 Верховного Суда РК от 22 декабря 1995 г. о практике применения судами законодательства об ответственности за взяточничество, пункт 2 которого устанавливает, что предметом взятки могут быть деньги, ценные бумаги, материальные ценности, оказываемые безвозмездно, но подлежащие оплате услуги, а также льготы, дающие право на имущество (производство строительных, ремонтных работ; предоставление санаторных или туристических путевок, проездных билетов; предоставление на льготных условиях ссуд или кредитов и т.п.)».

Таким образом, в третьем раунде мониторинга были подробно рассмотрены все доводы Казахстана в пользу нецелесообразности криминализации торговли влиянием и мотивированно опровергнуты. Также признаны не соответствующими международным стандартам отдельные законодательно закреплённые понятия, в частности «взятка», что имеет прямое отношение к торговле влиянием.

В этой связи констатируем, что рекомендации в части торговли влиянием, данные Казахстану по итогам 2 раунда мониторинга, в ходе 3 раунда остались не выполненными.

Четвёртый раунд мониторинга (Отчет был утвержден на заседании Сети ОЭСР 13 сентября 2017 года в Париже).

В Отчете не содержалось, по сути, ничего нового. Указано, что «В своем промежуточном отчете от сентября 2016 г. Казахстан отметил, что статья 18 Конвенции ООН против коррупции (Злоупотребление влиянием в корыстных целях) не требует обязательной криминализации этого правонарушения. В соответствии с

требованиями данной статьи государства должны рассмотреть возможность признания злоупотребления влиянием в качестве уголовно наказуемого деяния. Данный вопрос был рассмотрен в рамках подготовки нового проекта Уголовного кодекса (2014 г.) и не был поддержан. Как отмечалось в Отчете третьего раунда по Казахстану, согласно Конвенции ООН против коррупции, установление уголовной ответственности за данное деяние действительно является факультативным. Однако мониторинг Стамбульского плана действий не является мониторингом исполнения исключительно положений, включенных в Конвенцию ООН, тем более только ее обязательных положений. Мониторинг СПД основывается на широком перечне стандартов, и Конвенция ООН является только одним из них. Так, например, злоупотребление («торговля») влиянием является обязательным для стран-участниц согласно Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 12). Поскольку механизм мониторинга СПД формально не ограничен какой-либо отдельной конвенцией и охватывает широкие международные антикоррупционные стандарты, преступление злоупотребления влиянием должно быть криминализовано во всех странах СПД, в том числе в Казахстане. При этом Казахстан согласился с этой рекомендацией, проголосовав за утверждение отчета о втором раунде мониторинга. Во время проведения третьего раунда мониторинга, Казахстан также ссылаясь на такие составы преступлений, как «Злоупотребление должностными полномочиями» и «Превышение власти или должностных полномочий». Однако еще в Отчете о втором раунде мониторинга СПД было отмечено, что эти составы не охватывают всех элементов состава преступления «Злоупотребление влиянием в корыстных целях», предусмотренного ст. 18 Конвенции ООН против коррупции.

Рассмотрев уголовное, уголовно-процессуальное законодательство и иные законодательные акты в сфере регулирования коррупционных преступных деяний, мониторинговая группа пришла к выводу что действующее законодательство Казахстана не содержит норм, которые в той или иной степени могли бы противоречить установлению уголовной ответственности за торговлю влиянием и включению ее в особую часть уголовного закона как отдельного состава преступления».

Вывод: Эта часть рекомендации остается не выполненной».

Пятый раунд мониторинга (Отчет от 4 декабря 2024 года).

В отчете лишь снова констатируется, что в Казахстане до сих пор не установлена уголовная ответственность за торговлю влиянием и мониторинговая группа вновь рекомендовала это сделать. Также, в Отчете указано, что «дела о мошенничестве, которые расследуются в совокупности с подстрекательством к взяточничеству, по сути являются делами о торговле влиянием, которая в Казахстане не криминализована».

Полагаем, что это утверждение мониторинговой группы может быть правильным, учитывая, как много среди наших коррупционеров руководителей областного и центрального звена. Все они, находясь на должностях, без сомнения имели реальные возможности для решения множества вопросов, пусть напрямую и не

относящихся к их компетенции. Здесь следует учитывать и особенности менталитета, которые в стране признаются на бытовом уровне. О менталитете также была целая дискуссия в ходе состоявшегося 31 июля текущего года в Академии круглого стола по теме исследования. Отмечалось, что есть какая-то закономерность в том, что именно 5 центральноазиатских государств до настоящего времени не криминализировали торговлю влиянием. И эта закономерность напрямую связывалась с восточным менталитетом. Конечно, этого нет и не может быть ни в одном страновом Отчете этих 5 стран. Но полагаем, что эта версия заслуживает внимания и более пристального изучения научным сообществом и теми государственными органами, которые ответственны за выстраивание правильного идеологического курса страны.

Помимо мониторинговой группы Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией, Казахстан подвергается оценке по вопросам коррупции и иными мониторинговыми группами.

В частности, после присоединения Казахстана к ГРЕКО (16 января 2020 года), эта организация провела свой совмещенный первый и второй раунд оценки. Отчет об оценке по Казахстану принят ГРЕКО на 90-м пленарном заседании в Страсбурге 21-25 марта 2022 года.

В контексте данной научной работы он не представляет значительный интерес. Вопросы криминализации торговли влиянием там рассмотрены не были.

Есть еще один отчет, о котором следовало бы упомянуть в контексте рассматриваемой темы.

Он называется «Альтернативный отчет. Выполнение рекомендаций Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией в Казахстане».

Был подготовлен в 2022 году в рамках проекта «Реализация системной, структурированной и эффективной политики повышения деловой добропорядочности и развития корпоративного управления в Казахстане в соответствии со стандартами ОЭСР», реализуемого Палатой юридических консультантов «Kazakhstan Bar Association» в сотрудничестве с ОФ «Центр исследований правовой политики» (LPRC) при поддержке Siemens Integrity Initiative.

В нем отмечено, что «Январские события 2022 года в Алматы, Астане и других городах республики, стали драйвером для ускорения реформ, более эффективного международного сотрудничества по возврату похищенных и выведенных активов. В этом году принята новая стратегия антикоррупционных реформ, прошел совмещенный первый и второй раунд мониторинга ГРЕКО. У казахстанцев есть определенный запрос на реформы — политические, экономические и социальные. В числе приоритетных реформ — искоренение коррупции как бытовой, так и системной во всех сферах экономики. Для эффективных реформ нужна политическая воля бороться с коррупцией бескомпромиссно, а также потенциал и ресурсы. На этом этапе мы видим, что многие инициативы, которые были рекомендованы международными донорами и организациями, до сих пор не реализованы в Казахстане»².

Среди этих нереализованных инициатив отмечена и криминализация торговли влиянием.

Заключение. Таким образом, изучение современного состояния торговли влиянием в Казахстане показало, что, несмотря на многократные, с приведением исчерпывающих обоснований, указания Казахстану в мониторинговых миссиях Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией на протяжении 15 лет, страновой подход в вопросе криминализации торговли влиянием, от миссии к миссии остается неизменным. По официальной версии, которая не раз была объектом подробного разбора экспертами и не поддержана ими — в отечественном законодательстве элементы торговли влиянием криминализованы в различных статьях уголовного кодекса — злоупотребление служебным положением, превышение полномочий, посредничество во взяточничестве.

Есть и еще один аргумент — необязательность криминализации, в соответствии с положениями Конвенции ООН против коррупции. Но и этот аргумент был подробно изучен и опровергнут международными экспертами.

Стоит отметить, что нами подробно были изучены все составы коррупционных и должностных преступлений, содержащиеся в Уголовном кодексе Республики Казахстан³, и также пришли к мнению, что действующее казахстанское законодательство не позволяет привлечь к ответственности за торговлю влиянием. И именно поэтому, как справедливо отмечено в отчете 5 раунда мониторинга «дела о мошенничестве, которые расследуются в совокупности с подстрекательством к взяточничеству, по сути, являются делами о торговле влиянием, которая в Казахстане не криминализована».

Резюмируя все вышеизложенное, также стоит подчеркнуть то, о чем мы упоминали в самом начале. Действующая Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы⁴ отмечает, что для достижения существенного прогресса в противодействии коррупции и обеспечения неотвратимости ответственности Казахстану предстоит присоединиться к новым международным правовым инструментам — Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок.

Таким образом, на сегодняшний день вектор государственной политики в противодействии коррупции направлен, в том числе и на криминализацию в будущем положений о торговле влиянием.

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 г. № 31-IV «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» // <http://online.zakon.kz>
2. Альтернативный отчет. Выполнение рекомендаций стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией в Казахстане. — Алматы, 2022. — 48 с. // chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://lprc.kz/wp-content/uploads/2024/01/lprc_alternative-report_oecd_2022_2024-01-11_web.pdf

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V // <http://online.zakon.kz>

4. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2022 г. № 802 «Об утверждении Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы и внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан» // <http://online.zakon.kz>

References

1. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 4 maya 2008 g. № 31-IV «O ratifikatsii Konventsii OON protiv korruptsii» // <http://online.zakon.kz>

2. Al'ternativnyy otchet. Vypolneniye rekomendatsiy stambul'skogo plana deystviy po bor'be s korruptsiyey v Kazakhstane. — Almaty, 2022. — 48 s. // chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://lprc.kz/wp-content/uploads/2024/01/lprc_alternative-report_oecd_2022_2024-01-11_web.pdf

3. Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V // <http://online.zakon.kz>

4. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 2 fevralya 2022 g. № 802 «Ob utverzhdenii Kontseptsii antikorrupsionnoy politiki Respubliki Kazakhstan na 2022-2026 gody i vnesenii izmeneniy v nekotoryye ukazy Prezidenta Respubliki Kazakhstan» // <http://online.zakon.kz>

МРНТИ 10.71.35/10.79.00

УДК 343.163

Абылхан Айсұлу Қыдырғалиқызы — магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК 2024 г. (Республика Казахстан, г. Косшы);

Медиев Ринат Амангельдыевич — научный руководитель, старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК, советник юстиции, доктор (PhD), ассоциированный профессор (доцент) (Республика Казахстан, г. Косшы)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРОИЗВОДСТВА НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В магистерской диссертации рассматриваются теоретические и практические особенности прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в Республике Казахстан. Диссертация состоит из введения, двух основных разделов, шести входящих в них подразделов и заключения.

В работе были сделаны акценты на процессуальные полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан и правовые основы совершенствования прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в Республике Казахстан.

В данном номере журнала читателю представлен первый раздел «Процессуальные полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан», состоящий из трех подразделов. А именно будут рассмотрены вопросы, касающиеся функций и полномочий прокурора, а также вопросы прокурорского надзора за взаимодействием следователя и оперативных подразделений при производстве негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан.

Ключевые слова: прокурор, полномочия, надзор, негласные следственные действия, досудебное расследование, оперативно-розыскная деятельность, законность, материалы.

Абылхан Айсұлу Қыдырғалиқызы — ҚР Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының магистранты 2024 ж. (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.);

Медиев Ренат Амангельдіұлы — ғылыми жетекші, Қазақстан Республикасы Бас Прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру Институтының арнайы заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, әділет кеңесшісі, докторы (PhD), қауымдастырылған профессор (доцент) (Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ЖАСЫРЫН ТЕРГЕУ ӘРЕКЕТТЕРІН ЖҮРГІЗУДІҢ ЗАҢДЫЛЫҒЫН ПРОКУРОРЛЫҚ ҚАДАҒАЛАУДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ПРАКТИКАЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Түйін. Магистрлік диссертацияда Қазақстан Республикасында жасырын тергеу әрекеттерін жүргізудің заңдылығын прокурорлық қадағалаудың теориялық және практикалық ерекшеліктері қарастырылады. Диссертация кіріспеден, екі негізгі бөлімнен, оларға кіретін алты кіші бөлімнен және қорытындыдан тұрады.

Жұмыста Қазақстан Республикасының қылмыстық сот ісін жүргізудегі жасырын тергеу әрекеттерінің заңдылығын прокурорлық қадағалауды жүзеге асыру кезіндегі прокурордың іс жүргізу өкілеттіктеріне және Қазақстан Республикасында жасырын тергеу әрекеттерінің заңдылығын прокурорлық қадағалауды жетілдірудің құқықтық негіздеріне баса назар аударылды.

«Қазақстан Республикасының қылмыстық сот ісін жүргізуде жасырын тергеу әрекеттерін жүргізудің заңдылығын прокурорлық қадағалауды жүзеге асыру кезіндегі прокурордың іс жүргізу өкілеттіктері» деген бірінші бөлім үш кіші бөлімнен тұрады және ол оқырманға журналдың осы санында ұсынылады. Атап айтқанда, прокурордың функциялары мен өкілеттіктеріне қатысты мәселелер, сондай-ақ Қазақстан Республикасының қылмыстық сот ісін жүргізуде жасырын тергеу әрекеттерін жүргізу кезінде тергеуші мен жедел бөлімшелердің өзара іс-қимылын прокурорлық қадағалау мәселелері қаралатын болады.

Түйінді сөздер: прокурор, өкілеттіктер, қадағалау, жасырын тергеу әрекеттері, сотқа дейінгі тергеу, жедел-іздістіру қызметі, заңдылық, материалдар.

Abylkhan Aisulu Kydyrgalikyzy — master's student at the Academy of law enforcement agencies under the General prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan, 2024 (Republic of Kazakhstan, Kosshy);

Mediyev Renat Amangeldyevich — academic advisor, senior lecturer department of specialized legal disciplines Institute of postgraduate education Academy of law enforcement agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, justice advisor, doctor (PhD), associate professor (Republic of Kazakhstan, Kosshy)

THEORETICAL AND PRACTICAL FEATURES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE LEGALITY OF COVERT INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Annotation. The master's thesis examines the theoretical and practical features of prosecutorial supervision over the legality of undercover investigative actions in the Republic of Kazakhstan. The dissertation consists of an introduction, two main sections and six subsections included in them, a conclusion, and a list of sources used.

The work focused on the procedural powers of the prosecutor in the implementation of prosecutorial supervision over the legality of covert investigative actions in criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan and the legal basis for improving prosecutorial supervision over the legality of covert investigative actions in the Republic of Kazakhstan.

In this issue of the journal, the reader is presented with the first section, “Procedural powers of the prosecutor in the implementation of prosecutorial supervision over the legality of covert investigative actions in criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan,” consisting of three subsections. Specifically, the issues related to the functions and powers of the prosecutor will be considered, as well as issues of prosecutorial supervision over the interaction of the investigator and operational units during covert investigative actions in criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: prosecutor, powers, supervision, covert investigative actions, pre-trial investigation, operational-search activities, legality, materials.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования. Специфика негласных следственных действий состоит в том, что она в значительной мере носит негласный характер и осуществляется с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности, сведения о которых составляют служебную, военную или государственную тайну на основании Закона Республики Казахстан «О государственных секретах»¹. Эта специфика предопределила необходимость ограничения круга прокуроров, надзирающих за законностью производства негласных следственных

¹ Закон Республики Казахстан от 15 марта 1999 года N 349-1 «О государственных секретах» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000349> (дата обращения: 15.09.2023 г.)

действий в Республике Казахстан. В п. 24 Правил проведения негласных следственных действий (далее — НСД) указывается, что надзор за соблюдением законности при проведении НСД осуществляет Генеральный Прокурор Республики Казахстан и подчиненные ему прокуроры².

Регламентация Уголовного процессуального законодательства в ситуации проведения процессуальных, следственных и негласных следственных действий ограничивает временно права и свободы граждан, включая использование принудительных мер и вмешательство в личную жизнь, а также ограничения в частном общении. Данные ограничения реализуются через применение процессуального принуждения и мер пресечения в отношении подозреваемых. Важным механизмом в данном контексте является обеспечение прокурорского надзора в форме процессуального руководства за проведением негласных следственных действий, обеспечиваемого процессуальными гарантиями.

Действующий на данный момент Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее — УПК РК) предусматривает новые нормы прокурорского надзора в области процессуального руководства досудебным расследованием.

Тем самым, прокурор осуществляет надзор в форме процессуального руководства при проведении следственных и негласных следственных мероприятий, обеспечивая при этом гарантии их законного проведения, а также прекращает их в случае нарушения закона.

Проблемы, возникшие в теории и практике уголовного процесса, поднимают вопрос о необходимости дальнейшего усовершенствования прокурорского надзора и процессуального руководства в ходе досудебного расследования. Научные дебаты по вопросам процессуальной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, а также обеспечения надзора во время проведения негласных следственных мероприятий, установленных в УПК РК, требуют тщательного теоретического исследования.

Оценка современного состояния решаемой научной проблемы или практической задачи. Различным аспектам особенности прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий посвятили свои исследования отечественные ученые: Н. М. Абдиров, А. Ш. Аккулев, А. Н. Ахпанов, И. Ш. Борчашвили, Б. Б. Дембаев, Н. О. Дулатбеков, У. С. Жекебаев, Б. Ж. Жунусов, Е. И. Каиржанов, К. С. Лакбаев, Г. С. Мауленов, А. Х. Миндагулов, Р. А. Медиев, М. С. Нарикбаев, Б. М. Нургалиев, Р. Т. Нуртаев, Е. А. Онгарбаев, С. М. Рахметов, И. И. Рогов, Н. Н. Турецкий, а также ближнего зарубежья: С. А. Альперт, С. М. Гусаров, А. Ф. Смирнов, О. В. Химичева, и другие.

В данных исследованиях освещаются как комплексные, так и отдельные вопросы прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в Республике Казахстан. На данный момент выводы и рекомен-

² Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027> (дата обращения: 15.09.2023 г.)

дации, предложенные авторами, остаются актуальными. Так как в диссертационном исследовании рассматриваются вопросы теоретических и практических особенностей прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в Республике Казахстан.

Цель, задачи, объект и предмет исследования.

Целью данного исследования является рассмотрение теоретических и практических особенностей прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий, и разработка рекомендации по организации прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в Республике Казахстан.

Задачи исследования:

- изучение функции прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан;
- изучение проблемы прокурорского надзора за взаимодействием следователя и оперативных подразделений при производстве негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан;
- анализ правового регулирования прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан;
- выработка предложений и рекомендаций по совершенствованию правового регулирования прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан.

Объектом диссертационного исследования является правовые отношения, складывающиеся в процессе организации и осуществления прокуратурой Республики Казахстан высшего надзора за законностью производства негласных следственных действий в процессе досудебного расследования.

Предметом исследования выступают: правовые нормы, правоприменительная практика, казахстанский и зарубежный опыт в сфере прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий, а также пути их разрешения, статистические и аналитические данные, научные работы по данной тематике.

Методы и методологические основы проведения исследования. Методологическую основу исследования составит совокупность общенаучных (анализ, синтез, аналогия), частно-научных (исторический, статистический, социологический) и специальных (сравнительно-правовой и формально юридический) методов познания.

Обоснование научной новизны. Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что ранее комплексное исследование теоретических, законодательных и практических аспектов особенности прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в Республике Казахстан, не осуществлялось.

Положения, выносимые на защиту.

1. Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» — дополнить Параграф 2. «Получение и исполнение поручения по негласным следственным действиям», следующим абзацем:

9-1. В случае выявления во время проведения негласных следственных действиях признаков уголовного правонарушения руководитель подразделения-исполнителя безотлагательно направляет собранные фактические данные, в которых зафиксированы противоправные деяния отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Республики Казахстан, прокурору, который осуществляет надзор за соблюдением законности производства негласных следственных действий, в рамках досудебного расследования в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан.

2. Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» — дополнить Параграф 2. «Получение и исполнение поручения по негласным следственным действиям», следующим абзацем:

11-1. Уполномоченные подразделения правоохранительного или специального государственного органа — подразделения, исполняющие поручение лица, производящего досудебное расследование, о проведении негласных следственных действий, не имеют права выходить за пределы поручения о проведении негласных следственных действий.

3. В рамках дальнейшего совершенствования производства негласных следственных действий необходимо создание в Генеральной прокуратуре Республики Казахстан защищенного электронного реестра «дел негласных следственных действий», который предоставил бы прокуратуре возможность стать гарантом соблюдения положений законодательства, предотвратить проведение негласных следственных действий с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности в отношении одного лица различными подразделениями правоохранительных и специальных органов.

Апробация и внедрение результатов. Выводы и предложения, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы на законодательном уровне в процессе совершенствования уголовного законодательства, также в правоприменительной практике следственных работников и в судебной практике.

Научные положения, сформулированные в диссертации, получили свою апробацию. Данное диссертационное исследование выполнено на кафедре специальных юридических дисциплин. Основные положения диссертации нашли свое отражение в опубликованных научных статьях: «Деятельность органов прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением законности при производстве негласных следственных действий в процессе досудебного расследования» и «Актуальные вопросы обеспечения прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий».

1. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРОИЗВОДСТВА НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

1.1. Функции прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан

Согласно Конституционному Закону Республики Казахстан «О прокуратуре» от 5 ноября 2022 года № 155-VII ЗРК, прокуратура от имени государства в установленных законом пределах и формах осуществляет высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан (ч. 1 глава 1 ЗРК «О прокуратуре») (далее — Конституционный Закон Республики Казахстан)³.

В п. 1 ч. 1 ст. 10 Конституционного Закона Республики Казахстан отмечено, что «прокурор в соответствии со своей компетенцией вправе осуществлять надзор, а именно запрашивать и получать дела негласных следственных действий, оперативного учета, материалы, документы, ведомственные нормативные правовые акты, другие необходимые сведения, за исключением сведений о личности конфиденциальных помощников и штатных негласных сотрудников»⁴.

Институт негласных следственных действий является новеллой в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, которая появилась в УПК РК, введенный с 1 января 20215 года. Что касается прокурорского надзора за соблюдением законности при проведении негласных следственных действий, необходимо отметить, что, прежде всего они регламентированы в главе 30 УПК Республики Казахстан и в правилах проведения негласных следственных действий утвержденный совместным приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892 (далее — Правила проведения НСД)⁵.

Согласно правилам проведения негласных следственных действий, прокурор в ходе досудебного расследования вправе принести ходатайство на постановление санкционированного следственным судьей, кроме того:

- на санкционирование либо отказе в санкционировании негласных следственных действий;
- на продление либо отказе в продлении сроков негласных следственных действий;
- на продление либо отказе в продлении сроков уведомления лица о проведенных в отношении него негласных следственных действий;

³ Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре» № 155-VII ЗРК от 5 ноября 2022 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 15.09.2023 г.)

⁴ Там же.

⁵ Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027> (дата обращения: 15.09.2023 г.)

- на согласие на уведомление органом досудебного расследования лица о проведенных в отношении него негласных следственных действий либо отказе в даче органу досудебного расследования такого согласия;

- на отказ в удовлетворении ходатайства прокурора о прекращении негласных следственных действий;

- на прекращение негласных следственных действий, проведенных в порядке, установленном статьей 235 УПК Республики Казахстан, и недопустимости использования полученных результатов в качестве доказательств (Параграф 2 «Получение и исполнение поручения по НСД»)⁶.

Вместе с тем специфика негласных следственных действий состоит в том, что она в значительной мере носит негласный характер и осуществляется с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), сведения о которых составляют служебную, военную или государственную тайну на основании Закона Республики Казахстан «О государственных секретах»⁷.

Вышеуказанная специфика предопределила необходимость ограничения круга прокуроров, надзирающих за законностью производства негласных следственных действий в Республике Казахстан. В п. 24 Правил проведения негласных следственных действий указывается, что надзор за соблюдением законности при проведении негласных следственных действий осуществляют Генеральный Прокурор Республики Казахстан и подчиненные ему прокуроры⁸.

Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан № 178 «Об утверждении Инструкции по организации надзора за законностью уголовного преследования» от 5 сентября 2022 года⁹ за исполнением законности негласных следственных действий установил вопросы:

- связанные с регистрацией в Единый реестр досудебного расследования (далее — ЕРДР) конфиденциальных и секретных сведений;

- инициирования, санкционирования и проведения негласных следственных действий по конфиденциальным и секретным ЕРДР;

- судебных актов, связанных с производством негласных следственных действий;

- соблюдения уполномоченными подразделениями правоохранительных или специальных государственных органов форм и методов оперативно-розыскной деятельности;

⁶ Там же.

⁷ Закон Республики Казахстан от 15 марта 1999 года N 349-1 «О государственных секретах» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000349> (дата обращения: 15.09.2023 г.)

⁸ Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027> (дата обращения: 15.09.2023 г.)

⁹ Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 5 сентября 2022 года № 178 «Об утверждении Инструкции по организации надзора за законностью уголовного преследования» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36005979 (дата обращения: 15.09.2023 г.)

- изучения не переданных лицу, осуществляющему досудебное расследование, результатов негласных следственных действий.

Уничтожения результатов негласных следственных действий осуществляют сотрудники подразделений оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий:

1) в Генеральной прокуратуре — Генеральный Прокурор, его заместители, начальник, заместители и сотрудники Департамента по надзору за законностью оперативно-розыскной, контрразведывательной деятельности (далее — КРД);

2) в прокуратурах областей — прокуроры областей либо лица, исполняющие их обязанности, их заместители, курирующие надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий, сотрудники подразделений оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий;

3) в горрайпрокуратурах — горрайпрокуроры либо лица, исполняющие их обязанности, а также их заместители и сотрудники, на которых функционально возложен надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности и негласных следственных действий.

Рассмотрим алгоритм действий прокурора за законностью негласных следственных действий.

Проверка законности следственных действий, не связанных с проведением негласных следственных действий, протокола исследования результатов негласных следственных действий, их оценки и использования в качестве доказательств в уголовном процессе, а также вопросов, связанных с уведомлением лиц о проведенных в отношении них негласных следственных действий и ознакомлении с не приобщенными к материалам расследования сведениями, осуществляется сотрудниками службы уголовного преследования (далее — подразделений УП)¹⁰.

Проверка законности негласных следственных действий по поручению следственного судьи осуществляется подразделением УП во взаимодействии с подразделением оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий.

Проверки законности проведения негласных следственных действий осуществляются подразделениями оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий совместно с подразделениями УП не реже одного раза в квартал.

В ходе проверок обеспечивается соблюдение конфиденциальности, режима секретности и других условий защиты сведений, содержащихся в представляемых материалах, послуживших основанием для санкционирования негласных следственных действий.

По делам, по которым приняты итоговые решения, сотрудники подразделений УП во взаимодействии с сотрудниками подразделений оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий ежеквартально проверяют соблюдение органом досудебного расследования

¹⁰ Там же.

требований части 1-1 статьи 240 УПК об уведомлении лица о проведенном в отношении него негласных следственных действий.

По уголовным делам, требующим сохранения конфиденциальности или режима секретности, рассмотрение, подписание, согласование и утверждение процессуальных документов осуществляется сотрудниками подразделений УП, при необходимости, во взаимодействии с сотрудниками подразделений оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий.

Производство негласных следственных действий с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности позволяют выявлять многочисленные тяжкие и особо тяжкие преступления, получать оперативную информацию, позволяющие в раскрытии и розыске преступников. Тем самым производство негласных следственных действий во многом затрагивают конституционные права и интересы граждан Республики Казахстан, с вероятностью нарушения прав на частную жизнь и семейные тайны граждан, надзор, за законность которого возлагается непосредственно на прокурора¹¹.

Согласно Конституционному Закону Республики Казахстан в компетенции направлений прокурорского надзора предусматривается надзор за исполнением законов органами, проводящими негласные следственные действия (в ст. ст. 9, 10, 34). Значение прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий определяется несколькими моментами:

- во-первых, основным объемом информации негласных следственных действий, который добывается уполномоченными подразделениями правоохранительных или специальных государственных органов;
- во-вторых, характером этой деятельности, являющейся преимущественно негласной.

В заключении можно отметить, что правовое регулирование негласных следственных действий развивается с учетом положительного международного опыта и нельзя утверждать, что законотворческий процесс завершен и определены оптимальные границы процесса проведения негласных следственных действий.

На основании вышеизложенного, следует отметить следующее:

1. На наш взгляд, органы прокуратуры в деятельности по осуществлению надзора за соблюдением законности при производстве негласных следственных действий в процессе досудебного расследования в первую очередь внимание должны уделять вопросам соблюдения органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, контрразведывательную деятельность и негласные следственные действия, конституционным правам человека, особенно правам на неприкосновенность жилища, частной жизни, личной и семейной тайны, чести и достоинства, тайны личных владений, сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

¹¹ Там же.

2. Прокурор обязан тщательно изучить планируемые к уничтожению материалы дел негласных следственных действий в полном объеме, включая и послужившие основанием для проведения оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий.

3. Прокурор особое внимание должен уделять фактам незаконного хранения сведений, касающихся личной жизни, чести и достоинства личности, если в них не содержится информация о совершении запрещенных законом действий.

1.2. Полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан

В соответствии с 22-м пунктом Плана действий по реализации избирательной программы Президента «Справедливый Казахстан — для всех и для каждого. Сейчас и навсегда» Генеральная прокуратура получила задачу усилить прокурорский контроль за соблюдением конституционных прав граждан¹².

Во II разделе Конституции Республики Казахстан (человек и гражданин) закреплены права на:

- жизнь (статья 15);
- личную свободу (статья 16);
- судебную защиту своих прав и свобод, получение квалифицированной юридической помощи (статья 13);
- неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства (статья 18);
- тайну личных владений и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (статья 18);
- пользование родным языком и культурой (статья 19);
- свободное получение и распространение информации (статья 20);
- свободное передвижение по территории и выбора местожительства (статья 21);
- свободу труда, свободный выбор рода деятельности и профессии (статья 24);
- свободу предпринимательской деятельности (статья 26);
- создание семьи, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства (статья 27);
- охрану здоровья (статья 29) и т. д.¹³

¹² Указ Президента Республики Казахстан от 26 ноября 2022 года № 2 «О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Справедливый Казахстан — для всех и для каждого. Сейчас и навсегда» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000002> (дата обращения: 25.10.2023 г.)

¹³ Конституция Республики Казахстан. Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 25.10.2023 г.)

В соответствии с Правилами проведения негласных следственных действий, утвержденными совместным приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892, прокурор в ходе досудебного расследования имеет право подать ходатайство о вынесении постановления санкции следственного судьи:

- 1) о санкционировании либо отказе в санкционировании негласных следственных действий;
- 2) о продлении либо отказе в продлении сроков негласных следственных действий;
- 3) о продлении либо отказе в продлении сроков уведомления лица о проведенных в отношении него негласных следственных действий;
- 4) о согласии на неуведомление органом досудебного расследования лица о проведенных в отношении него негласных следственных действий либо отказе в даче органу досудебного расследования такого согласия;
- 5) об отказе в удовлетворении ходатайства прокурора о прекращении НСД;
- 6) о прекращении негласных следственных действий, проведенных в порядке, установленном статьей 235 настоящего Кодекса, и недопустимости использования полученных результатов в качестве доказательств.

Более того, в процессе досудебного расследования прокурор имеет право запросить для проверки уголовные дела, документы и материалы от органов уголовного преследования, включая результаты оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий и негласных следственных действий. Он направляет уголовные дела, в которых истекли сроки для проведения дальнейшего расследования в соответствии с пунктом 9 статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, а также может прекращать незаконные негласные следственные действия в соответствии с пунктами 7 и 9 статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (пункт 9-1 статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан)¹⁴.

В соответствии с положениями Конституционного закона Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII ЗРК «О прокуратуре», прокурор, в пределах своей компетенции, имеет право при осуществлении надзора запрашивать и получать документы, материалы, дела негласных следственных действий, оперативно-го учета, ведомственные нормативные правовые акты и прочие необходимые сведения. Однако он обязан воздерживаться от раскрытия личности конфиденциальных помощников и штатных негласных сотрудников в соответствии с пунктом 21

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231#z1696> (дата обращения: 25.10.2023 г.)

части 1 статьи 10 Конституционного закона «О прокуратуре». Кроме того, прокурор обязан прекращать незаконные оперативно-розыскные мероприятия и негласные следственные действия согласно пункту 8 части 2 статьи 10 данного Закона¹⁵.

Прокурор имеет полномочия прекратить негласные следственные действия, охваченные пунктами 7 (негласное наблюдение за лицом или местом) и 9 (негласный контрольный закуп) статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Кроме того, в рамках надзора за законностью досудебного расследования и уголовного преследования, прокурор вправе прекратить незаконные негласные следственные действия, предусмотренные вышеуказанными пунктами, в соответствии с пунктом 9-1 части 1 статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Республики.

Вышеуказанные нормы о полномочии прокурора не нуждаются в каких-либо дополнительных пояснениях. Однако при реализации своих полномочий в сфере негласных следственных действий прокурор наделен следующими полномочиями:

В случае сомнений в достоверности предоставленной информации для санкционирования негласного следственного действия, следственный судья, утвердив постановление, имеет право в соответствии с частью второй статьи 234 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан в течение двадцати четырех часов поручить ее проверку процессуальному прокурору (согласно пункту 17 Нормативного постановления Верховного Суда «О санкционировании негласных следственных действий»)¹⁶.

В соответствии с правилами проведения негласных следственных действий, представление результатов этих действий осуществляется в соответствии с частью 16 Параграфа 3 данных правил. В соответствии с этим положением отмечается, что по результатам негласных следственных действий исполнительное подразделение обязано уведомить уполномоченного прокурора письменно не позднее двух суток с момента завершения данных действий¹⁷.

Письменное уведомление содержит:

- 1) дату, место и время его составления;
- 2) номер уголовного дела, по которому проводилось негласные следственные действия;
- 3) какое вид негласных следственных действий и в какой срок проводилось;
- 4) подразделение, исполнившее поручение о проведении негласных следственных действий;

¹⁵ Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII ЗРК «О прокуратуре» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 25.10.2023 г.)

¹⁶ Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 декабря 2020 года № 5 «О санкционировании негласных следственных действий» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P200000005S> (дата обращения: 25.10.2023 г.)

¹⁷ Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027> (дата обращения: 15.09.2023 г.)

5) получены ли фактические данные, имеющие отношение к расследуемому делу, их краткая характеристика и переданы ли ему результаты негласных следственных действий.

Материалы, полученные в результате негласных следственных действий, передаются с учетом соблюдения конфиденциальности¹⁸.

Изучение результатов негласных следственных действий осуществляется органом предварительного расследования в соответствии с требованиями статей 47 и 124 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. При необходимости в данный процесс могут быть вовлечены специалист и соответствующий сотрудник органа дознания (согласно части 1 статьи 238 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан).

По результатам исследования с соблюдением норм статей 47 и 199 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан составляется протокол, в котором отражаются выводы и результаты проведенного негласного следственного действия.

Фактическая (данные) информация, связанная с расследованием, включается в протокол в соответствии с частью 2 статьи 238 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Результаты негласных следственных действий, которые следователь или дознаватель признали не обладающими доказательным значением в уголовном процессе, не включаются в материалы расследования. Они сохраняются в уполномоченном подразделении правоохранительного или специального государственного органа в условиях, исключающих доступ посторонних лиц, до окончательного разрешения вопросов, предусмотренных соответствующими положениями частей 1-1 и шестой данной статьи. После этого производится уничтожение с составлением соответствующего акта, согласно части 1 статьи 240 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

В данном контексте нами были рассмотрены полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий согласно уголовному законодательству Республики Казахстан.

Далее нами будут рассмотрены теоретические и практические особенности прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий согласно уголовному законодательству Республики Казахстан.

Согласно юридическим источникам, полномочия прокурора при осуществлении надзора за соблюдением законов в области науки традиционно разделяются на три категории¹⁹:

1. Выявление нарушений законодательства, выявление их причин и факторов, способствующих этим нарушениям.
2. Устранение выявленных нарушений закона.
3. Предупреждение возможных нарушений закона.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Российский прокурорский надзор. — М.: Изд-во М. Ю. Тихомирова, 2000. С. 504.

Первая группа полномочий прокурора направлена на выявление нарушений закона, их причин и условий, а также на установление фактических данных о правонарушениях. В зависимости от источника информации, используемого для обнаружения правонарушений, прокурор может воспользоваться полномочиями, направленными на непосредственное выявление фактов противоправных действий (или бездействия), запрос и изучение необходимых документов, получение информации от физических лиц, а также использование помощи специалистов²⁰.

Важно отметить, что несмотря на то, что прокурор имеет законное право свободного доступа на территорию и в помещение объекта, подлежащего его надзору, часто возможности осуществления этого права могут быть ограничены различными ведомственными инструкциями и пропускными режимами. Прокурорам не подчиняются правила пропускного режима, требующие предварительного согласования визита представителя государства, выдачи пропусков и прочего. Никаких препятствий для осуществления данного права не только не должно, но и не может быть создано²¹.

По запросу прокурора, руководители и должностные лица объектов, находящихся под его надзором, обязаны предоставить необходимые документы, материалы, статистические и иные данные на безвозмездной основе. Даже при наличии в документах конфиденциальных сведений, прокурор обязан соблюдать соответствующие правила работы с такими документами, включая наличие необходимого уровня доступа. Данное обстоятельство не является основанием для отказа в удовлетворении его запросов²².

Профессор И. С. Викторов в своих трудах подчеркивает «необходимость использования соответствующих специалистов прокурорами при решении задач по выявлению нарушений закона. Он выделяет важность того, чтобы такие специалисты не имели личных заинтересованностей в результатах проверки и не находились в зависимости от лиц, ответственных за исполнение законов, которые подлежат проверке со стороны прокурора»²³.

Одним из основных полномочий прокурора в данном аспекте является осуществление проверок по исполнению законов, что предполагает комплексное использование всех доступных ему прав и возможностей. Эти проверки могут различаться по масштабу исследуемых вопросов, их содержанию, кругу объектов проверки,

²⁰ Российский прокурорский надзор: Учебник / Под ред. А. Я. Сухарева. — М.: НОРМА, 2008. С. 181.

²¹ Организация работы городской (районной) прокуратуры: Метод. пос. — М., 2001. С. 136-137.

²² Настольная книга прокурора / Под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус. — М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Издательство Юрайт, 2012 // <https://base.garant.ru/58083944/> (дата обращения: 30.11.2023 г.)

²³ **Викторов И. С.** Полномочия прокурора по выявлению нарушений закона и применению правовых средств реагирования на выявленные правонарушения: Метод. рек-ции. — М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2004. С. 11, 12.

продолжительности периодов, охватываемых проверкой, а также по сложности установления фактов нарушений закона, их оценке и другим параметрам²⁴.

На основании вышеизложенного в рамках своей компетенции прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий на постоянной основе должны подвергаться проверке:

- дело негласных следственных действий (далее — ДНСД), то есть документальные материалы, отражающие организацию проведения негласных следственных действий по каждому конкретному уголовному делу;

- об уведомлении лиц, в отношении которого проводились негласные следственные действия. Так как в течение шести месяцев с даты принятия окончательного решения по уголовному делу лицо, производившие досудебное расследование, уведомляет лицо, в отношении которого проводились негласные следственные действия. Уведомление содержит информацию о характере и времени проведения негласных следственных действий, но не предоставляет доступа к их результатам.

- контроль за ведением, прекращением негласных следственных действий, уделяя особое внимание соблюдению законности в их проведении.

- срок ведения ДНСД и порядок его уничтожения, в соответствии с требованиями статьи 240 УПК Республики Казахстан.

Также отметим, что в распоряжении прокурора могут появиться сведения, указывающие на возможное привлечение несовершеннолетнего при проведении негласных следственных действий, что противоречит ведомственным актам органов, ответственных за проведение таких действий. В таких случаях прокурор обязан организовать соответствующую проверку, не оставляя без реагирования ни один сигнал о нарушении требований нормативных правовых актов, регулирующих условия привлечения граждан к сотрудничеству с органами, проводящими негласные следственные действия, конфиденциально и с использованием методов оперативно-розыскной деятельности.

В заключении отметим, что наибольший объем в работе прокурора по надзору за применением законов органами, осуществляющими негласные следственные действия, занимает проверка соблюдения установленного порядка проведения негласных следственных действий. К порядку проведения негласных следственных действий относятся — наличие предусмотренных ст. 232 УПК Республики Казахстан оснований для проведения негласных следственных действий.

²⁴ Настольная книга прокурора / Под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус. — М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Издательство Юрайт, 2012 // <https://base.garant.ru/58083944/> (дата обращения: 30.11.2023 г.)

1.3. Прокурорский надзор за взаимодействием следователя и оперативных подразделений при производстве негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан

Согласно Конституционному закону Республики Казахстан «О прокуратуре» (далее — Конституционный закон РК «О прокуратуре»), прокурор в соответствии со своей компетенцией вправе давать указания по вопросам досудебного расследования, оперативно-розыскной деятельности и негласных следственных действий, которые обязательны для исполнения руководителями и сотрудниками органов, осуществляющих досудебное расследование, оперативно-розыскную деятельность, негласные следственные действия (п. 13 ч. 1 ст. 10 Конституционный закон РК «О прокуратуре»)²⁵.

Также в рамках УПК Республики Казахстан, как было отмечено выше, прокурор получает для проверки от органов уголовного преследования уголовные дела, документы, материалы, в том числе результаты оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий и негласных следственных действий, направляет уголовные дела, по которым прерваны сроки для производства дальнейшего расследования (п. 9 ч. 1 ст. 193 УПК Республики Казахстан). В том числе прекращает незаконные негласные следственные действия, предусмотренные пунктами 7 и 9 статьи 231 настоящего Кодекса (п. 9-1 ч. 1 ст. 193 УПК Республики Казахстан), отменяет незаконные постановления следователя, дознавателя, органа дознания, а также постановления и указания начальников следственного отдела и органа дознания, нижестоящего прокурора (п. 10 ч. 1 ст. 193 УПК Республики Казахстан) и дает указания по вопросам досудебного расследования, оперативно-розыскной деятельности и негласных следственных действий, обязательные для исполнения руководителями и сотрудниками органов, осуществляющих досудебное расследование, оперативно-розыскную деятельность, негласные следственные действия (п. 13 ч. 1 ст. 193 УПК Республики Казахстан).

Прокурорский надзор осуществляется в одном и том же процессуальном порядке, независимо от определенных различий между деятельностью органов дознания и следствия. Его формы остаются неизменными, независимо от принадлежности следственного аппарата к определенному ведомству или органу дознания.

Вся перечисленная большая и многогранная работа прокуроров, их заместителей, начальников структурных подразделений и помощников по надзору за законностью досудебного расследования для повышения эффективности прокурорского надзора довольно полно закреплена в Инструкции по организации надзора за законностью уголовного преследования, утвержденной приказом Генерального

²⁵ Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре» № 155-VII ЗРК от 5 ноября 2022 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 15.09.2023 г.)

Прокурора Республики Казахстан за № 65 от 21 февраля 2023 года (далее — Инструкция по организации надзора)²⁶.

Согласно инструкции по организации надзора, Главе 5 «Надзор за законностью проведения следственных действий»: руководитель органа прокуратуры несет персональную ответственность за обеспечение непрерывного надзора от начала до завершения расследования (ч. 13); уголовные дела, расследуемые органами антикоррупционной службы, службы экономических расследований, а также дела об уголовных правонарушениях тяжкой и особо тяжкой категории изучаются каждые 15 суток с момента регистрации в ЕРДР вплоть до принятия итогового решения по делу; запрещается истребование у органов уголовного преследования бумажных материалов электронных уголовных дел, находящихся в производстве, прерванных или прекращенных производством, за исключением вещественных доказательств и оригиналов документов, составленных на бумажных носителях до определения электронного формата расследования²⁷.

Независимо от установленной в пункте 13 периодичности, проверка законности личного обыска, обыска, выемки, принудительного (безотлагательного) осмотра, эксгумации трупа, принудительного освидетельствования, получения образцов, уведомлений о временном ограничении распоряжения имуществом или приостановлении совершения сделок и иных операций с имуществом, наложения ареста на движимое, недвижимое имущество, банковские счета, внеплановой проверки, документальной ревизии или иной служебной проверки производится в течение 24 часов с момента поступления копии соответствующего постановления или уведомления лица, осуществляющего досудебное расследование (ч. 14)²⁸.

Данный контекст подчеркивает нормативное положение, регулирующее процедуры проверки законности различных правоохранительных мероприятий, таких как обыск, выемка, осмотр и другие следственные действия. Прокурором устанавливается жесткий срок в 24 часа для осуществления проверки законности данных процессов, независимо от периодичности, установленной в пункте 13. Такой подход направлен на обеспечение оперативности и защиты гражданских прав в процессе досудебного расследования. Также отражается стремление к соблюдению прозрачности и справедливости при применении мер процессуального воздействия, что является важным аспектом в системе правосудия.

Прокурором путем изучения всех материалов дела проверяется (ч. 15):

- законность и обоснованность проведенных за проверяемый период процессуальных действий, затрагивающих права и свободы человека, интересы бизнеса и государства (обысков, выемок, наложений ареста на имущества и др.);
- соблюдение процессуальных сроков и порядка производства расследования.

²⁶ Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 21 февраля 2023 года № 65 «Об утверждении Инструкции по организации надзора за законностью уголовного преследования» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33556520 (дата обращения: 30.11.2023 г.)

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

По результатам изучения дела, прокурором:

- отменяются незаконные процессуальные решения;
- выносятся постановления о признании фактических данных, полученных с нарушениями требований УПК Республики Казахстан, недопустимыми в качестве доказательств;
- даются письменные указания по делу с установлением разумных сроков для осуществления досудебного производства.

Подытожим, что из проведенного прокурором анализа дела следует выделить его фокус на обеспечении законности и обоснованности процессуальных действий, оказывающих воздействие на права и свободы человека, интересы государства. Прокурор акцентирует внимание на соблюдении процессуальных сроков и порядка расследования, выявляя и отменяя незаконные процессуальные решения. Он также принимает меры по исключению из доказательств фактических данных, полученных с нарушениями требований УПК Республики Казахстан. Кроме того, прокурор вырабатывает письменные указания с установлением разумных сроков для проведения досудебного производства. Такой подход прокурора свидетельствует о его стремлении к защите законности и прав граждан, а также к эффективному осуществлению правосудия в рамках досудебного процесса²⁹.

В случае отсутствия нарушений законности, признаков волокиты или неполноты расследования, прокурором составляется заключение, которое утверждается руководителем органов прокуратуры настоящей Инструкции (ч. 16), по уголовным делам, расследуемым в режиме конфиденциальности, составляется заключение, не допускающее разглашение сведений.

В случае выявления нарушений требований УПК Республики Казахстан, повлекших незаконное привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, заведомо незаконное освобождение от уголовной ответственности, задержание, заключение под стражу, а также связанных с провокацией преступления, принуждением к даче показаний, фальсификацией доказательств и др., прокурором незамедлительно решается вопрос о регистрации материалов в ЕРДР в отношении виновных должностных лиц (ч. 17).

В данном положении следует, что прокурор, осуществляя контроль за уголовными делами, при отсутствии нарушений законности, признаков волокиты или неполноты расследования, составляет заключение, которое подлежит утверждению руководителем прокураторных органов. В случае расследования уголовных дел в режиме конфиденциальности, прокурор вырабатывает заключение, предотвращающее разглашение информации. Однако, при выявлении нарушений УПК Республики Казахстан прокурор немедленно решает вопрос о регистрации материалов в ЕРДР в отношении виновных должностных лиц, если выявлены нарушения, такие как незаконное привлечение невиновного к уголовной ответственности, незаконное освобождение от уголовной ответственности, задержание, заключение

²⁹ **Шаймуханов А. Д.** Пределы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Научные труды КЮИ МВД РК имени Б.Бейсенова. — 2003. — Вып. № 2 (8). — С. 110-115.

под стражу и другие преступные действия. Это свидетельствует о стремлении прокурора к поддержанию законности и защите прав граждан, а также о его готовности принимать эффективные меры в случае выявления нарушений и злоупотреблений.

Прокурорами обеспечивается неукоснительное соблюдение установленного УПК Республики Казахстан порядка продления сроков досудебного расследования. Причины продления сроков свыше 6 месяцев обсуждаются на оперативном совещании при прокуроре области с составлением соответствующего протокола (ч. 18).

Согласно Инструкции по организации надзора (Главе 13) прокурорский надзор за законностью негласных следственных действий осуществляется в следующем порядке:

- проверка законности поручения и постановления о проведении негласных следственных действий;
- протокол исследования результатов негласных следственных действий;
- оценка и использование в качестве доказательств в уголовном процессе негласных следственных действий;
- вопросы, связанные с уведомлением лиц о проведенных в отношении них негласных следственных действий;
- ознакомление лиц по приобщенным к материалам расследования сведениями негласных следственных действий;
- рассмотрение ходатайства начальника следственного отдела на постановление следственного судьи (ст. 59 ч. 2 п. 8-1 УПК) осуществляющегося прокурорами уголовного преследования (далее — УП) (ч. 55).

В данном контексте можно отметить, что в Инструкции по организации надзора в Главе 13 систематизированы процессы прокурорского надзора за законностью негласных следственных действий. Определены последовательность проверок, которые прокуроры должны осуществлять в рамках данного вида деятельности, начиная от законности поручения и постановления о проведении негласных следственных мероприятий и заканчивая рассмотрением ходатайств о постановлении следственного судьи. Такой подход направлен на обеспечение соблюдения законности и справедливости в процессе проведения негласных следственных действий. Важно отметить, что данный анализ позволяет прокурорам эффективно контролировать каждый этап таких действий, включая оценку результатов, использование полученных данных в уголовном процессе, уведомление заинтересованных лиц и обеспечение их доступа к соответствующей информации³⁰.

Проверка законности негласных следственных действий по поручению следственного судьи осуществляется процессуальным прокурором. При отсутствии процессуального прокурора, руководитель прокуратуры определяет сотрудника и поручает проведение проверки (ч. 56).

³⁰ *Лисандраенко А. А., Лавриненко Д. В.* Негласные следственные действия в контексте защиты конституционных прав и свобод участников уголовного производства // Форум права. — 2012. — №4. — С. 567-571.

Процессуальным прокурором проверка законности негласных следственных действий осуществляется:

- вопросами, связанными с соблюдением форм и методов оперативно-розыскной деятельности при проведении негласных следственных действий;
- изучением не переданных лицу, осуществляющему досудебное расследование, результатов негласных следственных действий;
- ознакомлением лиц с не приобщёнными к материалам расследования сведениями о проведенных в отношении них негласных следственных действий;
- уничтожением результатов негласных следственных действий, которые входят в компетенцию прокуроров подразделений, осуществляющих надзор за законностью оперативно-розыскных действий (ч. 57).

В данном контексте отметим, что ключевые аспекты надзора процессуального прокурора за законностью негласных следственных действий, осуществляя проверку, фокусируются на соблюдении форм и методов оперативно-розыскной деятельности в процессе проведения негласных следственных действий. Важной частью его компетенции является изучение результатов негласных следственных действий, которые не были переданы лицу, осуществляющему досудебное расследование, а также обеспечение ознакомления заинтересованных лиц с данными, не приобщенными к материалам расследования. Кроме того, процессуальный прокурор имеет в своей компетенции уничтожение результатов негласных следственных действий, что подчеркивает его роль в контроле за соблюдением законности в сфере оперативно-розыскной деятельности. Данный подход гарантирует, что негласные следственные действия проводятся в соответствии с законом, с учетом прав и интересов всех сторон, что содействует справедливости и законности в уголовном процессе³¹.

По делам, по которым приняты итоговые решения (прекращение уголовного дела или вынесение судом приговора), прокурорами УП и подразделений оперативно-розыскных действий ежеквартально совместно проверяется соблюдение требований статьи 240 УПК Республики Казахстан об уведомлении лица о проведенном в отношении него негласных следственных действий (ч. 58).

На основе проведенного анализа, охватывающего прокурорский надзор за взаимодействием следователя и оперативных подразделений в ходе проведения конфиденциальных следственных мероприятий в уголовном процессе Республики Казахстан, можно сделать выводы о характере и эффективности такого взаимодействия в прошлом³².

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан отмечается, что процесс взаимодействия между оперативными сотрудниками и

³¹ **Кравченко Е. Е.** Место прокурорского контроля в системе негласных следственных (розыскных) действий // Наше право. — 2015. — № 1. — С. 85-90.

³² **Кравченко Е. Е.** Систематизация негласных следственных (розыскных) действий при осуществлении прокурорского надзора и контроля в уголовном производстве // Вестник Запорожского национального университета. — 2015. — № 1 (II). — С. 208-214.

следователями в рамках следственных групп определен, однако не установлен статус оперативных подразделений, что становится важным в контексте осуществления негласных следственных действий. Прокурор обязан осуществлять прокурорский надзор в форме процессуального руководства, имея право доступа к материалам, документам и другой информации, связанной с предварительным расследованием. Кроме того, прокурор вправе давать указания и поручения следователю относительно проведения следственных и негласных следственных действий в установленные сроки. В случае проведения негласных следственных мероприятий прокурор обязан обеспечивать процессуальное руководство, согласовывать или отклонять ходатайства следователя о проведении таких мероприятий, либо самостоятельно представлять их перед следственным судьей³³.

Продолжение в следующем номере

³³ **Медиев Р. А.** Уголовно-процессуальный синтез следственных и оперативно-розыскных полномочий следователя в условиях реформирования правовой системы Республики Казахстан: Дис. PhD. — Караганда, 2015. — 188 с.

СОДЕРЖАНИЕ— МАЗМҰНЫ — CONTENT

ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ — ҒЫЛЫМИ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША — ON THE MATERIALS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Abubakirova Gulnur Muratbekkizi, Zhandykeyeva Gulnar Esenbekovna

Confiscation and return of assets in the people's Republic of China: legal mechanisms, experience, and possibilities for adaptation in Kazakhstan

Қытай Халық Республикасындағы активтерді тәркілеу және қайтару: құқықтық тетіктері, тәжірибесі және Қазақстанда бейімдеу мүмкіндіктері

Конфискация и возврат активов в Китайской Народной Республике: правовые механизмы, опыт и возможности адаптации в Казахстане4

Аймухамбетова Камиля Мурзабаевна

Роль института пробации в предупреждении рецидивной преступности

Қайталама қылмыстылықтың іс-әрекеттердің алдын алудағы пробация институтының рөлі

The role of the probation institution in the prevention of recidivism 14

Аширбеков Марат Еркенович, Диденко Ольга Александровна

Международный опыт по криминализации торговли влиянием

Ықпал ету саудасын криминализациялау бойынша халықаралық тәжірибе

International experience in criminalizing influence peddling24

Букина Татьяна Григорьевна

Проблемы преподавания дисциплины «русский язык в юриспруденции» в иностранной аудитории

Шетелдік аудиторияда «құқықтанудағы орыс тілі» пәнін оқыту мәселелері

Problems of teaching the discipline «russian language in law» to an international audience.....36

Исмаилбаев Тимурлан Шамильевич, Ермекова Зауреш Джумаевна

Безупречная репутация как критерий оценки государственного служащего

Мемлекеттік қызметкерді бағалау критерийі ретіндегі мінсіз бедел

Impeccable reputation as a criterion for evaluating a state servant.....42

Кусаинова Асель Кадырбековна, Исмаилбаев Тимурлан Шамильевич

Гражданская конфискация как институт возврата активов в Республике Казахстан

Азаматтық тәркілеу — Қазақстан Республикасындағы активтерді қайтару институты ретінде

Civil forfeiture as an institution for asset recovery in the Republic of Kazakhstan.....50

Utegenova Gulshat Amandykovna, Seipilov Askar Mustakhimovich, Mediyev Renat Amangeldyevich

Electronic medical records as a tool for forensic medical examination of bodily injuries in cases of domestic violence

Электрондық медициналық карталар отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық кезінде дене жарақатын сот-медициналық сараптау құралы ретінде

Электронные медицинские карты как инструмент судебно-медицинской экспертизы телесных повреждений при семейно-бытовом насилии60

Шереметьев Максим Иванович, Ермекова Зауреш Джумаевна

Современное состояние противодействия торговли влиянием в Республике Казахстан

Қазақстан Республикасындағы ықпалмен саудаға қарсы іс-қимылдың қазіргі жағдайы

The current state of countering influence peddling in the Republic of Kazakhstan71

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ — ҒЫЛЫМИ БАСЫЛЫМДАР — SCIENTIFIC PUBLICATIONS

Абылхан Айсұлу Қыдырғалиқызы, Медиев Ринат Амангельдыевич

Теоретические и практические особенности прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в Республике Казахстан

Қазақстан Республикасында жасырын тергеу әрекеттерін жүргізудің заңдылығын прокурорлық қадағалаудың теориялық және практикалық ерекшеліктері

Theoretical and practical features of prosecutorial supervision of the legality of covert investigative actions in the Republic of Kazakhstan.....83

Введение83

1. Процессуальные полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан.....87

1.1. Функции прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан87

1.2. Полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан 91

1.3. Прокурорский надзор за взаимодействием следователя и оперативных подразделений при производстве негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан 97

Требования к статьям, публикуемым с января 2023 года:

Текст статьи должен быть набран в редакторе WORD, шрифтом «Times New Roman», размер шрифта — 14, интервал — 1,5. Отступы: верхний, нижний, правый и левый — 20 мм.

В левом верхнем углу индекс УДК (универсальный десятичный классификатор, МРНТИ (Межгосударственный рубрикатор научно-технической информации) (<http://grnti.ru>).

Материал размещается в следующем порядке: на первой строке — полная информация об авторах (фамилия, имя, отчество, научная степень, звание, должность, учреждение, страна, город, адрес, телефон, факс, E-mail), через строчку — название статьи (заглавными буквами), на следующей — сам текст. Литература в конце основного текста с отступом в одну строку (в тексте проставляется в квадратных скобках) и постраничные сноски (нормативно-правовые акты) оформляются в соответствии с Межгосударственным стандартом ГОСТ 7.5-98 и ГОСТ РИСО 12615-2013. Также литература представляется в виде пристатейного библиографического списка в романском алфавите (латинице) — «References».

Статья, написанная на государственном (казахском), русском, английском или на других языках, должна содержать название, аннотацию, ключевые слова (8-10 слов) — на государственном, русском и английском языках. Для зарубежных авторов название, ключевые слова и аннотация предоставляются на двух языках (русском и английском). В аннотации необходимо раскрыть цель, методы, результаты, выводы (в данном порядке; по одному-два предложения для каждого пункта). В аннотации не допускаются ссылки, упоминания места исследования и т. д. Не должно быть также нерасшифрованных аббревиатур. Аннотация — «лицо» статьи, важнейший фактор ее читаемости и цитируемости, является «выжимкой», кратким содержанием работы. Объем аннотации — 150-200 слов.

Структура статьи должна соответствовать общепринятой модели IMRAD. Необходимо выделить разделы с названиями: Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение (в виде исключения, раздел «Обсуждение» может быть объединен с разделом «Результаты»), Заключение.

Объем материала не более 20 страниц (включая рисунки, таблицы, диаграммы и т.д.). Право включения статей в журнал и редактирование редакционная коллегия оставляет за собой. Материалы, оформленные не по требованиям, не публикуются и не возвращаются авторам. За достоверность опубликованных материалов редакция ответственности не несет.

2023 жылғы қаңтардан бастап жарияланатын мақалаларға қойылатын талаптар:

Мақала мәтіні WORD редакторында терілуі тиіс, «Times New Roman» қарпінде, өлшемі — 14, жол аралығы — 1,5. Жиек сызықтары жоғарғы, төменгі, оң және сол жақтары — 20 мм.

Жоғарғы сол жақ бұрышта ӘОЖ индексі (әмбебап ондық жіктеуіш, ҒТАМА (Ғылыми-техникалық ақпараттың мемлекетаралық айдары) (<http://grnti.ru>) орналастырылады.

Материалдар келесі тәртіппен орналастырылады: бірінші жолда — автор туралы толық ақпарат (тегі, аты-жөні, ғылыми дәрежесі, атағы, лауазымы, мекемесі, қаласы, мекенжайы, телефон, факс, e-mail), бір жолдан кейін жолдың орта тұсында мақала атауы (бас әріптермен), келесі жолда — мәтіннің өзі көрсетіледі. Негізгі мәтіннің соңындағы әдебиеттер бір жолға шегініспен (мәтінде төртбұрышты жақшаға алынады) және беттік ескертпелер (нормативтік-құқықтық актілер) MEMCT 7.5-98 және MEMCT РБК 12615-2013 мемлекетаралық стандартына сәйкес ресімделеді. Сондай-ақ, әдебиеттер роман алфавитіндегі (латынша) «References» — қосымша библиографиялық тізім түрінде ұсынылады.

Мемлекеттік (қазақ), орыс, ағылшын немесе басқа тілдерде жазылған мақалада атауы, түйіні, түйінді сөздері (8-10 сөз) – мемлекеттік, орыс және ағылшын тілдерінде қамтылуға тиіс. Шетелдік авторлар үшін атауы, түйінді сөздері мен түйіні екі тілде (орыс және ағылшын) беріледі. Түйінде мақсатын, әдістерін, нәтижелерін, қорытындыларын (осы тәртіппен; әр тармақ үшін бір-екі сөйлем) ашып көрсету қажет. Түйінде сілтемелерге, зерттеу орны туралы ескертулерге және т.б. рұқсат етілмейді, сонымен қатар, шифрланбаған аббревиатуралар болмауы керек. Түйін — мақаланың «айнасы», оның оқылуы мен дәйексөзінің маңызды факторы — «сығымдау», жұмыстың қысқаша мазмұны. Түйін көлемі — 150-200 сөз.

Мақаланың құрылымы жалпы қабылданған IMRAD моделіне сәйкес келуі керек. Мақала бөлімдерін келесі тақырыптар бойынша бөліп көрсету қажет: Кіріспе; Материалдар мен әдістер; Нәтижелер; Талқылау; Қорытынды (өзгешелік ретінде «Талқылау» бөлімі «Нәтижелер» бөлімімен біріктірілуі мүмкін).

Материалдың көлемі (суреттерді, кестелерді, диаграммаларды және т.б. қоса алғанда) 20 беттен аспауы қажет.

Журналға мақалаларды қосу және өңдеу құқығын редакциялық алқа өзіне қалдырады.

Материалдар талаптарға сай ресімделмеген жағдайда жарияланбайды және авторларға қайтарылмайды. Редакция жарияланған материалдардың айғақтары үшін жауапкершілікті өзіне алмайды.

Requirements for articles published since January 2023:

The text of the article should be typed in the editor WORD, the font “Times New Roman”, the font size — 14, the interval — 1.5. Indents: upper, lower, right and left -20 mm.

In the upper left corner is the UDC index (universal decimal classifier, MRNTI (Interstate rubricator of scientific and technical information) (<http://grnti.ru>).

The material is placed in the following order: on the first line — full information about the authors (last name, first name, patronymic, scientific degree, rank, post, institution, city, address, telephone, fax, E-mail), through the line — title of the article (in capital letters), on the next — the text itself. The literature at the end of the main text with an indent of one line (in the text is put in square brackets) and footnotes (normative legal acts) are drawn up in accordance with the Interstate standard GOST 7.5-98 and

GOST RISO 12615-2013. Also, the literature is presented in the form of an article—by-article bibliographic list in the roman alphabet (latin alphabet) — "References".

An article written in the state (Kazakh), Russian, English or other languages should contain the title, abstract, key words (8-10 words) — in the state, Russian and English languages. For foreign authors, the title, keywords and annotation are provided in two languages (Russian and English). In the abstract, it is necessary to disclose the purpose, methods, results, conclusions (in the given order; one or two sentences for each item). Links, references to the place of research, etc. are not allowed in the abstract. There should also be no unencrypted abbreviations. Abstract — the «face» of the article, the most important factor of its readability and citation, is a «squeeze», a summary of the work. The volume of the abstract — 150-200 words.

The structure of the article should correspond to the generally accepted IMRAD model. It is necessary to allocate sections with the names: Introduction, Materials and methods, Results, Discussion (as an exception, the «Discussion» section can be combined with the «Results» section), Conclusion.

The volume of the material is not less than 20 pages (including figures, tables, diagrams, etc.). The editorial board reserves the right to include articles in the journal and edit it. Materials that are not made according to the requirements are not published and returned to the authors. For the reliability of published materials, the editorial team does not bear responsibility.

МИР ЗАКОНА
Юридический научно-практический журнал
№ 7-8 (279-280) 2025

МИР ЗАКОНА
Заңгерлік ғылыми-тәжірибелік журнал
№ 7-8 (279-280) 2025

THE WORLD OF THE LAW
Juridical scientific and practical journal
№ 7-8 (279-280) 2025

Директор и учредитель	А. П. Скворцов
Техническая верстка	Д. К. Читян
Корректоры:	А. А. Аманбаева А. Н. Сулейменова

Журнал зарегистрирован
Министерством информации и общественного согласия РК
Регистрационное свидетельство
№ 544ж от 13 января 1999 года.

Ответственность за достоверность фактов и сведений,
содержащихся в публикациях, несут авторы.
Публикуется в авторской редакции.

Сдано в набор 05.07.2025 г. Подписано в печать 15.09.2025 г.
Формат 60х84 ¹/₈. Объем 13,5 усл. п. л.
Тираж 99 экз.

ОО «Центр деловой книги «Глобус»
г. Алматы, ул. Нурмакова, 26/195 оф. 56